

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2012

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2012

История

Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремин, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)

имени А. С. Пушкина, 2012

© Авторы, 2012

Содержание

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.-П. Б. Абдусаламов

Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. 7

К. З. Махмудова

Северо-Восточный Кавказ в «кавказском узле» восточной политики Петра I 16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А. А. Голубев

Региональная стратегия государственной политики в сфере железнодорожного строительства Российской империи 29

В. И. Данильченко

Значение выставочной деятельности для мировой экономики середины XIX – начала XX в. 37

В. В. Шевлякова

Периодическая печать в конце XIX – начале XX в. об аграрном вопросе в России 44

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Т. М. Смирнова

Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа 51

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

М. С. Виноградов

Музей и выставки как объекты цензуры в Горьковской области в 1953–1966 гг. 66

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. А. Лобанов

М. В. Ломоносов – первый российский историк права. Взгляды ученого на происхождение и сущность Древнерусского государства 76

П. А. Васильев

Обзор источников по проблеме наркотизма в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. 85

Н. Д. Козлов

Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии 93

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

И. И. Хеорхе

Деятельность командования по укреплению
морального духа подводников Северного флота
в годы Великой Отечественной войны 111

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Д. Ю. Трошин

Восстание Царскосельского гарнизона
в февральские дни 1917 г. 122

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Д. В. Надсадный

Деятельность С.-Петербургской городской думы
по призрению военных сирот и детей военнослужащих
в 1870–1900-х гг. 131

Г. В. Будашевский

Принудительный труд в исправительно-трудовых
учреждениях на территории Ленинграда
и Ленинградской области
в 1945–1956 гг. 137

Ф. К. Ярмолич

Организация интеллектуального досуга
жителей Ленинграда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. 145

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

И. А. Тропов

Материалы Ярославского губернского земского собрания
как источник по истории местного самоуправления в России
(июль 1917 г.) 154

Сведения об авторах 160

Contents

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

M.-P. Abdusalamov

Role of kumyks' trade centers in the trade economic ties
of Russia with peoples of Northern Caucasus in 17th century 7

K. Z. Mahmudova

North-East Caucasus in the «Caucasian knot»
of Eastern policy of Peter I..... 16

ECONOMIC HISTORY

A. A. Golubev

The regional focus of public policy in the sphere
of the Russian Empire railway construction 29

V. I. Danilchenko

The value of the exhibition
for the global economy the middle of XIX - early XX century 37

V. V. Shevlyakova

Periodical press in the late 19th – 20 centuries
on the agrarian question in Russia 44

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

T. M. Smirnova

The Institute of Peoples of the North in Leningrad
as an educational institution of the new type 51

HISTORY OF STATE INSTITUTIONS

M. S. Vinogradov

Museum and exhibitions as objects of censorship
in the Gorky region in the 1953–1964 years 66

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

N. A. Lobanov

M.V. Lomonosov – the first Russian historian of Law. Historian's
views of the origin and essence of the State of Old Rus 76

P. A. Vasilyev

A Survey of Historical Sources on the Problem
of Drug Addiction in Petrograd-Leningrad, 1917–1929..... 85

N. D. Kozlov

Everyday life of the people in the years of the Great Patriotic war.
Some aspects of the modern Russian historiography 93

MILITARY HISTORY

I. I. Heorhe

Activity of the command to strengthen the morale
of the submariners of the Northern fleet in the years
of the Great Patriotic war 111

RUSSIAN HISTORY PAGES

D. Troshin

The uprising of the garrison in Tsarskoe Selo during
the days of the February revolution 1917 122

SOCIAL HISTORY

D. V. Nadsadny

Activity of St. Petersburg City Duma for assistance of military
orphans and children of soldiers in 1870–1900 years 131

G. V. Budashevsky

Forced labor in correctional labor institutions in territory
of Leningrad and Leningrad region in 1945–1956gg 137

F. K. Yarmolitch

Organization of intellectual leisure of inhabitants
by Leningrad in the end 1940s – early 1950s 145

PUBLICATION OF DOCUMENTS

I. A. Tropov

Materials of the Yaroslavl provincial zemstvo meeting
as a source on history of local government in Russia (July, 1917)..... 154

About authors 160

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(470.67) «17»

М.-П. Б. Абдусаламов

Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в.

В статье на основе анализа сведений кавказоведов, русских и западноевропейских авторов XVIII–XIX вв. рассматриваются торгово-экономические связи кумыкских феодальных владений Дагестана с Россией и с народами Северного Кавказа. Развитию торговли способствовало выгодное географическое положение кумыкских государственных образований. По мнению автора, в XVIII в. торговые центры Кумыкии играли важную роль в торгово-экономической интеграции народов Северного Кавказа с Россией. Они являлись транзитными пунктами в этих торговых взаимоотношениях.

In the article based on the data received from of the Caucasian, Russian and West-European authors of the XVIII–XIX centuries the trade economic ties of kumyk feudal possessions of Dagestan and Russia and the Northern Caucasus are considered. The favorable geographical position of the kumyk state formations promoted the development of trade. According to the author's opinion kumyks' trade centers played an important role in the trade-economic integration of the peoples of Northern Caucasus with Russia in the XVIII century. They turned out to be the transit points in this trade relations.

Ключевые слова: Кумыкия, Россия, Северный Кавказ, шамхал, Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, Святой Крест, Кизляр.

Key words: Kumykiya, Russia, Northern Caucasus, shamhal, Tharkis, Andirei, Aksai, Kostek, Svyatoi Krest, Kizlyar.

Кумыкские феодальные владения играли важную роль в торгово-экономической интеграции народов Северного Кавказа с Россией.

Благодаря выгодному географическому положению кумыки держали в своих руках торговлю региона [18, с. 11]. Через Кумыкию проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в частности Великий шелковый путь. Кумыкская равнина служила главной житницей для многих районов Дагестана – все это обусловило значительное развитие торговли, экономики [14, с. 477]. Б.В. Скитский писал, что «торговля (у кумыков – М.-П.А.) была значительной, так

как земли кумыков лежали на дороге, соединяющей Восточную Европу с Закавказьем» [25, с. 123].

Основными торговыми центрами в рассматриваемый период на Кумыкской плоскости были селения Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, куда собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т. д. [8, с. 101]. Указанные торговые центры выступали в роли связующего звена в контактах горных частей Северного Кавказа с Россией.

Особо следует выделить Тарки, который был главным жизненным центром кумыкских земель [17, с. 172]. В изучаемое время Тарки являлся и политическим центром – столицей шамхальства и центром внутренней торговли Дагестана. Сюда поставляли свои товары со всех концов шамхальства, а также из других владений Дагестана. Известны древние торговые пути, связывавшие равнинный Дагестан с нагорным: дорога, идущая от Тарки через Торкалы – Кафыр – Кумух – Казанище – Кумух – Дюльтыдаг – Закаталы или Кумух – Турчидаг-Согратль – Чох [15, с. 51]. В Тарках помимо местной продукции (марена, соль, пшеница, скот, шерстяные изделия домашней промышленности, ремесленные изделия и др.) в обращении было много товаров, поступавших из Ирана, Закавказья, России (а через Россию и из Западной Европы) [9, с. 54].

Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили на Северный Кавказ и в Россию: в крепость Терки, Астрахань, Москву, а также в города Закавказья и Ближнего Востока [7, с. 107]. «Несколько жителей в Тарху, – отмечал И.-Г. Гербер, – имеют купечество в Персии и в России [11, с. 33]. На это указывал и И. Чулков: «Жители города Тарху, – писал он, – отправляют купечество с Персиею и Россией» [29, с. 472].

Особо следует отметить и тот факт, что в самих Тарках «для купечества жили» и представители других, не дагестанских народов [7, с. 109].

«Торговля внутри аулов находится в руках армян и евреев», – писал Н.Ф. Дубровин [13, с. 620]. Особенно преобладали армянские торговцы, которые продавали русские товары [16. Л. 17]. И.Н. Березин писал: «Здесь (в Тарках – М.-П.А.) находится не более тридцати лавок, и в самом лучшем здешнем магазине лежит товару много, много, рублей на семьдесят. Постоянный предмет солидной торговли составляют здесь бумажные материи для горских щеголих, верблюжье сукно для горских щеголей, и татарские башмаки для всех вообще. В летнее время базар оживляется привозными фруктами, но цена на них довольно высока: арба дынь стоит пять целковых» [4, с. 62–63].

Количество купцов, приезжающих торговать в Тарках, постоянно росло. В шамхальство Тарковское приезжали «азербайджанские, армянские, крымские, турецкие, грузинские и российские купцы» [3, с. 166].

Более интенсивный характер носили в ту эпоху торговые связи кумыкского населения с русскими. Они значительно выросли в период нахождения Кумыкской плоскости в составе Русского государства, когда для снабжения русских гарнизонов потребовались различные местные продукты [26. Л. 3]. По приказу Петра I покупка этих продуктов должна была производиться «наличными деньгами» [3, с. 166].

Основным центром торговых связей народов Дагестана с Россией стала в это время основанная Петром на реке Сулак крепость Святой Крест [22, с. 144].

Как сообщал И.-Г. Гербер, таркинцы посещали Святой Крест и ездили в Астрахань со своими товарами [11, с. 69]. Генералом Левашовым были приняты меры, чтобы дагестанцы привозили в Святой Крест побольше продуктов [20, с. 13].

Буйнакцы также снабжали местный гарнизон всякими съестными припасами [20, с. 68].

Меры, принимаемые царизмом, значительно способствовали развитию торговли не только на территории кумыкских феодальных владений, но в Дагестане в целом. Так, в грамоте Петра I от декабря 1722 г. на имя шамхала Адиль-Гирея по поводу отпуска из крепости Святого Креста ему пороха и свинца сказано: «... Пороху, свинцу и кремней велено к вам отпустить из крепости Святого Креста, что при Сулаке или от Астраханской...» [23, с. 275]. В 1724 г. последовал специальный Указ Сената о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста [23, с. 295].

В Россию из Тарков вывозились местные изделия кустарной промышленности: паласы, ковры, сукна как таркинской работы, так и из других регионов Дагестана, сабли, кинжалы, продукция сельхоздеятельности: фрукты, воск, мед и т. п., а главное, сырье: хлопок-сырец, шелк-сырец, марена. Здесь же русскими купцами приобретались и восточные товары: дорогие ткани, драгоценные камни, пряности и другие предметы роскоши, а также сырье: шелк и хлопок, часть из которых транзитом шла в Европу [15, с. 54].

В 1735 г. была упразднена крепость Святой Крест, и в том же году основан был город Кизляр, как главный административный и торговый центр на Северо-Восточном Кавказе. Он активно участвовал в экономической и политической жизни Низменного и Примор-

ского Дагестана; особенно следует отметить рост торговых связей [9, с. 54].

Большой интерес в раскрытии торговли кумыков с Кизляром представляют письма кумыкских феодальных владетелей, адресованные кизлярским комендантам. Так, 8 мая 1750 г. шамхал Хасбулат в письме к генералу А.П. Девицу просил «пропустить из Кизляра закупленных лошадей и разрешить приобрести товару, а именно, олова, нашатырю, свинцу» [28. Л. 58]. Шамхал Тарковский Муртазали, сын Хасбулата, в письме от 17 апреля 1769 г. обращался к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову с просьбой пропустить его людей «для продажи фруктов и парчи» в Кизляр и обратно [28. Л. 114]. Тарковские торговые люди были частыми гостями в Кизляре. Приезжали сюда и жители Эндирея, Аксая, Карабудахкента, Буйнака и других кумыкских селений [1, с. 36].

В шамхальство Тарковское направлялись специальные торговые агенты для закупки фруктов к императорскому двору [28. Л. 41]. Кизлярские купцы заключали подряды с кумыкскими феодальными владетелями на поставку «всяких потребных им вещей... принимая за них тамошние товары» [28. Л. 14].

В рассматриваемый период одним из крупных центров как внутренней торговли Дагестана, так и внешней – с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа, являлся Эндирей – центр Эндиреевского владения, наиболее влиятельного в Засулакской Кумыкии, который находился на трассе прикаспийского торгового пути и служил «воротами, ведущими на плоскость» [10, с. 149]. Эндирей был крупным центром и работоторговли. «Эндерейская деревня, – писал С.М. Броневский, – по местоположению своему будучи, так сказать, воротами между горами и долинами, сделалась сборным местом и главной в сей стране ярмаркой для торга пленниками, высылаемыми из Дагестана и Лезгистана» [5, с. 197–199]. Рабов из Эндирея отправляли «в Анапу, Сухум-кале, Потю, Батум, а также оттуда через турецких купцов – в Константинополь, Египет и левантские порты» [5, с. 199]. Через это владение проходил торговый путь из России в Закавказье и Иран, контроль над которым обогащал эндиреевских владетелей за счет пошлин с русских и иранских купеческих караванов за перевозки через реки Сунжа и Койсу (Сулак). Эндиреевским владетелям принадлежали и основные зимние пастбища, за аренду которых многие общества Дагестана вынуждены были уплачивать им большую плату натурой.

«Эндери стало торговым местом, куда стекались армяне и евреи, без которых торговля не мыслима», – писал П.И. Ковалевский [17, с. 167–168]. Трудно переоценить роль Эндирея как центра международной транзитной торговли, с одной стороны, и центра русско-

дагестанских торгово-экономических контактов, связующего звена между Россией и нагорным Дагестаном, с другой. Через Эндирей кизлярское купечество связывалось с Салатавией, Гумбетом, Анди, Ботлихом. Отсюда кизлярские купцы ездили в глубь дагестанских гор, в «тавлинские деревни» [15, с. 96]. В Эндирей на еженедельные базары (по пятницам) съезжались почти из всех областей Северного Кавказа. Здесь можно было встретить представителей Дагестана, Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабарды. Эндирей вел обширную торговлю не только с Кабардой, но и с Персией и Крымом. На эндирейском базаре можно было приобрести разнообразные товары, все необходимое для хозяйства горца. Почти отовсюду с плоскости и гор Северного Кавказа сюда поступали товары сельскохозяйственного и ремесленного производства: зерно, фрукты, виноград, орехи, скот, продукты животноводства, шерсть, бараньи шубы и т. д. [10, с. 149–150].

Из Эндирея транзитом через Кизляр в Россию вывозили в больших количествах марену, шелк-сырец, рис, фрукты, мед, воск, сыр, горское сукно, шелковые и бумажные ткани и т. д. Поставки марены из Эндиреевского владения в Кизляр в середине XVIII в. были весьма значительными по сравнению с другими пунктами, традиционно поставлявшими марену на российский рынок [28. Л. 12, 18, 28].

Из России в Эндирей купцы привозили сукна, меха, кубки, котлы, по специальному разрешению предметы вооружения – пищали, сабли, панцыри, и также по специальному разрешению татарских пленников – ясырь [19, с. 9]. Приезжали сюда и гребенские казаки для продажи рыбы и закупки зерна, лошадей и ремесленных изделий [28. Л. 36].

Несомненно видно, что Эндирей первой половины XVIII в. – это не только важнейший рынок сбыта продукции многих регионов Дагестана, но и партнер, и посредник русско-дагестанской торговли, одно из крупнейших селений Засулакской Кумыкии с обширной местной торговлей [15, с. 97].

Важным торгово-ремесленным центром в изучаемый период в Засулакской Кумыкии было и селение Аксай – резиденция феодалных владельцев, обособившихся от эндиреевских и ставших на путь самостоятельного развития в конце XVII в.

Аксай, находясь «на правом берегу Аксая, при выходе сей реки из гор» и в непосредственной близости к границам России, будучи расположенным на торговой магистрали, которая проходила через Кизлярский перевоз, играл значительную роль в развитии российско-северокавказских торгово-экономических связей [6, с. 242].

Каждую неделю в Аксае бывали оживленные базары, собиравшие большое количество людей из соседних областей Северного Кавказа [10, с. 152]. Торговцы съезжались сюда заранее, за один или два дня до открытия базара. Особенно много было купцов из армян, которые имели здесь множество лавок [12, с. 253].

В Аксае армяне обитали с давних времен, как и в других торговых центрах Западного Прикаспия, и обслуживали посредническую торговлю в регионе. Здесь торговали не только российскими или восточными товарами, но и привезенными с гор или других регионов Северо-Восточного Кавказа.

«Аксай представляет собою... торговый пункт в Северо-Восточном углу Кавказа», – писал Н. Семенов. «Базары на подобие ярмарок бывают в нем три дня в неделю в течение круглого года и на них съезжаются со скотом, хлебом, кожами, лесом, оружием и другими местными произведениями не только из всех мест... Дагестана, но и из Чечни и Ногайских степей» [24, с. 229]. Далее, продолжает Н. Семенов, «в Аксае множество лавок с красными товарами и масса мастерских, в которых изготавливаются азиатское оружие, металлическая посуда, земледельческие орудия, конская сбруя, обувь и прочее» [24, с. 229].

В изучаемое время Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись русско-дагестанские торгово-экономические контакты, в то же время он посредничает в торговле России с народами Северо-Восточного Кавказа [15, с. 98].

«Производимый в оном (с. Аксай – М.-П.А.) торг, привлекает туда многих соседственных чеченцев, относительно коих также весьма важно сие место» [27. Л. 3–3 об.].

Жители Аксае, как свидетельствуют архивные документы, вывозили в Кизляр и другие города на продажу марену, хлопок, шелк, рис, фрукты, мед, сукно местное, бурки и т. д. В Кизляре же они приобретали изделия русской промышленности: «для домашних потребностей ... котлов чугунных – 2, ... башмаков савровых – 4 пары, сито – 1, холста на 4 рубахи...» и пр. [28. Л. 97].

В документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 г. сообщается о том, что с терских окочан Сурхая Усманова с двумя его работниками, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов, также были взяты пошлины» [28. Л. 2 об.].

Аксаевские феодальные владельцы взимали пошлины и с кизлярских купцов, ведущих торговлю в данном владении. Так например, аксаевский владелец Эльдархан Султанмамутов в своем письме от 1 мая 1765 г. к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову высказывает свое право взимать пошлины с кизлярских купцов: «У нас и отцовские и дедовские обычаи имеются так: такие люди, ежели

в таких случаях сообщается с нашими подвластными людьми и приедут к нашим конским табунам, тогда мы с них чрез бегаулов своих, по отцовским обычаям, надлежащие пошлины берем. Но ныне мы по той же силе с них брали пошлины, а вы хотите те отдревле надлежащие наши пошлины отставить, то мы того весьма в обиду почитаем...» [28. Л. 65].

В Засулакской Кумыкии одним из известных торговых центров был Костек – центр Костековского владения. «... В торговом отношении он уступает Аксаю, хотя и в нем бывают еженедельные базары; кроме того он богат хлебом, виноградом», – писал Н. Семенов [24, с. 229]. Судя по архивным материалам Костек играл немало важную роль в осуществлении русско-дагестанских торгово-экономических контактов. Здесь также имелись лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных российских предпринимателей скупали марену, хлопок, поставляя «потребные вещи» в Костек [15, с. 99–100]. «Доходы костековского народа состоят ... в продаже в Кизляр дров, кольев в сады виноградные и леса строевого...», – писал А.И. Ахвердов [2, с. 214].

Рыболовство являлось одной из доходных статей жителей Костека и их владельцев. Как свидетельствует С.М. Броневский, «Андреевские и Костековские владельцы равномерно отдают рыбные ловли свои... армянам и российским промышленникам и получают из того изрядный доход... Река Койсу изобилует рыбою, в оной ловятся осетры, севрюги, лососи, карпы, жерех и пр. ...» [5, с. 201].

В Костеке в рассматриваемый период получило большое развитие и ремесленное производство, особенно связанное с обработкой металла. Костековские ремесленники занимались не только изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, но и ремонтом и изготовлением холодного и огнестрельного оружия. Терские казаки постоянно приобретали у местных жителей строевых лошадей и арбы. Для закупки повозок казаки выезжали в горские селения и там приобретали их для нужд всей станицы [21, с. 240].

Таким образом, вышеприведенный материал позволяет нам констатировать, что торговые центры Кумыкии (Тарки, Эндирей, Аксай и Костек) в XVIII в. приобретают все большее экономическое значение в российско-северокавказских отношениях, становясь важными транзитными пунктами в этих торговых взаимоотношениях.

Следует также отметить, что торгово-экономические связи с Россией имели прогрессивное значение для народов региона, поскольку они стимулировали рост местного производства. На свои ремесленные изделия, скот, хлеб, меха, фрукты народы региона приобретали у русских не только соль, но и предметы первой необ-

ходимости, легкий и дешевый ситец, холст и другие ткани, различные орудия производства. Разумеется, что они больше тянулись к развитию торговли с Россией, несмотря на сложность политической обстановки и антирусскую пропаганду со стороны шахского Ирана и султанской Турции.

Список литературы

1. Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. – Махачкала, 1998.
2. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 213–229.
3. Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь / пер. с франц. М. Попова. Ч. 1–3. – СПб., 1776. Ч. III.
4. Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е. изд. доп. – Казань, 1850. – Ч. 1–3.
5. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. – М., 1823.
6. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 239–246.
7. Гаджиев В.Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979.
8. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. – М., 1961.
9. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.: в 2 ч. – Тбилиси, 1968. – Ч. I.
10. Гашимов Ч.М. Из истории взаимоотношений народов Дагестана с народами Северного Кавказа во второй половине XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1969.
11. Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1760. Январь – июнь – 576 с., июль – декабрь – 596 с.
12. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. / сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1992.
13. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. – СПб., 1871. Т. I. Кн. I. – 640 с.
14. Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М. Кумыки // Народы Дагестана: сб. ст. – М., 2002. – С. 472–492.
15. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. – Махачкала, 2001.
16. Клапрот М.Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 / пер. с франц. З. Кидаловой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. I. Оп. I. Д. 76.
17. Ковалевский П.И. Кавказ. Т. I. Народы Кавказа. – СПб., 1914.
18. Кульчик Ю. Дагестан: кумыкский этнос. – М., 1993.
19. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. – Махачкала, 1954.

20. [Лерх И.Я.] Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Нов. ежемесячные соч. – СПб., 1790. Ч. 43– янв.
21. Омельченко И.Л. Терское казачество. – Владикавказ, 1991.
22. Очерки истории Дагестана. Т. I. – Махачкала, 1957.
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: док. и материалы / сост. Р.Г. Маршаев. – Махачкала, 1958.
24. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895.
25. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. – Орджоникидзе, 1972.
26. Тамай А.И. Кумыки в XVIII в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 78.
27. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 335. Комендант крепости Терки. Оп. 1. Д. 4451.
28. ЦГА РД. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 203, 723, 1196, 712, 750, 681, 532, 595.
29. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции. – М., 1785.

Северо-Восточный Кавказ в «кавказском узле» восточной политики Петра I

С началом правления в России Петра I в первой четверти XVIII в. активизируется имперская политика на Кавказе. Нарастают и претензии Сефевидского Ирана и Османской Турции на господство в регионе Северо-Восточного Кавказа, а также над странами по западному побережью Каспийского моря. В то же время повстанческое движение местных народов перерастает в национально-освободительное движение. В тисках трех великих империй происходит и поиск путей своей политической ориентации народов Северо-Восточного Кавказа. Приоритетным становится в этот период подданство России. Безусловно взвешенная и достаточно прагматичная, а зачастую и щедрая на дары местным властителям, политика предопределила перспективы дипломатических, политических, военных успехов России на Кавказе.

In the first quarter of the 18th century, since the beginning of ruling of Peter I imperial policy in the Caucasus was activated. Safavid Iran and Ottoman Empire also claimed for dominance in the North-Eastern Caucasus as well as the countries on the western coast of the Caspian Sea. At this time insurgency of the local people developed into the national liberation movement. In the grip of the three great empires the peoples of the North-Eastern Caucasus sought the ways of their political orientation. Russian citizenship became a priority. Certainly balanced and quite pragmatic, often with generous gifts to the local rulers, this policy determined the prospects of the diplomatic, political, military successes of Russia in the Caucasus.

Ключевые слова: Российская империя, Сефевидский Иран, Османская Турция, Северо-Восточный Кавказ, Мурат Кучюков, повстанческое движение, Хаджи-Дауд Мюшкюрский и антииранское движение, А.П. Волынский, подданство.

Key words: Russian Empire, Safavid Iran, Ottoman Turkey, North-Eastern Caucasus, Murat Kuchukov, insurgency, Khadji-Daud Mushkurskiy and anti-Iranian movement, A.P. Volynskiy, nationality.

XVIII в. с уверенностью можно определить как новый этап в развитии отношений России с народами Кавказа. Известно, что любая по целям и способам внешняя политика – это продолжение политики внутренней. Время преобразований Петра I в первой четверти XVIII в. отмечено складыванием бюрократического аппарата и регулярной армии, укреплением военно-политического потенциала страны; это период формирования основных принципов имперской политики России; это точка отсчета, с которой Петр I и

его сподвижники проявили весьма заинтересованное внимание к Востоку, в связи с чем и завязался, образно говоря, «кавказский узел» в восточной политике России первой четверти XVIII в.

Ответной волной нарастали претензии Сефевидского Ирана и Османской Турции на господство в регионе Северо-Восточного Кавказа, а также над странами по западному побережью Каспийского моря.

Необходимо учитывать также и тот немаловажный факт, что в этот же период на Северо-Восточном Кавказе активизируется процесс национальной консолидации народов, формируются этнополитические объединения, устремленные к независимости и к выбору выгодной для них политической ориентации.

Влияние на социально-политические события на Северо-Восточном Кавказе в первом десятилетии XVIII в., как и в XVII в., также оказывали и повстанческие движения русского крестьянства и казачества, городских низов и многонационального населения Поволжья.

Еще в конце XVII в., после подавления народных движений в России, тысячи русских людей, спасаясь от казней, устремлялись на Северный Кавказ, в том числе и на берега Терека и Сулака. Здесь они создавали целые городки и опорные базы антицаристского движения. Некоторые известные «разбойные» атаманы, такие как Костька Иванов и др., действовали среди чеченцев и кумыков в начале XVIII в. Со стороны царских властей на казаков-бунтовщиков и их союзников горцев совершались в отместку карательные экспедиции [21. Т. 1, с. 106].

События на Тереке оказались своеобразной прелюдией более грозных народных восстаний, вспыхнувших собственно в самой России. В 1704 г. началось крупное народное движение в Башкирии, а летом 1705 г. – городское восстание в Астрахани. С самого начала оно переросло в движение всего «многонационального населения Нижнего Поволжья, в котором, кроме русских, участвовали астраханские татары и другие: нерусские люди», а также стрельцы Черного и Красного Яра на Волге. При этом астраханские повстанцы рассчитывали найти себе поддержку на Тереке.

Для «пущего возмущения» были разосланы астраханской беднотой письма к донским, терским и гребенским казакам. «Зачинщики» главную надежду возлагали на казаков, «с их помощью они думали усилить смуту и пронести ее в сердце государства, до самой Москвы» [29, с. 11].

Терский воевода Д. Молостов, изгнанный из города, утверждал, что предводители терских повстанцев вынашивали широкие планы. Он писал Петру I: «терские изменники собираются и пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и

каракалпаки, соединяясь калмык побить и на твое государство иттить» [28. Кн. 8. Т. 15, с. 110].

Дореволюционная историография в событиях 1707–1708 гг., охвативших разом Башкирию, Поволжье, Дон и Северный Кавказ (Кубань, Терек), видела проявление некоего «магометанства» и составную часть всеобщего заговора русской «старины» против того нового, что несли реформы Петра I. Стержневой фигурой «магометанского» протеста и стал Мурат Кучюков, по происхождению чингизид из Каракалпакии, долгое время являвшийся заложником калмыцкого хана Аюки, от которого ушел к башкирам [29, с. 112].

В результате ожесточенных боев горские и ногайские участники движения захватили Терский город, за исключением цитадели, которую взяли в осаду. В случае же успеха Мурат Кучюмов, один из предводителей восстания башкиров, оказавшийся к тому времени в Чечне, «намерен был... идти [в Россию] и в Башкирцы», а по другому свидетельству повстанцы намеревались «захватить Астрахань и затем соединиться с казаками (имеются в виду участники булавинского движения)». Это выступление как по характеру, так и по своим целям, явилось прямым отголоском башкирского, а также булавинского «бунта».

Благодаря крупным силам, переброшенным из Астрахани, повстанцы (кумыки, чеченцы, ногайцы) были разбиты, а плененный Мурат был вывезен в Казань и казнен [28. Кн. 9. Т. 16, с. 214; 26. Т. 50, с. 4, 11, 12].

Меры, принятые Петром I в борьбе с булавинской «ребелией», восстаниями на Тереке, были, по существу, карательными. В Башкирию, на Дон и Терек были отправлены войска, физически уничтожавшие население при малейшем неповиновении.

30 сентября 1708 г. на переговорах петровского военачальника П.М. Апраксина с калмыцким ханом Аюкой было заключено соглашение из восьми статей, в том числе «о преследовании чеченцев и ногайцев» [22. Д. 9. Л. 1; 20. Т. 4, с. 121].

В этот же период усиливается русско-турецкое соперничество и в Северо-кавказском регионе. Русско-турецкий мирный договор 1700 г., заключенный после окончания успешной войны коалицией России и европейских государств против Османской Порты, не только закрепил за петровской державой Азов с прилегающей областью, но и создал новые возможности для активного влияния на северокавказские события. Недовольная результатами войны Османская империя пыталась поднять против России горские народы. В 1704 г. некоторые чеченские и кумыкские феодалы намеревались заключить с вассалом султана, крымским ханом, союз с целью уничтожения царских укреплений на Тереке. Вместе с

тем другие князья Чечни – «брагунские беки», вновь признали в 1706 г. «покровительство» России [9, с. 531].

Правители Крыма в тот же период стремились укрепиться в землях «черкесов» на Северном Кавказе и завязать отношения с народами, находившимися вне сферы своего влияния. Это были, в первую очередь, кумыки и чеченцы. Новый крымский хан Каплан-Гирей, посаженный Стамбулом на трон в 1707 г., решил направить войска на Северный Кавказ до самой Кабарды с целью полного подчинения горцев, не довольствуясь формальным признанием подданства и военным союзом. Первые отряды хана, размещенные в Кабарде, были истреблены, и Каплан-Гирей двинулся вновь в поход с силами в 30–40 тыс. чел. Осенью 1708 г. хан был разбит: «от черкес побежден», бежал и был сменен другим ханом, Девлет-Гиреем [27, с. 54–62].

Таким образом, была отбита одна из попыток ханства подчинить весь Северный Кавказ, ибо после покорения Кабарды хан намеревался двинуться далее на восток. Это и подтвердилось позже, когда в 1735 г. Каплан-Гирей вновь утвердился на ханском троне и с 80-тысячным войском, покорив Кабарду, двинулся войной на Чечню [17, с. 154].

Оттоманская Порта в этот период не поддержала ни казаков, ни башкиров, ни горцев в антицаристском движении. И даже победа России в Полтавской битве 27 июня 1709 г. не изменила ее позицию, и лишь в конце 1710 г., оценив ситуацию, правительство султана Ахмеда III объявило войну русскому царю. Спешно султан Ахмед III призывал письмами и горских князей Северного Кавказа к войне с «неверными», которые, однако, не выказали стремления поддержать Турцию. В период очередного обострения своих отношений с Россией в 1712–1713 гг. турки вновь обратили серьезное внимание на северокавказские народы. Посланцы крымского хана добрались до Чечни и Северного Дагестана «ко владельцу Андреевой деревни Салтан-Мамуту, другому – Алдигирею, тарковскому владельцу, чтоб оныя владельцы'и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана...», а князьям была дана от хана «немалая дача» [16. Т. 2, с. 11; 18. Т. 1, с. 338].

Эндирейский владелец Салтан-Мамут подошел с кумыкско-чеченскими войсками к границам прорусски настроенной Кабарды, предлагая присоединиться к союзу с Крымом, чем «некоторых... поколебал». Петр Первый, не имея возможности под страхом столкновения с Портой открыто поддержать Кабарду, посылал к горским князьям крупные суммы денег и предпринимал дипломатические усилия, стремясь удержать дагестанских и чеченских владельцев от давления на Кабарду [16. Т. 2, с. 12–14].

В донесении советника российского царя А. Бековича-Черкасского отмечалось, что привлечение горцев на сторону России отвечает жизненным как экономическим, так и политическим интересам государства [20. Т. 1, с. 108–110; 25, с. 223–225].

Царское правительство продолжало оказывать серьезную поддержку прорусски настроенной части аристократии Кабарды. С этой целью их «обороняли» как от посягательств крымского хана, так и от чеченских и дагестанских соседей. Кабардинцев всячески поощряли в их притязаниях на господство на плоскости Северного Кавказа.

В масштабном «набеге» донских казаков во главе с атаманом Краснощековым на Чечню в 1718 г. участвовали и кабардинцы. В результате нападения были разорены плоскостные аулы и захвачены 800 пленных, что резко дестабилизировало политическую ситуацию в крае. Чеченские и союзные им дагестанские силы открыли «явную войну» против Кабарды и царских укреплений на Тереке.

После ухода крымской армии астраханский губернатор А.П. Волынский отправился на Северный Кавказ с военно-дипломатической миссией и в том же 1721 г. А.П. Волынский вновь пригласил донских казаков и совместно с терскими казаками организовал рейды к рекам Аграхани и Аксай против кумыков и чеченцев [11, с. 70; 16, с. 24, 32, 102; 25, с. 225–226].

По сообщению самого А.П. Волынского, рейд не достиг поставленной цели, так как донские казаки поступили самовольно: вместо нападения на Эндерейское владение, «оставя прямых неприятелей, ...разбили улус ногайского владельца султана Махмута, зело вашему величеству потребного, которого весьма озлобили; потом пошли в Кабарду по призыву Араслан-бека», где вмешались в борьбу противоборствующих партий, «привели их между собою в ссору, и в том их оставя, а себя, богатыя, возвратились на Дон» [28. Кн. 8. Т. 15–16, с. 372].

Таким образом, политическая ситуация на Северном Кавказе в 1720–1721 гг. стала складываться в пользу Крымского ханства. К 1721 г. усиление протурецких и прокрымских позиций приняло настолько серьезный характер, что возникла опасность объединения горских феодалов под эгидой крымского хана, начиная от кумыкских и чеченских на востоке и кончая черкесскими на западе региона. Такое объединение создало бы серьезную угрозу южным границам России, и, безусловно, способствовало бы консолидации горских народов.

В этот же период местные владельцы Северо-Восточного Кавказа не исключали возможности налаживания добрососедских отношений с Россией. Так, в апреле 1720 г. кумыкские владельцы

обращались с просьбой к Петру I о «защите», но вместе с тем в случае отказа в помощи, они угрожали «к туркам... поклонися». В следующем 1721 г., в феврале, совет союзных горских князей и узденей (кумыкских, чеченских и ногайских) обращался к русским властям с выражением желания служить «царскому величеству» и просьбой наделить жалованьем. Представитель Петра I на Северном Кавказе А.П. Волынский вступил в переговоры с горскими князьями и ногайскими мурзами Северо-Восточного Кавказа [20. Т. 6, с. 165–167; 25, с. 227–228, 235–236, 257–258].

В Дагестане наиболее могущественным владением на тот период являлось Тарковское шамхальство. Значительным влиянием пользовались Кайтагское уцмийство, Казикумухское и Аварское ханства и феодальные владения Табасарана. Самостоятельными правителями в сношениях с иностранными державами выступали владельцы Буйнака, Казанища, Эрпели, Дженгутая, Утамышы, Эндирея, Аксая, Цахура и Рутула. Наряду с феодальными владениями активную роль в политической жизни региона играли некоторые союзы сельских общин. Лавирование между персами, османами, крымцами и Российской империей часто составляло основу внешнеполитической деятельности практически всех дагестанских владельцев. Итогом такого лавирования стало периодически возникавшее «общее холопство» – признание подчиненности одновременно российскому царю и персидскому шаху [18, с. 169]. История русско-дагестанских, дагестано-ирано-турецких отношений в XVII–XVIII вв. знает немало примеров, когда дагестанские правители, в частности тарковские шамхалы, временами имели двойное подданство [25, с. 11–12].

В начале XVIII в. действия держав в регионе активизировались, но местная элита не изменила проверенной тактики лавирования – разве что пришлось учитывать еще и османский фактор. Наряду с традиционным персидским присутствием становятся заметными притязания Стамбула. Кроме того, дагестанский правитель мог одновременно получать титулы от султана и шаха, жалованье от шаха и царя. До Каспийского похода российское правительство рассматривало Дагестан как сферу интересов Сефевидов. Это подтверждалось постоянным и щедрым шахским жалованьем шамхалам и уцмиям, зачастую принимавшим характер дани, о чем повествуют российские источники. В 1712 г. А.Б. Черкасский сообщал: «Персияне... для опасения своего кумыцким князьям и шевкалам... жалованье дают, и ежели, рассудить их дела, то подоно дани, и расход великой от шаха персидского владельцам кумыцким повсягодно бывает» [20. Т. 5, с. 109].

Вскоре политическая ситуация в регионе кардинально изменилась и этому способствовали, во-первых, непосильные

поборы наместниками Сефевидов – беглербергами и другими представителями шахской администрации, которые при сборе налогов произвольно увеличивали их, и, как правило, взыскивали с податного населения в два-три раза больше, чем было установлено; во-вторых, произошел отказ от политики веротерпимости. Султан-Хусайн (1694–1722) устроил гонения на суннитов в подвластных ему территориях, в том числе и на Кавказе.

Россия же в этот период, втянутая в военно-политическое противостояние с султанской Турцией и Швецией, остро нуждалась в экономических ресурсах. В этой связи вопросы восточной торговли и, соответственно, развитие транзитного Волжско-Каспийского пути имели важное значение. Оттоманская Порта, в свою очередь, стремилась усилить свои позиции на Южном Кавказе, вплоть до прямого военного захвата Азербайджана, Восточной Грузии и Восточной Армении [См: 12; 30].

Особое место в реализации геополитических притязаний османов отводилось Северо-Восточному Кавказу, которому предназначалась роль барьера на пути распространения российского влияния на Кавказе и транзитного коридора для переброски османо-крымских войск в Южный Кавказ в предстоящей борьбе с Персией. Крымский хан намеревался присоединить степные пространства междуречья Кубани и Волги и, опираясь на военно-политические союзы с владельцами Северо-Восточного Кавказа, усилить геополитическое влияние Крыма в Центральном Предкавказье. В контексте такого политического расклада утверждения ряда отечественных и зарубежных исследователей о том, что движение на Кавказ для России был не вопросом свободного выбора, а «суровая политическая необходимость», а также то, что в основе российского вмешательства в отношении народов Закавказья лежало «опасение, что в противном случае этот регион и без того нестабильный, может стать базой для военных действий враждебной державы, азиатской или даже европейской, и новые территории на юге окажутся под угрозой» [17, с. 1; 13, с. 66; 31, с. 33; и др.] представляются состоятельными.

Российское правительство предпринимало меры для сохранения дружественных отношений с «дагистанскими» народами после заключения Константинопольского мира в 1700 г. и в последующие годы, что вызывало опасения в шахском правительстве. Военно-дипломатическая миссия в Кабарду в 1711 г., в Исфахане была воспринята как верное свидетельство подготовки России к войне с Ираном, в связи с чем Ираном и был предпринят дипломатический шаг – в 1712 г. шахское посольство, в обозе которого насчитывалось около 700 подвод, прибыло в Москву [23. Д. 1. Л. 118]. Шахский посол Фазл Али-бек получил твердые

заверения о нерушимости добрососедских отношений России с Ираном, в подтверждение чего российским правительством были удовлетворены просьбы, касавшиеся прав персидских купцов в России [23. Д. 1. Л. 243]. Более того, Петр I предложил шаху военный союз против султанской Турции, отрицательный ответ в письменной форме был получен российским правительством в 1713 г. [23. Д. 1. Л. 270, 271].

Политическая обстановка на Кавказе достигла особой остроты в связи с тем, что национально-освободительная борьба народов Северо-Восточного Кавказа, а также Азербайджана против Ирана вступила в новую фазу, после того как движение возглавил уроженец Мюшкюрского магала, глава местного суннитского духовенства Хаджи-Дауд. Ему удалось придать стихийным и разрозненным выступлениям более организованный и целенаправленный характер. Известно, что Хаджи-Дауд в своей борьбе руководствовался «особым духовным учением», основное содержание которого сводилось к «свержению иноземной власти и избавлению правоверных суннитов от тирании искажителей и врагов ислама – шиитов». По существу, это учение ничем не отличалось от тех, которые проповедовал среди кумыков, ногайцев и чеченцев башкирский проповедник Мурад Кучуков.

Призывы Хаджи-Дауда к борьбе с персами нашли широкий отклик у различных слоев суннитского населения, в том числе и среди знати. Так, к восставшим вскоре примкнули кайтагский уцмий Ахмед-хан и казикумухский владетель Сурхай-хан [30, с. 47]. Продолжал борьбу и Али-Султан Цахурский [30, с. 46–47]. Остальные дагестанские владетели придерживались в основном нейтральной позиции. Исключение составлял тарковский шамхал Адиль-Гирей, который прилагал немалые усилия для подавления антишахского восстания. «Когда бунт в Дагестане и Ширване начался, – подтверждает И.-Г. Гербер, – то шамхал по своей мочи трудился оное утушить, токмо он ни добротой, ни силою то учинить не мог» [11, с. 72].

Собрав, таким образом, вокруг себя достаточные силы, Хаджи-Дауд Мюшкюрский стал совершать непрерывные нападения на шахские гарнизоны и укрепления. По некоторым данным повстанцы в этот период овладели такими городами, как Шабран и Худат [6, с. 52].

Учитывая возможный крайне негативный для Ирана политический исход, российское правительство предпринимало меры по изучению экономической и военно-политической ситуации в Прикаспийских областях, Дагестане и в самом Иране.

В 1715–1718 гг. в Иране находилось российское посольство А.П. Волынского [10], которому была дана письменная инструкция Петра I, точно им и выполненная.

Подробно ознакомившись с ситуацией в целом, 8 июля 1717 г. А.П. Волынский направил в Коллегию иностранных дел донесение, содержащее сведения о нарастании внутривосточного кризиса в Персии, слабости центральных органов власти и сепаратизме северных вассалов, низкой обороноспособности Сефевидского государства и предложение о скорейшем вступлении России в войну с шахом [4. Д. 2. Л. 200 об.-202]. Подписав с шахом выгодный торговый трактат, в декабре 1718 г. А.П. Волынский вернулся в Санкт-Петербург, где представил российскому правительству обстоятельный доклад, к которому был приложен «Журнал на персидскую карту с кратким описанием провинций и городов... и где есть какие пути удобные или нужные к проходам армии» [см.: 10]. Петр I высоко оценил результаты дипломатической миссии А.П. Волынского и вскоре назначил его Астраханским генерал-губернатором.

На основании донесений А.Б. Черкасского, А.И. Лопухина, А.П. Волынского и др. российское правительство решило тщательно изучить побережье Каспийского моря и форсировать подготовку к предстоящему походу, что и было сделано в 1716–1719 гг. под видом изучения торговых путей в Северо-Восточном Кавказе. «Все это – дипломатия, и экономика, и разведочная работа, – указывали Е.С. Зевакин и А.М. Полиевктов, – были в самом тесном и сложном переплетении между собой» [14, с. 36–37].

Для усиления влияния России в регионе А.П. Волынский предпринял ряд мер дипломатического характера. Был установлен тесный контакт с царем Восточной Грузии (Картлии) Вахтангом VI и армянскими князьями-меликами, которые обещали выставить вспомогательные силы в случае похода русских войск в Прикаспий [об этом подробно см.: 1]. С калмыцким ханом Аюкой удалось достигнуть некоторых договоренностей, усиливавших зависимость ханства от российского правительства. В июне 1719 г. для подтверждения новых условий подданства в Санкт-Петербург прибыл посол калмыцкого хана, о чем английский посол Дж. Джеффрис известил Лондон [24, с. 342–344]. Еще раньше, правильно оценив соотношение сил между Россией и шахским Ираном, тарковский владетель Адиль-Гирей последовательно шел на сближение с царским двором вопреки угрозам шахских властей лишиться его титула шамхала [30, с. 51]. И.И. Голиков отмечал, что шамхал Адиль-Гирей «... видя с стороны Шахской худые распоряжения и слабость, обратился к Российскому Монарху, отдавая себя в подданство... Его Величества...» [12, с. 218].

В 1718 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей вступает в подданство России. В 1719 г. к российскому правительству обратился посол тарковского шамхала Адиль-Гирея Магомедбек

Алибкачев. Вслед за шамхалом к России обращались Султан-Махмуд Аксаевский, уцмий Кайтагский и другие владетели Дагестана [4. Д. 3. Л. 13].

Приняв российское подданство и постоянно показывая примеры усердного и верного служения, шамхал Адиль-Гирей в течение ряда лет пытался добиться через Россию официального утверждения его прав над частью равнинных территорий чеченцев и ингушей. Одновременно, учитывая выгодное политическое и экономическое положение Терского городка, а также возможность тесного сближения с терской администрацией, которая играла большую роль в делах Северного Кавказа, он теми же методами пытался вытеснить оттуда кабардинских князей и занять их место. В связи с этим Адиль-Гирей несколько раз обращался к российскому правительству и лично к Петру I с просьбой о предоставлении ему прав на владение всеми мусульманами, живущими в городе Терки [2, с. 91]. Он хотел «чтоб сын его (Хасбулат –) имел команду в Терках над народом, нарицаемым аухом – черкесы, над которыми был начальником и беим Адиль-Гирей Тарковский» [25, с. 233]. Но Петр I послал грамоту шамхалу с отказом в его просьбе.

Вслед за шамхалом к Петру I обратились с посланиями другие кумыкские владетели. Чопан – шамхал Эндиреевский в 1719 г. передал в Коллегию иностранных дел послание, в котором он просил сообщить царю, что он и его ближние «служить великому государю готовы и пожитки свои, и улусы, и подданных всех под руки его величества» отдадут [19, с. 43].

В 1720 г. снарядил посланцев к Петру I Муртузали – шамхал Буйнакский. Он также просил принять его в подданство России. 26 августа последовал указ [30, с. 49]. Однако вскоре Муртузали из-за соперничества с Адиль-Гиреем склонился на сторону проиранских дагестанских владетелей... Находившийся под влиянием кайтагского уцмия утмышский правитель Султан-Махмуд, напав на представителей российского посольства, также занял враждебную позицию по отношению к России [30, с. 51].

В донесении Петру А.П. Волынский сообщал «Кумыцкой народ хотя и под персицкою протекциею,а между их народом великую силу имеет владелец Тарковский Алдигирей» и что «кумыцкой же владелец именем Салтан Мамут Аксайской, который кочует близ Терка, а и оной также в их народе силен, и с которого уповал бы я впредь немалого плода также и ныне показывает некоторые верности токмо от управителей наших зело недоволен также и жалованья ему зело мало» [3. Д. 3. Л. 6, 7].

Астраханский губернатор предлагал: «Которые впредь усмотрены будут из оных народов склонные к стороне его царского величества, таким хотя малое некоторое награждение по моему

мнению надлежало б, ибо тем и других привести к склонности возможно» [З. Д. 3. Л. 8]. Российский император Петр I в целом благосклонно отнесся к этому предложению и указал: «О сем разсмотря також писать кому и какое награждение учинить надлежит» [З. Д. 3. Л. 10].

Рассчитывая наладить дипломатические сношения с сопредельными странами, а возможно, и получить военно-политическую поддержку, Хаджи-Дауд Мюшкюрский направил 22 апреля 1721 г. к астраханскому воеводе И.В. Кикину два письма. В первом объяснялись причины восстания и раскрывались ближайшие планы повстанцев. В заключение воеводе И.В. Кикину предлагалось указать «чтоб приезжали к нам торговые люди... и чтоб они, торговые люди, ни в чем не опасались...» [7. Д. 1. Л. 4]. Во втором письме Хаджи-Дауд писал: «Хочу с вашей милостию дружелюбие иметь и соседство» [7. Д. 1. Л. 5]. Та легкость, с которой А.П. Волынскому удалось убедить Петра I в нецелесообразности принимать Хаджи-Дауда в свое подданство, говорит о том, что планы повстанцев не только не соответствовали, но прямо противоречили намерениям самого императора. Негативный ответ российского правительства имел серьезные политические последствия, отразившись на внешнеполитической позиции руководителей восстания.

С осени 1721 г. Хаджи-Дауд и Сурхай-хан стали добиваться поддержки уже со стороны султанской Турции. Однако османское правительство, стратегические интересы которого в основном сосредоточились на Южном Кавказе, всячески затягивало решение этого вопроса и не торопилось открыто поддержать антииранское движение.

С начала 1722 г. Хаджи-Дауд Мюшкюрский стал совершать нападения на сефевидские города и гарнизоны за пределами Ширвана, и в конечном итоге освобождение Шемахи явило собой конец более чем 200-летнего сефевидского господства в регионе. Власть в Ширване полностью перешла в руки повстанческих сил во главе с Хаджи-Даудом Мюшкюрским... «взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхаем разделил» [11, с. 95].

Тем временем геополитическая обстановка в регионе в связи с обострением российско-османского противоборства за персидское наследство на Кавказе все более осложнялась.

Астраханский губернатор А.П. Волынский предлагал российскому правительству предупредить османскую экспансию, незамедлительно начать военные действия и присоединить к России Прикаспийские провинции Ирана, для чего удобно использовать «шемахинский инцидент». Император Петр I принял предложение губернатора. В начале 1722 г. Коллегия иностранных

дел предписала резиденту И.И. Неплюеву «на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы проведать и нам о том... доносить» [5. Д. 4. Л. 41], а также стараться, чтобы султан не принял Хаджи-Дауда и Сурхая в свое подданство, учитывая, что османы, пользуясь «замешательствами в Персии, готовы к себе присовокупить» владения на Кавказе [5. Д. 4. Л. 33].

Таким образом, для народов Северо-Восточного Кавказа вступление в XVIII в. ознаменовалось, во-первых, борьбой за независимость и поиском самостоятельных путей политической ориентации. Во-вторых, необходимо признать, что более привлекательным для народов Северо-Восточного Кавказа становится подданство России. В-третьих, «кавказский узел» в восточной политике Петра I завязался достаточно прочно, что определило перспективы дипломатических, политических, военных и экономических успехов России в борьбе с Ираном и Турцией за господство на Кавказе.

Список литературы

1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. – Баку, 1965; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях в XVI–XVIII вв. – Тбилиси, 1974; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода. – Ереван, 1980.
2. Абдусаламов М.-П.Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. – Махачкала, 2008.
3. АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1719–1720 гг.
4. АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1716–1718 гг.
5. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. 1722 г.
6. Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Дела Андреевской деревни. Оп. 101. 1721 г.
8. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001.
9. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. – СПб., 1869.
10. Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). – М., 1978.
11. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. – Краснодар; Армавир, 2004.
12. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. – М., 1958.
13. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. – М., 1789.

14. Дегоев В.В. Большая игра на карте; история и современность. – М., 2001.
15. История Дагестана. – М., 2004. Т. 1.
16. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – М., 1957. – Т. 2.
17. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. – Махачкала, 2003.
18. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI - начале XX в. – Махачкала, 2008.
19. Магомедов Р.М. Россия и Дагестан: страницы истории. – Махачкала, 1987.
20. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1, V. – СПб., 1830.
21. Потто В.А. Два века Терского казачества. – Владикавказ, 1912. – Т. 1.
22. РГАДА Ф. 119.1708 г.
23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 77. 1711–1713 гг.
24. Российско-иранские отношения: сб. Т. 61. – СПб., 1888.
25. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. – Махачкала. 1958.
26. Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 50. – СПб., 1886.
27. Сокуров В.Н. Канжальская битва и её отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные проблемы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. – Нальчик, 1986.
28. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – СПб., 1873. Кн.9. Т.15-16.
29. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – М., 1984.
30. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М., 1991.
31. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. – Смоленск, 2001.

А. А. Голубев

Региональная стратегия государственной политики в сфере железнодорожного строительства Российской империи

В статье рассматривается актуальная проблема региональной стратегии государственной политики в сфере железнодорожного строительства Российской империи в XIX – начале XX в. Огромные территории России требовали от правительства выбора направления для эффективного пространственного развития страны и ее отдельных регионов. Государственный подход к сущности проблемы обеспечения регионов железнодорожными путями сообщения проявился при разработке государственной железнодорожной политики и планов создания единой транспортной сети страны.

The article is devoted to the actual problem - the regional focus of public policy in the field of the Russian Empire railway construction in the XIX – the beginning of the XX centuries. Enormous territories of Russia required the choice of direction for effective spatial development of the country and its separate regions from the Government. National approach to the essence of the problem of providing regions with railway lines of communication was shown in the elaboration of state rail policy and plans of creating the country integrated transport network.

Ключевые слова: регион, модернизация, внутренний рынок, производственный район, государственный комплексный план, сеть железных дорог, геополитическое положение, мировые транспортные коммуникации.

Key words: region, modernization, domestic market, manufacturing area, government comprehensive plan, railway network, geopolitical position, global transport communications.

Отличительной чертой России является ее огромная территория, которая одновременно омывается водами трех океанов. Поэтому для национальной безопасности, решения стратегических проблем и развития системы взаимоотношения с внешним миром перед государством при выработке политики в сфере железнодорожного строительства всегда вставала задача выбора направления для эффективного вложения средств и принятия решений по пространственному развитию страны и отдельных регионов.

Уже в первые десятилетия появления железных дорог в Европе лучшие российские учёные и инженеры понимали огромную значи-

мость железнодорожного строительства и для регионального развития страны. Особую роль в обосновании региональной стратегии в строительстве железных дорог сыграл П.П. Мельников. Ещё в 1844–1847 гг. он разработал первый план развития сети рельсовых путей в России общим протяжением свыше 3200 км, предлагал развернуть строительство железнодорожной магистрали Москва – Курск – Харьков с ответвлениями на Одессу и Крым с тем, чтобы связать Черное море с Балтийским. Но руководил Главным управлением путей сообщения тогда П.А. Клейнмихель, который этот план не поддержал. Было начато строительство Петербург-Варшавской магистрали протяжением 1280 км [6, с. 74]. Так в истории развития железнодорожного транспорта определялось противоборство между объективными потребностями многих российских регионов в расширении сети железных дорог и субъективными, иногда и корыстными интересами.

Перед началом Крымской войны Россия имела всего 1065 км железных дорог, в том числе Варшаво-Венскую линию длиной с ветками 300 км и участок Петербург – Гатчина Варшавской магистрали в западном направлении. В 1854 г. правительство спешно образовало особую экспедицию для изыскательских работ по постройке железнодорожной линии в южном направлении. Комиссию возглавил П.П. Мельников, а во главе семи полевых партий экспедиции стояли Д.И. Журавский, В.С. Семичев, В.А. Панаев и др. Инженеры провели огромную работу. Они промерили и пронивелировали на местности около 4 тыс. км вариантов трассы проектируемых линий. Особое внимание придавалось территории современного Донецкого бассейна, будущей каменноугольной железнодорожной линии. По итогам работы экспедиции в докладе «О результатах изысканий железных дорог от Москвы к Черному морю», было научно обосновано южное направление [9]. Это свидетельствует о государственном подходе к проблеме обеспечения регионов железнодорожными путями сообщения.

П.П. Мельников предложил научно обоснованный план развития сети рельсовых путей в соответствии с потребностями страны в целом и отдельных регионов. План предусматривал очередность прокладки железнодорожных линий на территории России. В первую очередь планировалось строительство железных дорог в земледельческих, промышленных и добывающих районах для связи с внутренними рынками. Лишь затем, обеспечив внутренний рынок, железные дороги должны были соединить производственные районы с портами. За заслуги по становлению и развитию железнодорожного транспорта России в 1857 г. П.П. Мельников был награжден орденом св. Владимира второй степени [3, с. 213].

В последующем был разработан новый проект плана строительства сети железнодорожных линий страны. В 1866 г. Министерство путей сообщения в соответствии с этим проектом разработало план строительства важнейших железнодорожных линий. Это был государственный комплексный план, предусматривавший соединение транспортными линиями, прокладываемыми в различных направлениях, основных промышленных, торговых центров и бассейнов рек, как водных путей сообщения. Намечалось строительство сети железных дорог в пяти направлениях:

- южное: от Москвы через Тулу, Орел, Курск, Харьков, Екатеринослав и Александровск в Крым через Симферополь до Севастополя (1535 км);

- восточное: от Орла через Тамбов до Саратова (725 км);

- западное: от Орла через Смоленск, Витебск до Динабурга (где начиналась уже построенная Риго-Динабургская линия и проходила Санкт-Петербург – Варшавская дорога) и далее от Риги через Митаву до Либавы (1074 км);

- юго-западное: от Одессы через Балту, Брацлав и Липовец в Киев и от Киева через Чернигов на соединение с Западной линией между Брянском и Рославлем (1135 км);

- юго-восточное, или Антрацитное: от Екатеринослава до Грушевки (от нее уже пролегалла линия к Дону у Аксая) (405 км) [2, с. 118].

Либеральные реформы 1860-х – 1870-х гг. создали предпосылки модернизации всех территорий страны, существенно изменяя экономическое, социальное и культурное развитие общества, ускоряя социально-экономический прогресс. Это предполагало развитие более эффективных связей центра и регионов. При столь обширной и разнообразной территории страны железные дороги, оказывая воздействие на территории, были необходимым условием развития внутреннего рынка страны во взаимодействии с регионами.

Громадный для России подъем железнодорожного строительства в пореформенный период обеспечил сдачу в эксплуатацию крупнейших железнодорожных магистралей, прежде всего, в центре страны. Это линии: Москва – Орел – Курск – Лозовая – Ростов-на-Дону – Владикавказ; Лозовая – Севастополь; Москва – Смоленск – Брест; Москва – Воронеж – Грушевские Копи; Курск – Киев – Казатин – Жмеринка – Балта – Бирзула, соединившаяся с ранее построенной островной линией Одесса – Раздельная – Балта; Москва – Сергиево, продолженная до Ярославля; Москва – Рязань и позднее – Сызрань; Орел – Витебск – Рига; Бахмач – Минск – Либава и др. Эти магистрали соединили территории центрального экономического района России с важнейшими торговыми портами на Балтийском

и Черном морях, а также с судоходными реками и обеспечили транспортные связи между крупнейшими городами в центре страны.

Для понимания региональной составляющей в железнодорожном строительстве России в прошлом и настоящем огромное значение имеет объективная оценка ресурсных возможностей, роли, степени и форм участия местных органов власти в сооружении железных дорог. Местные органы управления в лице земств были заинтересованы в развитии транспортной инфраструктуры на своей территории. Борьба за появление и расширение на территории рельсовых путей в абсолютном большинстве случаев повышала авторитет губернатора и земского руководства как сторонников прогресса и демократических преобразований в интересах местного населения.

Земства получали права на концессии, распоряжались местными ресурсами, привлекали местное население и предпринимателей к строительству железных дорог. Однако земства не располагали достаточными финансовыми средствами и передавали концессии частным предпринимателям. Так, на основе концессии выданной земству Воронежской губернии с привлечением капитала С.С. Полякова была построена Козлово-Воронежская дорога. Елецкое земство, получив концессию, построило с участием частного капитала железную дорогу от Ельца до Орла. Активно участвовали в сооружении Мурманской железнодорожной магистрали Санкт-Петербургское и Олонецкое земства [4, с. 13 – 22].

К 70–80-м гг. XIX в. в России сложилась достаточно развитая сеть железных дорог, связывавшая внутренние губернии страны с Балтийским, Черным и Белым морями, с важнейшими пунктами юга, востока и запада империи, а также центральные территории с некоторыми регионами. К 1874 г. из 60 губерний в Европейской России 44 имели железные дороги. Без железных дорог оставались 16 губерний: Архангельская, Астраханская, Вятская, Казанская, Калишская, Калужская, Люблинская, Олонецкая, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Полоцкая, Радомская, Самарская, Симбирская и Уфимская. В 44 губерниях с железными дорогами проживало 55,82 млн чел. Во всех 60 губерниях – 73,63 млн чел. В пространственном отношении 44 губернии давали 2266,3 тыс. квадратных верст, а все 60 губерний – 4425,8 тыс. квадратных верст. Со станций железных дорог в губерниях было отправлено 26,079 млн пассажиров 1432,7 млн пудов грузов [1].

Нельзя не отметить, что почти половина территории Европейской России не имела рельсовых путей, включая такие крупные регионы, как Архангельская, Астраханская, Вятская, Олонецкая, Оренбургская и другие губернии. По густоте сети железных дорог Россия продолжала сильно отставать от передовых стран, которые

строили железные дороги достаточно высокими темпами. С учётом масштабов России ситуация в регионах в сравнении с западными странами выглядела не впечатляюще. Так, земля Войска Донского имела наиболее крупную эксплуатируемую сеть – 882 версты. Площадь этой территории составляла 140 тыс. квадратных вёрст. А Бельгия с площадью в 26 тыс. кв. вёрст имела 2815 верст железных дорог. По показателю размера сети железных дорог в соотношении с площадью земля Войска Донского уступала Бельгии в 20 раз [1, с. 93].

На рубеже XIX–XX вв. на экономическое развитие России, граничившей со многими государствами мира, существенное влияние оказывали изменения в геополитическом положении страны. Особенно отчетливо воздействие геополитического фактора на динамику региональных экономических показателей прослеживается в показателях развития страны и регионов. При этом основное внимание уделялось соотношению между территориальными масштабами России и оптимальными направлениями ее внешней политики в интересах самосохранения, а также интенсивного хозяйственно-промышленного развития и возможностей расширения международных связей.

Стратегическая задача России состояла в том, чтобы занять прочные позиции в Азии, а в перспективе превратиться в великую тихоокеанскую державу, для чего на данном этапе требовалось активизировать экономическое освоение Дальнего Востока и расширить российское политическое присутствие в сопредельных странах Восточной Азии. Учитывая выгодное территориальное расположение России и возможность транзита азиатских товаров в Европу по отечественным транзитным путям, восточноазиатскую политику России в числе прочих отстаивал и министр финансов С.Ю. Витте. Он считал, что на долю России «выпадает защита сопредельных ей восточных стран, находящихся в сфере ее ... влияния» [7, с. 10]. С 1891 г., с началом строительства Транссибирской магистрали, началось железнодорожное освоение Дальнего Востока, был осуществлен своеобразный прорыв в торгово-экономических отношениях с Китаем.

Факт сооружения дороги явился подтверждением того, что в политике Российского государства начала XX в. более пристальное внимание уделялось азиатскому направлению. Это прослеживается и по показателям внешнеторговой деятельности. Если в середине 50-х гг. XIX в. товарооборот через азиатские границы составлял 3,5 % от общероссийского, то в конце века он вырос уже до 11,8 %. В первое десятилетие XX в. доля азиатской торговли по экспорту увеличилась на 70 %, по импорту – на 10 % [5, с. 159].

К 90-м гг. XIX в. в российском правительстве определилась важность не только центрально-европейского и азиатского, но и северного направления, что заставило искать новые выходы к северным портам Белого и Баренцева морей. При деятельном участии С.Ю. Витте практически обосновывалось северное направление в развитии региональной железнодорожной политики. В 1894 г. в Комиссии по проведению железных дорог на Севере России при Департаменте железных дорог Министерства финансов рассматривался вопрос о необходимости связи Санкт-Петербурга с побережьем Северного Ледовитого океана [10].

В различные исторические периоды Российское государство проявляло определенный интерес к географическому Северу, но суровый климат, неплодородные почвы, трудности обустройства жизненного пространства становились препятствием на пути освоения Севера. Окраинные приграничные территории Севера имели и имеют важное значение для государства, так как по ним проходит государственная граница и коммуникационные связи с внешним миром. Естественно, что российский центр должен был выработать специальную программу, соответствующую задачам конкретного исторического периода. Взаимодействие центра Российского государства в северном направлении с территорией Кольского полуострова интенсивно происходило со строительством железной дороги и созданием океанского порта на побережье Баренцева моря.

Важность региональной составляющей в железнодорожном строительстве в полной мере осознавалась экономической и научной элитами страны. Влияние железных дорог на развитие различных регионов всё больше становилось предметом специального анализа в государственных органах, обсуждалась стратегия экономического развития страны. Одним из таких органов была Особая Высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Так, выдающийся ученый, экономист и государственный деятель Н.П. Петров подвел некоторые итоги, связанные с влиянием железных дорог на развитие различных территорий [8, с. 9–11].

В государственной политике по развитию железнодорожного транспорта происходила пространственная переориентация железнодорожного строительства на Север, а именно Северо-Западное направление для связи с Европой. Исходя из высших интересов государства, возникла практическая необходимость предпринять комплекс мер по укреплению и развитию транспортной инфраструктуры пограничной территории северо-запада страны для развития международных связей. Вполне реальным стало осуществление идеи стратегического «коридора» к Ледовитому океану. Только такие

стратегические пути обеспечивали выход Российской империи на мировые транспортные коммуникации.

Среди целей железнодорожной политики в Северо-Западном регионе для поступательного развития страны были такие, как освоение богатств обширных территорий, формирование транспортной инфраструктуры края для надежного сообщения с внутренними губерниями России, обеспечения выхода к незамерзающим гаваням северного побережья и в открытый океан. Развитие железнодорожной сети в этом крае было и местом притяжения капитала с целью извлечения прибыли. Обоснование строительства железной дороги на север связано не только с освоением территорий и развитием экономических отношений центральных территорий России с Северо-Западом, а также одновременно с решением стратегических задач и расширением международных связей.

Региональная направленность государственной политики в сфере железнодорожного строительства обусловлена геополитическими интересами России, огромной территорией страны, особенностью регионов, что обуславливает проблемы и необходимость их решения с позиций географической направленности. Географическая направленность государственной политики в железнодорожном строительстве неразрывно связана с российской внешнеэкономической деятельностью. Проблема географической направленности российской железнодорожной политики относится к числу наиболее дискуссионных, это подтверждают многочисленные обсуждения при выборе направления крупных железнодорожных магистралей и отдельных линий. Эти проблемы являются важными при определении направлений современных железнодорожных линий в условиях развития интеграционных процессов как внутри страны, так и в мировом масштабе. Проблема продвижения отечественных товаров на мировые рынки была и до настоящего времени остается актуальной. Так, доля России в мировом торговом обороте в конце XIX в. не превышала 4 %. По итогам 1997 г. удельный вес современной России в международной торговле составил всего 1,4 %. На 2010 г. этот показатель вырос до 5 % [11].

Список литературы

1. Блюх И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т. I. Постройка и эксплуатация железных дорог. – СПб., 1878.
2. Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно. – СПб., 1898.
3. Воронин М.И. и др. П.П. Мельников – инженер, ученый, государственный деятель. – СПб., 2003.
4. Голубев А.А. Вклад Олонецкого земства в сооружение Мурманской железнодорожной магистрали / Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. № 143: науч. журн. – СПб., 2011.

5. Горшенин С.Г. Наследие С.Ю. Витте и современная государственная внешнеэкономическая политика России / С.Ю. Витте выдающийся государственный деятель России. – СПб., 1999.
6. История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836–1917 гг. – СПб., 1994.
7. Лукоянов И.В. Дальневосточная политика С.Ю. Витте (1893–1903 годы) / С.Ю. Витте выдающийся государственный деятель России. – СПб., 1999.
8. Петров Н.П. Экономическое значение русских железных дорог. – СПб., 1910.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 219. 1855. Оп. 3. Д. 5188. Л. 33–56^{об}.
10. РГИА. Ф. 1276. Оп.20. Д. 81. Л. 16.
11. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/index>

В. И. Данильченко

Значение выставочной деятельности для мировой экономики середины XIX – начала XX в.

В статье рассматриваются некоторые аспекты истории всемирных промышленных и сельскохозяйственных выставок, проходивших во второй половине XIX – начале XX в. Выставки характеризуются как особая форма организации трансграничных экономических связей. Показаны основные функции, выполняемые выставками в указанный период.

This article discusses some aspects of the World Exhibition of XIX – beg. XX century. discussed the need to show the organization as a special form of cross-border economic ties. The basic functions performed shows in that period.

Ключевые слова: экономика, торговля, ресурс, всемирная выставка, коммерция, функция.

Key words: the economy, trade, resource, world's fair, commerce, the function.

История эволюции мировой экономической системы однозначно демонстрирует невозможность осуществления в долгосрочной перспективе политики автаркии. Автаркия – это политика самоизоляции государства, хозяйственного и иного обособления страны, направленная на создание экономической системы, замкнутой в рамках одной страны [1, с. 7].

Если же рассматривать практически все стороны международных отношений, от военно-политических до социально-экономических, то необходимо отметить, что одно из важнейших мест занимает торговля и сопутствующие категории, включая формирование инфраструктуры торговли, в которую входит целый комплекс мероприятий: от создания транспортных и складских сетей, до проведения специализированных мероприятий, к которым помимо прочих относятся и выставки.

Кроме выполнения основной функции – снабжения необходимыми ресурсами и за счет этого получения прибыли в международной торговле, существует еще фактор межгосударственной конкуренции, которая в полной мере проявляется именно при участии производителей той или иной страны в выставочной деятельности.

Данное положение особенно сильно проявилось в середине XIX в. Это было время быстрого развития капитализма и мирового рынка, важных научных открытий, изобретений и интенсивного технического прогресса, открывших эру так называемого «индустриального общества». Являясь в начале своей деятельности «парадами национальных тщеславий» [2, с. 169], отражавшими естественные стремления к государственному соперничеству, всемирные выставки очень скоро оказались эффективным стимулом и способом развития разносторонних деловых и творческих контактов, взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур.

Первую всемирную выставку устроила в своей столице ведущая промышленная держава – Великобритания, стремившаяся к свободе международной торговли и раньше других осознавшая плодотворность и перспективы подобных глобальных мероприятий. Так, для реализации принципов свободной торговли англичане в 1845 г. отменили 430 статей пошлинного тарифа [3, с. 3]. Для Великобритании, которая имела за счет колониальной политики большинство необходимых ресурсов, а также лидерство в технологическом плане фритредерская политика (т. е. политика свободной торговли) была объективно необходима. Именно в целях максимального использования своих конкурентных преимуществ на международном рынке в области технологий и развития производства Англия стала пионером в такой сфере организации хозяйственных связей, как организация всемирных выставок.

Совместившие в себе черты огромных универсальных интернациональных музеев современной цивилизации, масштабных деловых и научных конгрессов-конференций, международных конкурсов товаров и товарных бирж, популярных праздников – развлечений всемирные выставки были самыми грандиозными и известными культурными событиями Европы и Америки середины XIX – начала XX в. [4. Л. 1–3].

«Пусть все народы работают совместно над великим делом – совершенствованием человечества» – таков был девиз первой Всемирной выставки 1851 г. в Лондоне [3, с. 1–3].

Приступая к оценке значения всемирных выставок для мировой экономики того времени отметим, что мнения по этому вопросу содержатся в большинстве документов, вышедших из-под пера непосредственных очевидцев и участников тех событий: экспертов, критиков, членов подготовительных комитетов. Включены они и в официальные отчеты Распорядительного комитета по организации участия России, в отчеты отраслевых экспертов.

В отчете А. Ермолова по сельскохозяйственному отделу Европы и Америки на Венской Всемирной выставке 1873 г., ее значение оценивается отнюдь не как «мимолетное» – «...она служила выражением данного культурного момента в жизни народов и цивилизованного мира; она знаменовала собой эпоху в истории промышленности, эпоху, которая очевидно, не могла закончиться с закрытием выставки...» [5. Л. 14]. Это замечание автор отчета подкрепляет рассуждением о том, что, несмотря на существенные затраты в подготовке и проведении выставочных мероприятий, «если они до сих пор сохраняют за собою некоторое значение», то это «именно ввиду того, что они доставляют народам такой богатый материал для изучения, что они, как в фокусе окуляра, собирают со всех концов земного шара все то, что может служить характеристикой данного исторического момента» [5. Л. 15].

Обобщая доминировавший в ту пору взгляд на изучение и описание отделов всемирных выставок, А. Ермолов приравнивал их к «изучению различных отраслей народнохозяйственного дела в их эпоху. Этим, прежде всего, объясняются как действительный интерес всемирных выставок, так и значение тех отчетов и более или менее специальных сочинений о них» [2, с. 35]. Отдельное место занимает аграрная отрасль, которая по убеждению Ермолова «должна считаться первоначальной, а вместе с тем основной отраслью народного хозяйства, обуславливающего в то же время возможность существования и развития всех других» [2, с. 36].

Таким образом, аграрной отрасли отводилось стратегическое значение, причем, в экономике не только России, но и в мировой экономике, так как она будучи самым тесным образом связана с изучением истории жизни и развития человечества может дать ключ к познанию известного исторического момента, познанию действительного характера того или другого народа, охватывая все стороны не только материальной, но и нравственной жизни человека.

Безусловно, по большей части эти оценки не лишены эмоциональной окраски под влиянием непосредственных впечатлений от увиденного (что, в свою очередь, также косвенно свидетельствует о выставках, как выдающихся культурных явлениях своего времени) и могут, на первый взгляд, показаться несколько преувеличенными. Для нас резолюции современников представляют интерес в первую очередь с точки зрения соотносительности явления с конкретным «настоящим» моментом исторической реальности, по меткому замечанию Ф. Львова, «...я убежден, что всеобщие всемирные выставки потеряют свое обаяние, а серьезное значение останется...» [10, с. 18]. Они представляют собой ту «породу», обработав которую

только и возможно выделить необходимый для объективного исторического понимания «сухой остаток».

По убеждению Ф. Львова, выступавшего от имени Русского технического общества, Лондонская выставка 1871 г.:

- заключала в себе «коммерческое и моральное» значение и «вследствие объяснений и обмена мыслей с экспонентами смягчала враждебные отношения разных национальностей»;

- создавала основу международному партнерству и сотрудничеству;

- демонстрировала экономический, научный, промышленный, торговый потенциал стран-экспонентов – «...измерялась сила, жизнеспособность и будущность государств по их успехам в промышленности» [6. Л. 22].

Оценивая вклад всемирных выставок в развитие мировой экономики, следует отметить, что после Великой французской революции социальный вопрос стал предметом пристального внимания буржуазной Европы и нашел свое отражение в экономике, став не просто актуальным фактором, но предметом постоянного напряженного внимания в реалиях быстроразвивающихся капиталистических отношений – «вопрос о рабочих жилищах делается после 1848 года одним из важнейших вопросов социальной политики» [11, с. 72]. Не был он обойден вниманием и на всемирных выставках. И. Сокальский в отчете, касающемся представленного на Всемирной выставке 1867 г. в Париже «социального» раздела, отмечал, что «ни один раздел выставки не возбуждал в посетителях, интересующихся социальными вопросами, так много ожиданий, такого интереса и вместе с тем не готовил для них так много разочарований» [2, с. 15].

Официальной главной целью всех выставок считалось выявление «успехов, достигнутых различными странами в одной отрасли или нескольких отраслях производства, и во время которого, по существу, не делается никакого различия между покупателями или посетителями» [3, с. 54].

На тех или иных всемирных выставках указанная цель реализовывалась по-разному, например в Вене, в 1873 г. были представлены следующие направления:

1. Достижения научно-технического прогресса – сравнительная выставка машин, аппаратов, а также способов и методов производства с целью «изобличать постепенное усовершенствование различных изобретений, как-то: швейной машины, ткацкого станка, телеграфа, фотографии, представляя, таким образом, собою наглядный очерк истории изобретений и вместе с тем, указывая, в чем действием машин заменяется ручной труд и насколько, благодаря тем же машинам, увеличивается производительность сего труда».

Выставка произведений однородных, но принадлежащих разным эпохам, демонстрирует развитие производительных сил разных отраслей промышленности, их зависимости от изменения вкуса и влияние их на него, а также значение ими, снисканное в области народного хозяйства. Так составит наглядный материал для истории промышленности.

2. Состояние дел и достижений перерабатывающей промышленности, ее связи с наукой – «особый отдел посвящается обработке и обращению ее отбросов: в него войдут означенные отбросы, произведения из них извлекаемые, а также попутные продукты, на сколько эти способы обработки и производства новых ценностей принадлежат к открытиям и изобретениям, сделанным со времени первой всемирной выставки в 1851 г. в Лондоне» [4, с. 20].

3. Сводные статистические обзоры по отраслям экономики, включая сравнительные таблицы, по пятилетним периодам и цены важнейших предметов потребления в главных центрах производительности, с приложением к этим ценам проб и образцов; данные по международному морскому торговому обороту – товарные статьи главнейших портов в образцах и пробах с обозначением: мест происхождения и сбыта, количества провоза и отпуска, цены и т. д., а также статистические данные и таблицы, изображающие движение навигации торговли каждого из коммерческих портов за последние десять лет.

4. Введение унификации по формам статистической информации. Это должно было способствовать изучению выставки через призму числовых данных и таблиц, применяемых ко всем отделам выставки, «чтобы этим путем могли официально выясняться промышленные и экономические успехи, сделанные разными государствами, со времени первой лондонской всемирной выставки 1851 г.».

К числу обязательных для предоставления документов относились сравнительные ведомости – поверхностей обработанной почвы; годового сельскохозяйственного производства; цены продуктов; цены на землю, денежного роста; протяжения железных дорог; численность народонаселения – и тому подобные данные по годам проведения предыдущих всемирных выставок (1855, 1862, 1867 гг.), так чтобы в «самом выставочном отделе каждого государства наглядно были обозначены его производительные силы».

5. Обмен научно-технической информацией в период проведения выставки. Допускались международные конгрессы: ученых и художников, преподавателей, медиков, представителей художественно-промышленных музеев, инженеров и архитекторов, представителей коммерческих и мануфактурных палат, специалистов по части бан-

кирских и страховых операций, сельского и лесного хозяйства, горнозаводского дела.

В ходе работы выставки осуществлялось выявление критериев и эталонов качества экспонатов. Для определения достоинства выставленных экспонатов учреждались международные суды экспертов (jury). Каждый из экспонентов должен был объявить о своем желании или нежелании подвергнуть свои произведения суду экспертов. Для прочих (кроме изящных искусств) произведений были установлены следующие награды: «медаль преуспения; медаль заслуги; медаль изящного вкуса; дипломы одобрения; медаль сотрудничества»; учреждена специальная категория поощрений, присуждаемых лицам и корпорациям, «заслуживающим признательность за распространение народного образования, развитие промышленности и народного хозяйства, а также за особую заботливость об умственном, нравственном и материальном улучшении быта рабочих сословий» [8, с. 13].

В рамках международных конгрессов научной общественности стало возможным вырабатывать позиции ученых и практиков на различные проблемы мироустройства, мировой экологии, мирового хозяйствования и доводить их до сведения общества и власти.

Так, «Заключения первого международного конгресса сельских хозяев и лесоводов, имевшего место в Вене в сентябре 1873 года» (входящего в программу всемирной выставки) содержат ряд инициатив, обращенных как к австрийскому правительству (по вопросу защиты экологии), так и к правительствам всех европейских государств, относительно: а) дальнейшего развития сельскохозяйственной и лесной статистики, в части унификации методов ее сбора, обработки и обмена между заинтересованными государствами; б) организации в сфере сельскохозяйственной науки общей и международной системы наблюдений; в) необходимости международного соглашения для противодействия постоянно возрастающему истреблению лесов.

Прямо и косвенно всемирные выставки оказали воздействие на многие стороны экономической, научной и культурной жизни стран. С.А. Корепанова отмечает, что они являются изначально присущими выставочному процессу: коммуникативное влияние – рекламная, информационно-аналитическая функция во второй половине XIX в. дополнилась научно-просветительской функцией, «направленной как на экспонентов, так и на посетителей» [6, с. 21]. Мы же добавим к сказанному, что практика всемирных выставок способствовала переходу выставочного процесса на качественно иной уровень, достигнутый благодаря накоплению опыта, синтезу и интеграции лучших практик организации выставочного дела в Европе, прелом-

ленных сквозь призму макро- и микроэкономических тенденций рассматриваемого исторического периода.

Список литературы

1. Вечканов, А.Г. Словарь терминов по теневой экономике. – СПб., 2006.
2. Вольное экономическое общество. РГИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.
3. Гусев, Э.Б. Выставочная деятельность в России и за рубежом. – М., 2004.
4. Ермолов, А.С. Сельскохозяйственное дело Европы и Америки на Венской всемирной выставке 1873 года в эпоху ее. – СПб., 1875. РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 148.
5. Императорское Русское техническое общество. РГИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 76.
6. Корепанова, С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке. – Екатеринбург, 2005.
7. Общий обзор Международной Лондонской выставки 1871 года секретаря русского технического общества Ф. Львова. – СПб., 1871.
8. Сокальский, И.И. Парижская Всемирная выставка 1867 г. с социальной ее стороны. – Харьков, 1870.
9. Соколов, А.С. Санкт-Петербург на Всемирных выставках в США 1876–1939 гг. – СПб., 2006.
10. Чистяков, М.Б. О педагогическом отделе Венской Всемирной выставки 1873 года. – СПб., 1875.
11. Шарпантье, Г. Всемирные выставки // Литературные вечера Нового мира. – СПб., 1900. РГИА. Ф.20. Оп.16. Д. 153. С. 169.

В. В. Шевлякова

Периодическая печать в конце XIX – начале XX в. об аграрном вопросе в России

В статье исследуются аграрные проблемы России конца XIX – начала XX в., ставшие предметом обсуждения на страницах общеполитической печати. Делается вывод о значительном интересе, проявляемым обществом к данной проблеме.

The article is devoted to agrarian problems of Russia in the late 19 – early 20 centuries, which were the subject of discussion in the pages of the general political press. Author makes the conclusion about the considerable interest shown by society to this problem.

Ключевые слова: Россия, аграрный вопрос, периодическая печать, газеты, журналы, голод, малоземелье, сельскохозяйственная промышленность.

Key words: Russia, agrarian issue, periodicals, newspapers, magazines, hunger, lack of land, agricultural industry.

В России конца XIX в. с ее огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становился единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки [18, с. 34].

При изучении журналистики XIX в. исследователи прежде всего обращают внимание на направление периодического издания. Почти целый век в русской печати господствовал один тип издания – толстый ежемесячный журнал, представленный такими его разновидностями, как энциклопедическое или публицистическое издание.

В 1860 г. в связи с развитием капитализма в России появилась необходимость в источнике информации, который освещал бы события четко и оперативно и в дополнение к этому имел бы широкое распространение. Журналы, выходившие сравнительно редко и небольшими тиражами, не удовлетворяли этим условиям. Именно поэтому возросла роль газеты в жизни общества, но издатели по-прежнему относились к ней настороженно, процесс проникновения капиталов в эту сферу шел медленно. Появление же Временных правил о печати, утвержденных Александром III 27 августа 1882 г., еще больше осложняло обстановку [10].

Временные правила о печати 1882 г. внесли ряд дополнений в существовавший до этого механизм контроля над прессой. Теперь дела об окончательном запрещении периодических изданий переходили из компетенции Сената к совещанию четырех министров: внутренних дел народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Синода. Это совещание могло произвольно трактовать статьи закона. В 1882 г. был введен параграф, полностью ликвидировавший право редакционной тайны.

Только в начале XX в., в условиях заметного общественного подъема правящие круги вынуждены были пойти на ряд мер, упорядочивших внесение взысканий. Если до 4 июля 1901 г. предостережение, внесенное издателю, действовало независимо от срока давности, то теперь устанавливался определенный срок, по истечении которого издание становилось свободным от предостережений [22, с. 47].

Рассмотрим газетные публикации по аграрной тематике, выходившие в 90-е гг. XIX в. и в начале XX в. в России.

«Новое время» – одна из крупнейших газет конца XIX – начала XX в. Она вышла в свет в 1868 г., а с 29 февраля 1876 г. газета перешла в руки А.С. Суворина, о котором в дальнейшем писали, что он – «организатор, идеолог и гений обыденного буржуазного сознания» – создал практически первую в России массовую газету [12, с. 163].

С газетой сотрудничали известные писатели, журналисты, государственные чиновники. Со статьями и очерками по аграрному вопросу выступали А.П. Никольский, главноуправляющий землеустройством и земледелием в январе-апреле 1906 г. сенатор В.И. Гурко (глава земского отдела МВД). Отзывы о газете, однако, всегда были различны и часто негативны. К.П. Победоносцев в 1897 г. назвал ее больной, одряхлевшей, разочарованной [15, с. 201], С.Ю. Витте, хотя и признавал «Новое время» одной из лучших газет, весьма талантливой и влиятельной, тем не менее называл её издателя «чего изволите?» [17, с. 97].

Интересным изданием был «Гражданин» князя В.П. Мещерского, основанный как газета-журнал в 1872 г. С 1887 г. он стал выходить ежедневно. По свидетельству С.Ю. Витте, Александр III выдавал на издательство 80 000 руб., при Николае II субсидия эта была сокращена до 18 000 руб. в год, но все же выдавалась [2, с. 576].

Газета «Русские ведомости» печаталась в Москве с 1863 г. Некоторое время в ней работали П.Н. Милюков, историк, будущий лидер кадетской партии и А.С. Посников, занимавший в 1886–1896 гг. пост редактора.

С точки зрения П.Н. Милюкова, газета отличалась строго выдержанным направлением. Либерализм газеты имел «социальную

подкладку, а ее конституционно-демократическое направление носило явственный народнический оттенок [6, с. 528].

В 90-е гг. XIX в. в «Новом времени» появилось большое количество статей, касающихся положения дел в аграрном секторе. Принимая и одобряя законы, разработанные правящими кругами в данной области, газета тем не менее довольно часто указывала на бедственное положение в этой отрасли экономики.

Одной из важных причин тяжелого положения в деревне «Новое время» называло малоземелье крестьян. Отвечая на статью в «Гражданине», где корреспонденты из Самары описывали бедственное состояние крестьян в деревнях из-за малоснежной зимы и дождей, суворинское издание, размышляя о способах помощи, утверждало, что «не только помощь материальная, но и реформа нужна – вмешательство властей, чтобы железное кольцо, в котором крупные земледельцы выжали все соки из землепашца было разрублено, иначе земледельческому населению придется искать спасение в эмиграции» [14].

На страницах газеты Д. Пестржецкий в статье «Очерки по крестьянскому вопросу» сообщал, что выделение в личную собственность земли указом 3 ноября 1905 г. и отмена выкупных платежей не только освобождает крестьян империи от откупного долга, но и является важным этапом в развитии землевладения.

В статье «Быть или не быть у нас праву собственности» приводится мнение А.С. Ермолова, считавшего, что крестьянское малоземелье, которое оправдывает возможность и даже необходимость принудительного отчуждения помещичьих земель, не устранило бы и отчуждение церковных, удельных и казенных земель.

По поводу Манифеста 3 ноября 1905 г. в газете «Новое время» высказывал свою позицию С.Ю. Витте: «Несомненно, – говорил он, – что многие руководствуются опасениями за общину, но ее никто и не собирается уничтожать, сама жизнь покажет нужна ли дальше община и не пора ли дать крестьянам возможность перейти к самостоятельному и более интенсивному сельскому хозяйству».

А.П. Никольский также выступал против общины, видя в ней объект для аграрной пропаганды. По его мнению, чем скорее община распадется, тем быстрее рухнут проекты левых партий по эксплуатации частновладельческих земель.

Большие нарекания вызывала у суворинского издания деятельность Крестьянского банка. В статье по вопросу возможной его реформы газета указывала: «За девять лет существования Крестьянский банк выдал ссуду на 50 млн рублей, да и эти ссуды во многих случаях послужили к ухудшению, а не улучшению положения заемщиков, даже привели к абсолютному их обезземеливанию, потому что многие, перейдя на купленные через банк земли, ликви-

ровали свои наделные участки, а потом им пришлось уходить и с купленной земли за невзнос платежей» [15].

В 1906 г. о деятельности Крестьянского банка писал граф А. Уваров. В самый разгар крестьянских беспорядков 3 ноября Крестьянский банк возвестил о введении новых льгот крестьянам на покупку земли с помощью банка. Но громадное разочарование постигло крестьян и землевладельцев, когда они после долгих переговоров обращались в Крестьянский банк, он отказывал им в покупке земли по старой цене, объясняя это тем, что цены на землю завышены, и по мнению Министерства финансов частновладельческая земля потеряла после Русско-японской войны 1/3 своей прежней стоимости. Все документы с указанием на действительные доходы с участка не имели для банка никакого значения [19].

Большое внимание уделялось на страницах «Нового времени» проблеме сельскохозяйственного образования. Стремясь восполнить пробелы в данной области, суворинское издание публиковало научные письма Эльпе (П.К. Попова). Ряд из этих научно-популярных статей касался аграрного сектора. В заметке «К вопросу о почвах» содержалась характеристика почв в России. Были опубликованы также статьи «Из жизни растений» и др. Постоянно печатались в газете сообщения и отчеты различных съездов и выставок по сельскому хозяйству, давалась информация о деятельности Вольного экономического общества [5]. Не забывала газета и Петровскую земледельческую академию. Основная идея всех статей по сельскохозяйственному образованию, появившихся в издании – необходимость всевозможного ему содействия и расширение сети учебных заведений [8].

В статье «О сельскохозяйственной школе» Ф. Овсянников, отмечая необходимость развития сельскохозяйственного образования как меры против неурожая, писал: «Это одно из самых сильных средств к поднятию сельского хозяйства, особенно крестьянского. Обучение огородничеству и садоводству и нескольким ремеслам, необходимым в крестьянском быту, работе на пасеке». Автор выступал и за создание высших сельскохозяйственных учебных заведений или факультетов, но считал, что на их открытие нужно большое количество средств.

Достаточно часто появлялись в «Новом времени» статьи по переселенческому вопросу. Издание видело в переселении средство избавления крестьян от малоземелья. В то же время «Новое время» часто приводит печальные зарисовки из переселенческого быта: «Наплыв переселенцев растет и доходит до десятков тысяч. И все это голь, беднота, принужденная жить на открытом воздухе и питаться подаями».

Позиция суворинского издания в этом вопросе часто совпадала с точкой зрения «Русских ведомостей». В качестве меры, способной

улучшить положение переселенцев и уменьшить государственные расходы на переселение, газета «Новое время» вполне одобряла предложение «Русских ведомостей» о размещении части крестьян на землях дворянских имений, проданных за недоимки по ссудам Дворянского банка. По мере изменения правительственного курса тон статей в газете несколько изменился. Позиция «Нового времени» в переселенческом вопросе выявила характерную черту издания: оно чутко реагировало на изменения правительственного курса и в соответствии с ними меняло свои позиции.

События, связанные с неурожаем и голодом, находили отклик на страницах газет «Новое время» и «Русские ведомости». В губернии, пострадавшие от голода, были посланы корреспонденты. Перед ними ставилось несколько задач: 1) дать общую картину положению в голодающих местностях и 2) показать роль местной администрации и земств в борьбе с голодом. По поводу методов борьбы с этими явлениями на страницах газет развернулся оживленный обмен мнениями. В 1901 г. были созданы специальные «Временные правила», регулировавшие организацию работ для крестьян голодающих уездов. Они всячески стесняли свободу крестьян, принудительно отправленных на работы, часто за сотни километров от дома [1].

Правящие круги очень внимательно следили за реакцией прессы при освещении событий, связанных с неурожаем и голодом. В случае появления «крамольных» статей, репрессии не заставляли себя долго ждать [21]. В такой ситуации становятся понятными более чем осторожные оценки министерских циркуляров и мероприятий по борьбе с голодом в периодической печати.

И все же недостаток сведений и различные запреты не смогли полностью прекратить обсуждение в газетах причин неурожая и голода и способов борьбы с ними. «Русские ведомости» в качестве причин неурожая и кризиса в аграрном секторе называли экстенсивные способы ведения хозяйства, недостаток знаний (нехватку капиталов, необеспеченность экспорта), «Новое время» было гораздо осторожнее в оценках. Первоначально главнейшим условием неурожая, называлась засуха. По мере ухудшения обстановки, тон статей изменился. Причинами кризиса были названы недостаточность правительственных мероприятий и крестьянского надела для ведения правильного хозяйства. Как видим, несмотря на все цензурные препоны, даже консервативные издания позволяли себе критику аграрного курса правящих кругов и сумели правильно сформировать многие из действительных причин его развала.

Но главное, за что выступало «Новое время» – создание Министерства земледелия. Наибольший резонанс вызвала статья Суворина «Его высокопревосходительство господин Урожай», в которой он, одобрительно отозвавшись о правительственных мерах по

борьбе с бедствием, утверждал, что для стабилизации обстановки в аграрном секторе необходимо серьезно позаботиться о покровительстве земледелию, создать Министерство земледелия, открыть земледельческие школы и фермы [13]. «Гражданин» же, напротив, считал, что прежде чем создать Министерство земледелия, нужно провести черновую работу, выработать план исследования аграрного сектора, сведения о котором собрать в центре, а уж потом действовать.

Еще один вопрос вызвал бурное обсуждение в печати – создание хлебных запасов и регулирование цен на хлеб. «Новое время» в своих статьях выступало за создание правительственных хлебных резервов в одном или нескольких местах в центре сообщений каждой пострадавшей губернии. Для регулирования хлебных цен «Новое время» предлагало устранение разрозненности действий, перепись хлебных запасов для нормального их распределения, создание правительственных хлебных резервов. Реквизиции хлеба газета допускала лишь в крайних случаях.

«Русские ведомости» возражали против экспроприации хлебных запасов как общей меры. Газета считала, что если ее провести по существующим ценам, то хотя этим и устраняется трудность установления справедливой цены, но остается в полной силе сложность сосредоточения всех хлебных запасов в руках государства.

Аграрным проблемам уделяли внимание и журналы «Русский вестник» и «Русское богатство». «Русский вестник» на своих страницах печатал статьи А.П. Мещерского, в журнале «Русское богатство» о положении в сельском хозяйстве рассуждал Е. Фридолин. В статье «Хроники внутренней жизни», он сообщал, что 1900 г. выдался неурожайным. В неурожайные годы быстро развивался частный крестьянский кредит, а вместе с ним ростовщичество в двух самых тяжелых формах: 1) займы у более зажиточных односельчан и 2) займы у помещиков хлебом и деньгами. В результате цены на хлеб начинали быстро расти, и большую роль в повышении цен играло земство [21, с. 64].

Редакция журнала «Русское богатство» считала, что в период острой продовольственной нужды вызванной неурожаем, меры предпринятые правительством, носили паллиативный характер [7, с. 103].

На страницах журнала печатались также «Материалы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», в которых сообщалось, что с конца 70-х гг. XIX в. происходит оскудение крестьянского хозяйства. Правительство, по мнению издания, «чутко отнеслось» к этому вопросу, но серьезных исследований по выяснению причин, которые привели к упадку сельского хозяйства, не проводилось.

Совещание Министерства финансов в 1899 г. рассмотрело вопрос о хлебной торговле, указав на необходимость устройства эле-

ваторов и земских сельскохозяйственных складов. Министерство в течение десяти лет путем контроля стремилось навести порядок в хлебной торговле. Но это вмешательство, по мнению самого Министерства финансов, ничего существенного не принесло [4, с. 61].

Таким образом, в условиях отсутствия гласности в обществе того времени страницы либеральных, а часто и консервативных изданий, становились единственной возможностью для представителей самых разных слоев – ученых, общественных и государственных деятелей, сельских хозяев, весьма различных по взглядам и убеждениям, желающих высказать свое мнение по многим вопросам аграрной политики и предложить способы вывода этой отрасли экономики из кризиса.

Список литературы

1. Бодиско Д.М. Насущие вопросы нашего сельского хозяйства // Нов. время. – СПб., 1906. – № 100798.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. 1894–1905. – М., 1994. – С. 576.
3. Есин Б.И. Русская легальная пресса конца XIX – начала XX века. Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX века. – М., 1973.
4. Короленко С.А. Материалы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Рус. богатство. – СПб., 1903. – № 11.
5. Ивановский М.Г. Выставки по сельскому хозяйству // Нов. время. – СПб., 1907. – № 10785.
6. Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1991. – С. 528.
7. Михайловский К.К. Хроники внутренней жизни // Рус. богатство. – СПб., 1901. – № 13. – С.102.
8. Молчанов А. Петровская земледельческая академия // Нов. время. – СПб., 1907. – № 1089.
9. РГИА. Ф. 381. Оп. 50. Д. 61. Л. 17.
10. РГИА. Ф.777. Оп. 4. Д. 24. Л. 17.
11. РГИА. Ф.777. Оп. 4. Д. 24. Л. 18.
12. Соловьева И., Шитова В. А.С. Суворин. Портрет на фоне газеты // Вопр. литературы. – 1977. – № 2. – С. 163.
13. Суворин А.С. Его высокопревосходительство господин Урожай // Нов. время. – СПб., 1893. – № 10605.
14. Пестржецкий Д.П. Очерки по крестьянскому вопросу // Нов. время. – СПб., 1906. – № 10709.
15. Пестржецкий Д.П. Очерки по крестьянскому вопросу // Нов. время. – СПб., 1906. – № 10710.
16. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. – СПб., 1896. – С.201.
17. Срединский С. Газетно-издательское дело. – М., 1924. – С. 97.
18. Розенберг В. Русская печать и цензура в прошлом и в настоящем. – М., 1905. – С. 38.
19. Уваров А. Деятельность Крестьянского банка // Нов. время. – СПб., 1906. – № 10733.
20. Фридолин Е. Хроники внутренней жизни // Рус. богатство. – СПб., 1900. – № 4.
21. ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 946. Л. 87.
22. Энгельгардт Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903 гг.). – СПб., 1904.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 378.637(091)(470.23-25):397(470.1/.2+571.56)

Т. М. Смирнова

Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа

В статье исследуется история существовавшего в Ленинграде в 20–30-е гг. XX в., особого учебного заведения – Института народов Севера. Дается характеристика состава учащихся, преподавательских кадров, специфики учебного процесса. Обращается внимание на важность и сложность решаемой им задачи – подготовки современных педагогических и управленческих кадров и из состава самих коренных малочисленных народов.

Article is devoted to the history of a special educational institution existed in Leningrad in 1920-1930s, the Institute of Peoples of the North. Author gives characteristics of the students and the teaching staff, the specifics of the educational process. Special attention is paid to the importance and complexity of the solving problem – training of modern pedagogical and administrative staff from the indigenous small-numbered peoples.

Ключевые слова: малочисленные коренные народы, Север, Дальний Восток, Советская Россия, Ленинград, Институт народов Севера.

Key words: indigenous small-numbered peoples, North, Far East, Soviet Russia, Leningrad, the Institute of Peoples of the North.

Малочисленные коренные народы в условиях современной цивилизации являются особенно уязвимыми – и в смысле биологического выживания, и (еще более) как особые этнокультурные общности. Сохранение коренных народов является одной из сложнейших задач, осознаваемых в настоящее время мировым сообществом в качестве общечеловеческих. В России проживают несколько десятков этносов и этнических групп, относящихся к малочисленным народам, и накоплен большой исторический опыт – как позитивный, как и негативный – по проблемам их существования и развития.

Крайний Север и Дальний Восток Российской Федерации – этническая родина для почти тридцати коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни. За всеми этими этносами закрепилось обобщающее название «северяне», «север-

ные народы». В советский период они стали объектом специальной политики, направленной на преодоление цивилизационного разрыва между ними и остальной страной.

Столкновение с цивилизацией для живших родовым строем малочисленных коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока нужно было превратить в модернизацию традиционного уклада, приобщить охотников и оленеводов к достижениям образования, обеспечить медицинское обслуживание, включить в общую жизнь страны. На государственном уровне были созданы специальные организации для осуществления такого «скачка», а всей работой по преобразованию этих регионов руководил созданный 20 июня 1924 г. Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, более известный как Комитет Севера, под председательством заместителя председателя ВЦИК П.Г. Смидовича. Одной из важнейших задач освоения бескрайних территорий Крайнего Севера и Дальнего Востока была подготовка кадров из коренных северян. Член президиума Комитета Севера профессор В.Г. Богораз-Тан, бывший народоволец, занявшийся этнографией в царской ссылке, предложил создать специальное высшее учебное заведение для подготовки кадров из коренных северных народов.

Ленинград с 1920-х гг. стал «кузницей кадров» и подлинной культурной столицей для коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. В 1925 г. при рабфаке Ленинградского государственного университета было открыто северное отделение (северный рабфак). Для учебы на этом отделении по запросу Комитета Севера в стойбищах и селениях начались поиски 40 грамотных молодых «туземцев», однако в первый год не удалось набрать столько кандидатов, и многие из тех, кого направили на рабфак, были неграмотными. Первыми в Ленинград прибыли 9 чел.: ненец Вануйто 13-ти лет, чукча Тэвлянто, потомок анадырских казаков Парфентьев, пять тунгусов, в том числе три беловодских – братья Барановы (Бадма и Пантелеймон) и Степан Маркунов, и алеут Хабаров, назначенный старостой первого северного рабфака [14, с. 149–150].

Будущие студенты ехали в Ленинград по направлениям родовых, районных и окружных туземных Советов. О приключениях Тэвлянто, проехавшего всю страну, не зная ни слова по-русски, В.Г. Богораз написал рассказ «Живая сказка». В сопроводительной справке Тэвлянто было написано: «Податель этого письма чукча Тэвлянто из Анадыря командирован по предложению Камчатского окрревкома для получения образования в школах Советской России, чтобы, вернувшись по прошествии нескольких лет к себе на родину, мог поделиться полученными знаниями со своими сородичами ... Те, кому доведется прочесть это письмо, к вам глу-

бокая просьба: окажите Тэвлянто возможное содействие. Он вполне заслуживает этого. Несмотря на совершенную неграмотность, Тэвлянто является одним из наиболее одаренных молодых чукчей Анадырского района. В нем таится масса возможностей, которые усилиями русской школы безусловно извлекутся на поверхность и будут служить его соплеменникам» [39, с. 110–111].

К началу занятий в Ленинград приехали 25 северян, из них 19 представителей коренных малочисленных народов – ненцев, тунгусов, чукчей, вогулов, юкагиров, алеутов и др. [31, с. 7]. Руководителями северного отделения рабфака стали профессора В.Г. Богораз-Тан и Л.Я. Штернберг – патриарх российской этнографии, труды которого упоминал еще Ф. Энгельс. Рабфаковцев поселили в здании бывшего Лицея в Детском (Царском) Селе, и вечерами они собирались вокруг костра в парке. Несмотря на разный уровень подготовки, в том числе почти поголовное незнание русского языка, первый учебный год рабфака выявил перспективность такой формы обучения, и прием северян был увеличен.

Осенью 1926 г. северный рабфак ЛГУ был включен в состав нового вуза – Института живых восточных языков в качестве его Северного отделения (заведующий Н.Г. Таланов). Среди 58 учащихся отделения были представлены 11 народностей: 27 эвенков, шесть шорцев, пять нанайцев, четыре лопаря (саами), четыре ханта, три нивха, три ненца, три кета, камчадал, манси и чукча. На следующий год на северном отделении училось уже 74 чел., из них 14 были совершенно неграмотными, а остальные имели в основном начальное образование. В связи с этим пришлось организовать подготовительное отделение из девяти групп [33, с. 45].

В 1927 г. институт был переименован в Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе, а северное отделение 8 ноября того же года преобразовано в северный факультет (севфак), переведенный в Ленинград, в здание бывшей Духовной академии на территории Александро-Невской лавры – Обводный канал, 17. Северный факультет готовил специалистов средней квалификации в области советского строительства, хозяйственно-кооперативной и педагогической работы для северных окраин Союза ССР (§ 1 Положения о севфаке). Потребность в таких специалистах – советских работниках низового и среднего уровня, кооператорах, бухгалтерях, счетоводах, учителях, работниках «красных чумов» из местного населения – была чрезвычайно велика, и численность студентов севфака росла из года в год: 1927/28 уч. год – более 200, 1928/29 – 207–250, 1929/30 – 350 чел., представляющие 24 народности Севера [33, с. 45].

Масштабные преобразования во всех сферах жизни на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, организация национальных округов (с

1929 г.) вызвали необходимость не только расширить подготовку кадров, но и поднять ее на более высокий уровень – уровень высшего образования. Постановлением Комитета по заведыванию учебными и учебными учреждениями при ЦИК СССР северный факультет при Ленинградском восточном институте был реорганизован в самостоятельный Институт народов Севера (ИНС). Открытие этого единственного в мире вуза для коренных малочисленных народов 1 января 1930 г. было отмечено митингом его студентов и преподавателей [14, с. 153].

Следует отметить, что и севфак, и ИНС первоначально были ориентированы не только на подготовку специалистов для советского Севера, но и для зарубежного Востока, в связи с чем эти учебные заведения делились на два отделения – северное и восточное. В составе ИНСа восточное отделение имело цель – подготовку учащихся для поступления в вуз и существовало около года, а затем его функции перешли к другим учебным заведениям [7, с. 52; 8, с. 53; 31, с. 7].

В адресной и справочной книге «Весь Ленинград на 1930 год» впервые появляется информация об Институте народов Севера с указанием его основных задач: «Подготовка практических работников из туземного актива северных народностей по кооперативной, советской и педагогической линиям». Исполняющим обязанности ректора был бывший руководитель севфака М.С. Лозовский [7, с. 52]. Недолго, но очень продуктивно руководил ИНСом Карл Янович Лукс – видный латышский революционер, в 1920-х гг. работавший на Дальнем Востоке, заместитель председателя Дальневосточного бюро Комитета Севера и уполномоченный Главнауки Наркомпроса РСФСР. Он сформулировал задачи и особенности ИНСа как учебного заведения в статье «Институт народов Севера, его место и задачи», опубликованной в журнале «Советский Север» [20, с. 130–136]. Развитие ИНСа, по его мнению, должно было идти по нескольким направлениям, а именно: подготовка туземных партийных кадров и открытие индустриально-промышленного направления, но главное – организация «ячейки высшего учебного учреждения при Институте для подготовки педагогов высшей квалификации, лингвистов и литературных (на туземных языках) работников», научно-исследовательская работа и собственное издательство.

В апреле 1930 г. состоялся VII расширенный пленум Комитета Севера, на котором обсуждались вопросы о перспективах работы ИНСа (докладчик ректор К.Я. Лукс) и о подготовке кадров для Севера (докладчик проректор ИНСа Я.П. Кошкин) [36, с. 147–153]. Пленум одобрил предложения руководителей ИНСа, особо выделив «планы в области создания туземной письменности, изучения ту-

земных языков и издательского дела», и поставил задачу довести число учащихся в институте до 500 чел. Кроме того, было признано необходимым расширить подготовку северных кадров на этнографическом отделении ЛГУ, северном отделении Педагогического института им. А.И. Герцена и в научно-исследовательском Арктическом институте [36, с. 150–152]. Официально «Положение» об Институте народов Севера было утверждено Ученым комитетом ЦИК СССР 18 марта 1932 г.

В том же 1930 г. отправленного на практическую работу на Север К. Лукса на посту ректора сменил А.Б. Дубсон, а его – Ян Петрович Кошкин (псевдоним Алькор) [8, с. 53; 9, с. 42; 31, с. 7] – латыш, профессиональный революционер, комиссар Высшей кавалерийской школы в Петрограде, после окончания этнографического отделения ЛГУ с 1926 г. преподавал на севфаке, был ответственным секретарем Ленинградского отделения Комитета Севера, возглавлял ИНС до 1936 г. Последним ректором ИНСа был А.И. Минеев [6].

Профессорско-преподавательский состав ИНСа состоял из видных ученых, среди которых были профессора В.Г. Богораз-Тан, Б.Н. Вишневский, Я.П. Кошкин, С.В. Керцели, С.Н. Горбунов, М.В. Серебряков, П.П. Ростиков, Б.Д. Греков, Н.С. Норкин, С.Е. Малов, Н.А. Тюшевский и многие другие известные североведы [9, с. 42–43]. По образному выражению, Богораз был сердцем ИНСа, а Кошкин – мозгом института [25, с. 128].

В 1930 г. в институте обучались представители сорока различных народностей и этнических групп Севера и Дальнего Востока, всего 326 чел., из них 70 женщин. Затем число студентов выросло до 398 чел., но к середине 30-х гг. количество студентов института снизилось: 307 учащихся всех 26 народностей [*официально принятая цифра народностей*] Крайнего Севера [13, с. 320; 44, с. 121].

Институт народов Севера в тайге и тундре называли «Чудесный чум», а его учащихся-инсовцев – «красными шаманами» [14, с. 153; 25, с. 129]. Действительно, ведь это были совсем особые люди, представители иной жизни: они, как шаманы, обладали невиданными и неслыханными прежде способностями, понимали чудесные знаки, «разговаривали» с книгой и газетой, умели читать и писать и учили этому других, а готовила их новая власть, символом которой был красный цвет.

На берега Невы приезжали юноши и девушки, которые ориентировались в бескрайней тундре, но в городе, где не видно горизонта и «мешают» дома, могли заблудиться. Известен случай с одним северянином, «потерявшимся» зимой в Ленинграде, и только спустя три дня, сильно простуженный, он был приведен милиционером в институт [15]. Этим молодым людям было тесно и душно в помещении, и поначалу они разводили во дворе костер и ставили чум, что-

бы можно было свободно дышать. Они оказались не просто в другом месте – в другом мире, учились не только говорить по-русски, читать и писать, но входили в иную жизнь, без познания которой не могли выйти за пределы своей родной, но *первобытной* цивилизации. И несмотря на все трудности, они достигали желаемого – оставаясь собой, приобщались к культуре всего человечества.

Учащиеся ИНСа находились на полном государственном обеспечении и получали повышенные, по сравнению со студентами других техникумов и вузов, стипендии. Но адаптация студентов-северян к новым условиям жизни, в том числе физиологическая, была очень сложной и не всем удавалась, часть из них возвращалась домой, многие учащиеся болели, были и летальные исходы от болезней легких. Непривычная еда вызывала не только неприятие, но иногда и болезни [15]. Незавершенность антропологических проблем в целом осложняла практическую работу по медико-физиологической адаптации учащихся. Неслучайно, оценивая перспективы развития ИНСа, ректор К.Я. Лукс среди первоочередных задач выделяет следующую: «Надо точно выяснить, можно ли прожить в Ленинграде студентам-северникам без вреда для здоровья 4–5 лет (*разрядка автора* – Т.С.) при условии создания соответствующей обстановки» [20, с. 134].

В связи с этими проблемами Комитет Севера постановил оборудовать учебные и жилые помещения ИНСа центральным отоплением, проводить регулярные медико-оздоровительные мероприятия, увеличить нормы содержания учащихся «в целях реорганизации пищевого режима и качественного приспособления пищи к потребностям студентов-северян», выделять средства на усиленное питание, создать загородную сельскохозяйственную базу и дачу для учащихся, предоставлять бесплатные места на разных курортах и здравницах РСФСР всем больным студентам, выделять учащимся средства на летние разъезды (в том числе поездки на каникулы домой). К реализации всех этих задач привлекались соответствующие центральные ведомства – Ученый комитет ЦИК СССР, Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомторг, а также ленинградские власти [36, с. 152–153]. В ИНСе работали свои санпропускник, медпункт с небольшим стационаром-изолятором (врач В.С. Свердлов, медсестра И.И. Карлина), ночной санаторий, зубоврачебный кабинет, а также столовая, физкультурный зал, в Детском Селе была дача. Для семейных студентов были открыты детский сад и ясли [14, с. 156; 8, с. 53; 12, с. 272; 17, с. 245; 15].

ИНС не был традиционным вузом, а представлял собой своеобразный учебный комбинат с разными степенями образования, так как в ИНС ехали северяне с 7-летним (неполным средним), 4-летним образованием (начальным), а то и неграмотные. Прием

осуществлялся по разверстке Комитета Севера, возраст поступающих должен был составлять от 16 до 23 лет, но принимались лица и младше, и старше. В зависимости от уровня подготовки и группы народностей работали подготовительные курсы со сроком обучения до трех лет, насчитывавшие 12 групп – непропорционально много по сравнению с первым курсом собственно профессиональной подготовки. Основным уровнем в ИНСе был 4-летний курс среднего специального образования (техникума), который часто продлевался до 5–6 лет, в том числе и за счет задержки студентов на практике на местах [14, с. 153; 38, с. 3–4, 43].

Техникум имел несколько отделений – первоначально советско-партийное, педагогическое, кооперативно-колхозно-совхозное, промышленное и индустриальное, а в дальнейшем вместо трех последних было создано одно экономическое отделение. Выпускники получали специальности по советскому и партийному строительству, судебному делу, редакционно-издательскому делу, финансово-плановой и снабженческо-заготовительной работе, кооперативно-колхозному делу, школьной работе и преподаванию индустриального труда, политпросветработе [10, с. 42; 12, с. 271; 38, с. 3–4].

На 1933/34 учебный год целевой прием на подготовительный и основной (техникум) сектора института был определен в количестве 131 чел., в том числе 32 эвенка, 16 ненцев, 13 эвенов, 12 хантов, восемь чукчей, по шесть – коряков и селькупов, пять манси, по четыре – нивхов и нанайцев, по три – ительменов и удегэйцев, по два – нганасанов, кетов, эскимосов [38, с. 44]. Однако полностью разверстка целевого приема не выполнялась как из-за недостаточного уровня образования северян, так и в связи с необходимостью очень надолго покидать родные места и своих родных.

В целом выпуски ИНСа были немногочисленными. Первый выпуск состоялся в 1931 г. – это были специалисты со средним специальным образованием, начавшие учиться еще на севфаке. Среди них была первая выпускница из Ямальского округа Е.Д. Хатанзеева [16]. За три года работы ИНСа было подготовлено 49 специалистов, в том числе 14 – в 1933 г. Выпуск 1933 г. состоял из пяти ненцев, трех тунгусов (эвенков), двух гольдов (нанайцев), лопаря (саами), ульча, гиляка (нивха) и коряка, а по специальности – из семи советских работников, двух судебных, одного партийного и одного комсомольского работников [38, с. 8–9].

Первым собственно вузовским подразделением в ИНСе был созданный в 1931 г. Северо-Азиатский семинарий, первоначальный прием на который составил 17 слушателей. Семинарий комплектовался по краевой и окружной разверстке, принимались выпускники национальных техникумов и рабфаков, имеющих стаж практической работы в школе, туземных советах и кооперации либо в исследова-

нии Севера, в возрасте 22–42 лет. Целевой прием на 1933/34 учебный год составил 20 чел., но даже в случае приема в сектор высшего образования ИНСа его оканчивали немногие, прежде всего из-за отзыва на практическую работу на места. Всего получили высшее образование в ИНСе 11 чел. [14, с. 153; 38, с. 3–4, 41–42].

Северяне, получившие высшее образование (в разных вузах), могли учиться в аспирантуре ИНСа. К 1933 г. число аспирантов достигло 30 чел., среди них было два представителя коренных малочисленных народов – юкагир Н. Спиридонов и ненец А. Пырерка [38, с. 3]. Из выпускников непосредственно ИНСа первыми аспирантами стали эвенк Н. Салаткин и алеут Хабаров [14, с. 153].

Юкагир Николай Иванович Спиридонов в 1931 г. окончил этнографическое отделение ЛГУ, став первым представителем коренного северного населения, получившим высшее образование. В том же году он поступил в аспирантуру ИНСа, а в мае 1934 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике «Торговая эксплуатация юкагиров», став, таким образом, и первым кандидатом наук из коренных жителей Севера. Под именем Тэки Одулок (по самоназванию юкагиров – одулы) Н.И. Спиридонов выпустил несколько повестей из жизни своего народа, высоко оцененных современниками, в том числе М. Горьким [23; 41].

Важнейшей задачей Института народов Севера была организация научного изучения все еще малоисследованных огромных регионов страны – Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, причем этим занимались не только научные сотрудники и преподаватели, но и учащиеся. «Каждый студент Института должен стать хорошо подготовленным пионером-исследователем своего народа и обжитых им (народом) пространств тайги и тундры» – так формулировал одно из направлений работы ИНСа его первый ректор К. Лукс [20, с. 133].

С 1930 г. при ИНСе действовала Научно-исследовательская ассоциация (председатель Я.П. Кошкин, ученый секретарь П.Ю. Молл, затем Н.К. Каргер), предшественником которой был Северный кружок отделения (факультета) под руководством Я. Кошкина. Изыскания кружка позволили, в частности, еще в 1928 г. заменить официальные наименования северных народов, оставшиеся с до-революционного периода, иногда случайные, а то и оскорбительные, на новые, этнографически более точные. Так, исчезло название «самоеды» – вместо него утвердилось «ненцы», «остяки» были заменены на «ханты», «вогулы» – на «манси», «енисейцы» – на «кеты», «лопари» – на «саами», «ламуты» – на «эвены», тунгусы стали называться эвенками, гольды – нанайцами, гиляки – нивхами и др. Правда, некоторые вводимые названия (луораветлане вместо чукчей, нымылане – вместо коряков, юиты – вместо эскимосов,

унангане – вместо алеутов) [2, с. 86; 25, с. 130] не стали общеупотребительными.

С 1928 г. начал выходить журнал Северного кружка «Тайга и тундра», издававшийся в ИНСе до 1933 г. В 1929 г. был опубликован первый сборник кружковцев – «О нашей жизни» (на русском языке, редактор-составитель А. Подгорская), записи устного народного творчества в пересказе студентов.

Главным научным достижением севфака, затем ИНСа стала выработка алфавитов для народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Научные сотрудники северного факультета Ленинградского Восточного института, изучавшие различные аборигенные языки Севера, коллективно выработали единый северный а(ЕСА) на основе латиницы, принятый на заседании комиссии национальных языков и культур севфака 29 октября 1929 г. Но работа над ЕСА продолжалась, и окончательно он был утвержден научным советом при Всесоюзном центральном комитете нового алфавита (ВЦК НА) 23 февраля 1931 г., а сектором науки Наркомпроса РСФСР – в мае того же года.

В январе 1932 г. в ИНСе прошла первая конференция по развитию языков и письменности народов Севера, на которой был согласован список из 14 языков, «имеющих предпосылки для развития в языке литературные». На основе ЕСА из 39 букв и диакритических знаков были созданы алфавиты для этих языков. В мае 1932 г. в Ленинграде был создан Комитет нового (латинизированного) алфавита народов Севера во главе с Я.П. Кошкиным [2, с. 85–87]. В состав этого комитета также вошли аспирант ИНСа ненец А. Пырерка (заместитель председателя), студент эвенк Н. Салаткин, ученый секретарь Научно-исследовательской ассоциации Н. Каргер и профессор В.Г. Богораз [38, с. 4]. С этого же года в Ленинграде было сосредоточено также издание литературы на языках народов Севера и Дальнего Востока. Ее издавали ленинградское отделение Учпедгиза (Ленучпедгиз), Ленпартиздат, Ленизогиз и ленинградское отделение «Молодой гвардии».

В 1932 г. появился новый букварь русского языка для всех школ народов Крайнего Севера – «Советский Север» (составители Л.Д. Ришес и В.Н. Чернецов), а также книга для чтения по русскому языку «Наша книга», составленная П. Жулевым, Г. Карповой, И. Мальмстрем при участии бригады студентов и преподавателей Института народов Севера [5, с. 287–288].

В создании письменности, разработке букварей и учебников на чукотском языке принимали участие В.Г. Богораз и И.С. Вдовин, корякском – С.Н. Стебницкий, эскимосском и ительменском – Е.П. Орлова, эвенком – В.И. Цинциус, эвенкийском – Г.М. Василевич, удэгейском – Е.Р. Шнейдер, селькупском –

Г.Н. Прокофьев, гиляцком (нивхском) – Ю.А. Крайнович, самодийском – Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы, Г.Д. Вербов, хантыйском – Н.К. Каргер, мансийском – В.Н. Чернецов, саамском – З.Е. Черняков [3, с. 110; 4, с. 25]. В этой работе неоценимую помощь оказывали студенты ИНСа – носители соответствующих языков.

В ИНСе разрабатывались и теоретические вопросы антропологии, морфологии, физиологии коренных северян и их акклиматизации в других природных условиях – в октябре 1932 г. был создан кабинет антропологии (заведующий Е.Г. Либман). План работы кабинета на 1933 г. включал впервые разрабатываемые вопросы санитарной конституции студентов ИНСа, возрастного дифформизма, метисации на Севере и акклиматизации в Ленинграде. Издательский план этого года предусматривал выход четырех научных работ по антропологии северян (авторы – Б.Н. Вишневский и Е.Г. Либман).

Сотрудники кабинета снимали антропологические маски с представителей разных народностей, что требовало также специальной психологической подготовки учащихся, у которых такое действие вызывало опасения. Несмотря на широкий диапазон изучаемого контингента северян в самом институте, требовалось наладить широкие полевые исследования непосредственно на Севере, что планировалось осуществить во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Для этого требовалось организовать при медпунктах культбаз на Крайнем Севере портативные антропометрические кабинеты, обеспечив их необходимым инструментарием, справочной и методической литературой, а также подготовить персонал. Кабинет антропологии и антропологическая секция Научно-исследовательской ассоциации ИНСа разработали необходимые пособия и подготовили материалы для такой работы, к которой широко привлекались студенты института, отправлявшиеся на практику или на каникулы. Особо выделялся сбор данных по биологии женщины и ребенка.

Еще одним направлением работы ученых ИНСа была, как это ни покажется странным, работа по стандартизации одежды и предметов быта для Севера, так как усредненные параметры промышленного производства не соответствовали антропологическим особенностям северян. Для более полного учета этих особенностей также требовалось проведение полевых антропометрических исследований. Работы кабинета вызвали большой интерес среди антропологов США, были установлены связи со специалистами Гарвардского университета и Государственного музея в Денвере [15; 37, с. 97–98].

В 1936 г. Научно-исследовательская ассоциация ИНСа состояла из пяти секций – лингвистической, историко-этнографической, экономической, педагогической и антропологической. Результатом ее деятельности были многочисленные научные труды. Кроме ис-

следований по отдельным языкам, лингвистическая секция подготовила также трехтомный сборник «Язык и письменность народов Севера». Историко-лингвистическая секция издала монографию А.Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков» и несколько сборников архивных материалов по истории Севера и его освоению российским государством, были переизданы фундаментальные труды по этнографии Л.Г. Моргана, Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза. Педагогическая секция обобщала опыт школьного строительства на Севере и опубликовала большое количество программно-методических материалов «В помощь учителю северной национальной школы Крайнего Севера» [3, с. 110–111], что имело первостепенное значение в переводе обучения на младописьменные национальные языки.

Ярко раскрывались в новых условиях разнообразные таланты жителей Севера, развитию которых уделялось большое внимание, в том числе на государственном уровне. Так, VII пленум Комитета Севера (1930) специальным пунктом своего решения постановил: «Одобрить начинание ИНС по выявлению через студентов искусства малых народов Севера и просить Наркомпрос поддержать эти начинания материально» [36, с. 152].

В 1926 г. на севфаке была создана рисовальная студия, которой руководил П.И. Соколов, а с 1934 г. – А.А. Успенский. Учителями рисования работали в разное время также П.И. Акишин, Т. Метлицкая. Наибольший вклад в развитие художественного творчества севфаковцев и инсовцев внес скульптор Леонид Абрамович Месс, чья деятельность с 1928 г. в течение 13 лет была связана с этим учебным заведением [22; 34, с. 147–183]. Он также начал с преподавания рисования, а вскоре организовал скульптурную мастерскую. С 1934 г. Л.А. Месс возглавлял художественные мастерские ИНСа. Инсовцы рисовали, лепили, занимались резьбой по кости. Сочетание первобытно-реалистического взгляда на природу и методов профессионального искусства дали необычный художественный сплав, получивший название «северный изобразительный стиль». В ноябре 1929 г. в Русском музее открылась первая выставка севфаковцев «Искусство народностей Сибири», имевшая большой успех. С нее началось «триумфальное шествие» художников-северян – участие в многочисленных выставках в Ленинграде, Москве и за границей. В 1937 г. работа группы студентов ИНСа была отмечена Гран-при на Всемирной выставке в Париже [25, 130–131; 11, с. 299].

И первая в истории попытка создать театр коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока также была предпринята в ИНСе. Возглавила это начинание Л. Жукова, изложив в 1930 г. творческое кредо нового театра, названного «Театром тайги и тундры»: учет национальных особенностей северян, опора на фольклор, но без консервирования этнографической экзотики, вместе с новой со-

ветской тематикой и техническими средствами воздействия должны дать новую художественную выразительность [27, с. 10].

Инсовцы создали первые театральные мастерские-студии – остяцкую (хантыйскую), нанайскую (гольдскую) и эвенкийскую. Наиболее известной является нанайская. В 1936 г. на Олимпиаде национальной художественной самодеятельности и народного творчества Ленинграда был показан первый нанайский спектакль «Сайла» по пьесе, написанной самими студийцами, в котором была отражена «жалкая судьба нанайской женщины до революции», а главную роль играла студентка, когда-то сама проданная в рабство богатому китайцу. Студийцы также исполняли инсценировку «Три жениха» из нанайского героического эпоса в обработке ульча Сипина. После окончания ИНСа, возвратившись домой, бывшие студийцы при помощи известного исполнителя народных песен Укуна Оненко создали в 1934 г. в Найхине нанайский театр [29, с. 20–21; 30, с. 22; 35, с. 111; 24].

Огромным успехом у зрителей пользовались концерты художественной самодеятельности инсовцев: комическая нивхская декламация и нанайская революционная песня; «физкультура» – виртуозное прыганье через крутящуюся веревку и пр. – якутов, зырян (коми), эвенков, ненцев; нанайское «фехтование» двухметровыми палками (исполнители Самар и Захсор); массовые танцевально-акробатические игры «медвежьего праздника»; ритуально-промысловые танцы; шуточная нанайская борьба (первый исполнитель этого номера – Семен Киле) [26, с. 3; 27, с. 10; 28, с. 7; 19, с. 2; 42]. На XI городской олимпиаде художественной самодеятельности зимой 1938 г. выступления инсовцев (художественный руководитель Т.Ф. Петрова) занимали целое отделение, в программе участвовали нанайский, хантыйский, ненецкий, ламутский, эвенкийский, долганский, коми, эскимосский национальные коллективы и солисты [43].

О внимании к развитию самобытного искусства северян свидетельствует образованная в 1934 г. при Научно-исследовательской ассоциации ИНСа Комиссия искусства народов Севера (руководитель Л.А. Месс), курировавшая работу театральных и художественных мастерских и кабинета национальной физкультуры [32, с. 31; 35, с. 111]. В 1936–1937 гг. часть самодеятельных артистов-северян была объединена в Этнографический ансамбль песни и пляски народов Сибири и Дальнего Востока (художественный руководитель Б.Н. Сальмонт) при Управлении передвижных театров Ленинграда [40, с. 50].

В 1936 г. ИНС из ведения ЦИК СССР перешел в систему Главсевморпути, но по-прежнему готовил специалистов разных сфер деятельности на трех отделениях – педагогическом, экономическом, государственного права и госуправления. 1 октября 1939 г. ИНС был передан Наркомпросу РСФСР и реорганизован в Педагогический

институт народов Севера с двумя подразделениями разного уровня: педагогический (высшее образование, срок обучения пять лет) и учительский (среднее специальное, три года) институты. Учителей для средних и неполных средних школ готовили по специальностям русский и родной языки и литература в обоих подразделениях, а по истории и географии – только для неполных школ (семилеток), в учительском институте, т. е. техникуме [17, с. 245; 18, с. 308].

Институт народов Севера не обошли стороной трагические события конца 1930-х гг. 30 апреля 1937 г. как «участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации» был арестован Н.И. Спиридонов. Его арест и протоколы допросов послужили основой для формирования двух групповых следственных дел – дела «контрреволюционной организации в Институте народов Севера» и дела «троцкистской шпионско-террористической и вредительской группы» среди писателей и востоковедов, и оба дела были объединены в связи с обвинением в сотрудничестве с японской разведкой. В мае 1937 г. были арестованы сотрудники ИНСа и связанные с ними по работе ученые Я.П. Кошкин, Н.Ф. Прыткова, И.С. Сукоркин, В.И. Цинциус, А.С. Форштейн, Ю.А. Крейнович и редактор «Детиздата» К.Б. Шавров. Военным трибуналом Ленинградского военного округа 7–8 января 1938 г. Н.И. Спиридонов и Я.П. Кошкин были приговорены к расстрелу. 17 марта 1938 г. приговор был приведен в исполнение. А.С. Форштейн (по кассации), И.С. Сукоркин, К.Б. Шавров и Ю.А. Крейнович получили по десять лет лишения свободы, с поражением в политических правах на пять лет. Дела Н.Ф. Прытковой и В.И. Цинциус впоследствии были прекращены. В октябре 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила обвинительные приговоры в отношении всех названных осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления [1, с. 117–118; 21].

Ленинградский институт народов Севера был закрыт в октябре 1941 г., а в феврале 1942 г. оставшиеся студенты и преподаватели эвакуированы в Омск, где некоторое время (до 1943 г.) продолжили учебу и работу на северном факультете пединститута. Всего за годы своей деятельности ИНС подготовил около 300 специалистов в разных сферах экономики, управления и народного образования. Многие выпускники ИНСа – первые интеллигенты своих народов – стали крупными советскими деятелями, писателями – зачинателями национальной литературы, учеными, художниками, занимали посты руководителей национальных округов, возглавляли разные государственные органы – чукча Тэвлянто, бурят Бадма Баранов, эвенк Алексей Салаткин, юкагир Тэки Одулок, удэгеец Джанси Кимонко, нанайцы Богдан Ходжер и Александр Оненко, ненцы Антон Пырерко и Константин Панков и др.

После Великой Отечественной войны подготовка кадров для Крайнего Севера и Дальнего Востока в Ленинграде возобновилась в 1948 г. на северном факультете Ленинградского государственного

университета и северном отделении Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, в результате слияния которых в 1953 г. возник факультет народов Крайнего Севера ЛГПИ, с 2001 г. преобразованный в Институт народов Севера. История совершила оборот, и снова в нашем городе работает ИНС – «кузница северных кадров».

Институт народов Севера в Ленинграде – уникальное учебное заведение нового типа, синтезировавшее общее и специальное образование разных уровней (от начальной до высшей школы и аспирантуры), комплексные научные исследования различных сфер жизни Севера, развитие самобытного искусства, подготовку подлинной элиты коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. В отличие от западных «туземных школ», где небольшой части детей аборигенов давалось только элементарное образование на государственном языке, в нашей стране была создана система всеобщего образования для коренных народов, разработана письменность на родных языках, сформировалась национальная интеллигенция. При сохранении традиционного образа жизни народы Севера одновременно стали субъектами современной цивилизации.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Мартиролог востоковедной лингвистики // Вестн. АН СССР. – 1990. – № 12.
2. Алькор Я.К. (Кошкин). Новая письменность народов Севера // Алфавит Октября: Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР: сб. ст. – М.: Л., 1934.
3. Анисимов А.Ф. Научный центр Советского Севера // Сов. Арктика. – 1936. – № 9.
4. Антропова В.В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // Сов. этнография. – 1972. – № 6.
5. Бойцова А.Ф. Школы народов Крайнего Севера // Нац. школы РСФСР за 40 лет. – М., 1958.
6. Бурыкин А., Решетов А. Рецензия на книгу «Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера. – СПб., 2003. – URL: <http://www.ethnonet.ru/>
7. Весь Ленинград и Ленинградская область на 1930 год. Ч. I.
8. Весь Ленинград на 1931 год.
9. Весь Ленинград на 1932 год.
10. Весь Ленинград на 1932 год.
11. Весь Ленинград на 1933 год.
12. Весь Ленинград на 1934 год.
13. Весь Ленинград на 1935 год.
14. Воскобойников М. Дыхание Севера. (К 50-летию Ленинградского института народов Севера) // Сиб. огни. – 1976. – № 5.
15. Карлина И.И. Воспоминания об Институте народов Севера в 1930-х гг.: Рукопись.
16. Кузакова Е. Факультету народов Крайнего Севера – 70 лет // Югра. – 1997. – № 10.
17. Ленинград. Адресно-справочная книга. – 1939.

18. Ленинград. Адресно-справочная книга. – 1940.
19. Ленинградская правда. – 1936. – 12 мая.
20. Лукс К.Я. Институт народов Севера, его место и задачи // Сов. Север. – 1930. – № 1.
21. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политических репрессий в советский период (1917–1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. <http://memory.pvost.org/pages/index2.html>
22. Муратов П.Д. Художественная жизнь Сибири 20-х гг. – URL: http://pdmuratov.org/nar_i_prof_iskusstvo.
23. Огрызко В.В. Неизвестный Север // Слово народов Севера. – 1994. – № 1.
24. Огрызко В. Так зарождалась нанайская литература. – URL: <http://my.mail.ru/community/krai27dv/>
25. Омельчук А. Институт народов Севера // Дальний Восток. – 1981. – № 2.
26. Рабочий и театр. – 1930. – № 4. – 20 янв.
27. Рабочий и театр. – 1930. – № 15. – 16 марта.
28. Рабочий и театр. – 1932. – № 22. – 1-я декада авг.
29. Рабочий и театр. – 1936. – № 7. – Апр.
30. Рабочий и театр. – 1936. – № 9. – Май.
31. Салаткин Н. Трехлетие ИНСа // Тайга и тундра. (Л.). 1933. № 2 (5).
32. Северный изобразительный стиль. Константин Панков. 1920–1930-е годы. – М., 2002.
33. Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера. – СПб., 2003.
34. Славова Л.А. Коллекция скульптуры Севфака в ГРМ 1920–1930-е годы // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX веков. Вып. XIII. – СПб., 2007.
35. Советская Арктика. – 1936. – № 9.
36. Советский Север. – 1930. – № 4.
37. Советский Север. – 1933. – № 2.
38. Тайга и тундра (Л.). – 1933. – № 2 (5).
39. Тан-Богораз В. Народы Севера // Наши достижения (М.). – 1931. – № 7–8.
40. Театральный Ленинград: сб. ст. и информ. материалов по ленингр. театрам. Л.; М., 1937.
41. Титков А. Тэки Одулок – зачинатель несуществующей литературы // Лит. Россия. – 2006. – 9 июня. – № 23.
42. Фонд групповой обработки (ФГО) РНБ. Программа концерта 10 Олимпиады художественной самодеятельности ленинградских профсоюзов. [Л.], [1936].
43. ФГО РНБ. XI Олимпиада художественной самодеятельности Ленинграда. Общегородские вечера. Программа 14-го вечера; Программа заключительного концерта [Л.], [1938].
44. Шуберт А. Искусство народов Севера // Просвещение национальностей. – 1930. – № 6.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

УДК 94(470.341).084.9:351.751.5:069

М. С. Виноградов

Музей и выставки как объекты цензуры в Горьковской области в 1953–1966 гг.

В статье рассматривается деятельность Горьковского обллита по охране военных и государственных тайн, связанная с контролем музеев и выставок.

На основе сохранившихся архивных документов показаны этапы развития контроля над музеями и выставками со стороны областных органов цензуры и конкретная практическая деятельность цензоров в этом направлении.

The article reviews the activities of Gorki Obllit for the protection of military and state secrets related to the control of museums and exhibitions.

Based on extant archival documents the article shows the stages of control order over the museums and exhibitions by regional authorities of censorship and specific practical activities in this direction.

Ключевые слова: цензура, музей, выставка, архив, Горький.

Key words: censorship, museum, exhibition, archive, Gorky.

Почти во всех исследованиях, касающихся истории цензуры в СССР, речь идет о контроле над литературой. Однако цензура распространялась не только на произведения искусства, но и на музеи и выставки. Последние и стали объектом внимания в этой статье. К сожалению, сохранившиеся в Нижегородском архиве документы не раскрывают конкретику, не говорят о том, что именно было запрещено в экспозициях музеев и выставок, но дают возможность проследить этапы контроля, его направленность и механизм.

Главной задачей обллитов – областных управлений по делам литературы и издательств – была охрана военных и государственных тайн в печати, на радио, контроль типографий и библиотек, музеев. До 1953 г. для выполнения контроля над музеями и выставками существовал отдельный цензор. Но в Горьковском обллите функции цензора по музеям выполнял фактически начальник спецчасти и по кадрам (он же секретарь управления, он же машинистка, он же архивариус, он же кассир, выполняющий при этом обязанности учета и распределения сигнальных и обязательных экземпляров). Поэтому понятно, что при контроле музеев цензоры

вплоть до 1953 г. не обращали внимания на проверку книжных фондов библиотек, принадлежавших им. На самом деле, эти библиотеки ни разу не проверяли с момента их возникновения [3. Д. 54. Л. 22].

В 1952 г. цензор по музеям должен был выполнять еще и функции контроля над произведениями искусства, поскольку в конце 1951 г. Главрепертком был ликвидирован и его функции переданы Главлиту. После включения органов цензуры в апреле 1953 г. в состав МВД [1] была введена должность старшего цензора по вопросам искусств и библиотек и музеям. Одновременно была создана специальная рабочая группа по контролю библиотек, музеев, искусств во главе со старшим цензором Будылевым. Для неё было разработано положение, определявшее круг обязанностей, но работу группы по контролю библиотек, музеев, искусств не удалось упорядочить, так как «тов. Будылев был уволен по несоответствию с занимаемой должностью» [3. Д. 54. Л. 5]. В дальнейшем, после выделения органов цензуры из структуры МВД и включения их в состав облисполкома, эта группа была объединена с группой последующего контроля в 1955 г., и функции по контролю библиотек, музеев, искусств стали возлагаться на отдельных цензоров управления.

При выделении 32-х районов в Арзамасскую область сокращался объем контроля, так как отходило два музея. Тем не менее, в течение 1953 г. была проведена значительная работа по контролю музеев и временных выставок. В области и г. Горьком функционировало 17 музеев, за год они были проверены 31 раз и при проверках было сделано 11 цензорских вмешательств. Например, в экспозиции отдела «Сельское хозяйство» областного краеведческого музея цензор Пайкова убрала ссылку на неопубликованное постановление правительства. В Ветлужском краеведческом музее цензор Рыбакова убрала из экспозиции листовку оперотдела Губчека от 28.07.1921 г., листовку этого же отдела от 20.07.1921 г., фотокопию статьи «Ветлуга 27 сентября», опубликованную в газете «Ветлужская Правда» № 8 за 1918 г. и т. д. [3. Д. 54. Л. 21].

В 1953 г. в городе Горьком и области было 58 временно действующих выставок, 57 из них были проверены цензорами. О порядке проверки музеев 12 мая 1953 г. было написано письмо цензорам тех территорий, где имелись музеи. А 13 октября 1953 г. всем цензорам было разослано инструктивное письмо о порядке контроля и оформления временных выставок. Таким образом, с музеями отношения были упорядочены и вполне соответствовали указаниям Главного управления – все новые экспозиции и новые разделы оформлялись правильно.

Только в конце 1953 г. была проведена проверка книжных фондов областного краеведческого музея, художественного и литературного им. М. Горького. Библиотека Городецкого музея оказалась «засоренной ненужной музеем религиозной литературой». Вся литература, имевшая какую-то ценность, была передана в спецфонд областной библиотеки. Также была «засорена ненужной религиозной литературой» библиотека Лысковского музея, вопрос об очищении которой решался в Управлении культуры более шести месяцев и так и не был закрыт до 1954 г. В отчете за 1953 г. говорилось, что в районных краеведческих музеях «почти не отражена современная жизнь – эти разделы наиболее бедны и скучны». Однако цензоры при проверке музеев на эту сторону дела не обращали внимания, редко проверяли в музеях и книги отзывов [3. Д. 54. Л. 22].

После ареста Л.П. Берии Главлит был выведен из состава МВД и преобразован в самостоятельное Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров СССР [2. Д. 885. Л. 53–54]. Обллиты переходили в ведение облисполкомов в качестве Управлений по охране военных и государственных тайн в печати.

28 сентября 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС первым секретарем ЦК КПСС был избран Н.С. Хрущев. Он прекрасно понимал роль идеологии в становлении власти. Уже 2 октября 1953 г. Постановлением Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати» Главлиту было поручено перестроить свою работу и отказаться от старых стереотипов. Во главе Главлита был поставлен профессиональный журналист К.К. Омельченко. Медленно, но началась «оттепель». Горьковский обллит в это время возглавлял тоже профессиональный журналист Н.Ф. Боронин.

8 марта 1954 г. СМ СССР решил перестроить структуру органов цензуры, и специальный отдел Главлита, контролирующий музеи и выставки, был ликвидирован.

В деятельности обллита за 1954 г. вопросы контроля музеев и временных выставок приобретали все большее и большее значение – цензор по вопросам искусств не отвлекался на работу с газетами и занимался выполнением исключительно своих обязанностей, в том числе и контролем музеев. Причем, в связи с уходом цензора по вопросам искусства Пайковой на работу в Арзамасский обком КПСС, около трех месяцев этот участок работ временно выполнялся цензором по последующему контролю Романовой в порядке дополнительной нагрузки.

Судя по отчетам, новый цензор по вопросам искусств Симановский к исполнению своих обязанностей по-настоящему приступил с середины мая 1954 г. Но уже под конец года с возложенными на не-

го обязанностями справлялся и в деле контроля музеев, художественного фонда, произведений местных авторов для художественной самодеятельности и т.д. навел определенный порядок.

В г. Горьком и области в 1954 г. функционировало 16 музеев. Они были проверены 65 раз: прием экспозиции – десять, последующий контроль – четыре раза. При проверке и приеме экспозиций было сделано 11 цензорских вмешательств, десять из них в книгах отзывов. За год прошли 63 временных выставки, все они были приняты и оформлены местными цензорами, было сделано семь вмешательств [3. Д. 57. Л. 18].

Отношения с музеями были окончательно упорядочены, все новые композиции и новые разделы оформлялись правильно. Райцензорам были даны подробные указания о порядке приема и контроля временных выставок. Цензором по вопросам искусств Симановским была проверена работа райцензоров Балахнинского, Городецкого, Чкаловского районов. По материалам проверки всем райцензорам было разослано письмо о порядке контроля зрелищных предприятий, художественной самодеятельности и гастролирующих организаций. Музеи в Лыскове, Городце, Балахне, Ветлуге, Дзержинске кроме райцензоров были проверены цензорами управления. В очень плохом состоянии находился краеведческий музей в г. Лыскове. Вопрос об упорядочении его работы и о наведении в нем порядка был поставлен перед Лысковским РК КПСС и начальником Управления культуры Горьковского облисполкома тов. Вершининым. Ветлужский музей после его проверки был закрыт на ремонт и переоборудование [3. Д. 57. Л. 19].

Цензор по вопросам искусств дважды заслушивался на цензорских совещаниях управления. Однако, как отмечалось в ежегодном отчете: «следует отметить, что Управление еще не достаточно занимается этим важным участком, по этим вопросам мало выездов в районы, работа эта не изучается, не обобщается, райцензорам не оказывается действенная практическая помощь» [3. Д. 57. Л. 20].

13 декабря 1954 г. циркуляром начальника Главлита были оглашены новые правила работы с районными цензорами-совместителями, а также определены их обязанности – они должны были просматривать экспонаты музеев и выставок [2. Д. 857. Л. 101–106].

Однако 18 августа 1955 г. секретным решением СМ СССР должности районных цензоров по совместительству были сокращены [1, с. 106]. Это привело к организационной перестройке областных управлений и созданию новых инструкций и правил. 30 августа 1955 г. на совещании у начальника Главлита была утверждена «Инструкция о порядке цензорского контроля». Она заменила «Инструкции цензору», разработанные в 1947 г.

В новой инструкции цензору раздел 6 был посвящен порядку контроля музеев и выставок. Контролю органов цензуры подлежали все материалы, находившиеся в экспозициях общедоступных для образования музеев и выставок, а также книги отзывов посетителей. Организации и учреждения, открывавшие новые музеи или выставки, были обязаны представлять в органы цензуры выписку из постановления или копию приказа соответствующей организации о создании музея или выставки, а также два экземпляра утвержденной руководителем музея или выставки описи экспонатов и текстов. При пополнении экспозиций музея или выставки новыми экспонатами в описи должны были выноситься соответствующие дополнения или изменения, которые подлежали оформлению в органах цензуры. Комиссия, состоявшая из ответственных представителей соответствующих министерств, ведомств, организаций, отделов пропаганды и агитации партийных органов, а также представителей цензуры, составляла акт в двух экземплярах с приложением к ним полной описи разрешенных к обзору экспонатов и текстов. В районах, где не было цензоров, открытие выставок, а также пополнение музеев и выставок новыми экспонатами осуществлялось под ответственность руководителей соответствующих организаций и учреждений [2. Д. 884. Л. 320–321].

В 1955 г. количество музеев в области не изменилось, из 16 в г. Горьком находилось восемь. По своему характеру музеи имели следующее деление: краеведческих – шесть, вузовских – три, промышленных – два, мемориальных – два, бытовых – один, литературных – один, художественных – один. За 1955 г. было проведено 57 проверок: 12 – при приеме экспозиций, 45 – в порядке последующего контроля. При проверках было сделано 35 цензорских вмешательств, из них 31 в книгах отзывов. Временных выставок прошло 33, они были проверены 36 раз, было сделано десять цензорских вмешательств: девять при приеме экспозиции и одно последующим контролем. Основная масса нарушений приходилась на §§ 29 и 115 «Перечня» [4. Д. 6. Л. 13].

Вносимые изменения и дополнения в экспозиции вовремя представлялись на цензорский контроль. Музеи систематически один-два раза в квартал проверялись. Правда, отмечалось, что в начале года ст. цензор г. Дзержинска Конураева «в музей заглядывала весьма редко и фактически его не контролировала. На это ей было серьезно указано» [4. Д. 6. Л. 13]. Из восьми районных музеев работниками управления было проверено четыре. Причем два музея в области (в г. Ветлуге и г. Чкаловске) большую часть года были закрыты на ремонт. Дзержинский краеведческий музей также закрылся, он был переведен в новое благоустроенное помещение.

В постановлении Секретариата ЦК КПСС от 27 ноября 1956 г. «О работе Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ СССР» говорилось о необходимости перестройки работы Главлита в связи с задачами, поставленными ЦК КПСС и XX съездом КПСС. После указания Главлита СССР № 1954 за 1956 г. [4. Д. 20. Л. 27] под контролем Обллита в Горьковской области осталось лишь пять музеев (вместо 16) историко-краеведческого направления – один областной и четыре районных (в городах Балахне, Дзержинске, Городце, Ветлуге). Проверка музеев была проведена при приеме экспозиции шесть раз, в порядке последующего контроля семь раз. Однако значительно увеличилось количество выставок. Их было 34, в т. ч. областная промышленная выставка и 16 выставок произведений местных художников.

Но уже в апреле 1957 г. ЦК потребовал от Главлита усиления цензорского контроля, прежде всего предварительной цензуры. Это было связано с рабочими антисоветскими и антисоциалистическими выступлениями в июне 1956 г. в Польше, известными событиями в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г., которые называют то революцией, то контрреволюцией. В марте 1957 г. Начальником Главлита был назначен уже не журналист, а аппаратчик, сотрудник ЦК КПСС с 1945 г. П.К. Романов. В связи с новыми задачами, к августу 1957 г. в Главлите был разработан проект Положения о Главном управлении по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. Функции органов цензуры в интересующей нас области определялись так: «контроль экспозиций краеведческих, научно-технических и естественно-научных музеев, а так же постоянных и временных промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок, предназначенных для открытого обозрения» [2. Д. 949. Л. 100].

В 1957 г. группа последующего контроля Горьковского облита была сокращена до трех человек, и в ней уже не было отдельных цензоров по библиотекам, по искусству и т. д. Все цензоры были заняты проверкой газет, книжно-журнальной продукции и пр., а также музеев и выставок. Отмечалось, что группой последующего контроля была проведена значительная работа по проверке библиотек, книготорговой сети, типографий, музеев и т. д. [4. Д. 15. Л. 14].

В сентябре 1958 г. последовало еще более грозное постановление ЦК КПСС «О мерах по сохранению государственной тайны». Все силы местных цензоров были брошены на предупреждение разглашений закрытых сведений в экспозициях музеев, выставках, а также в книгах отзывов на них.

В 1958 г. в г. Горьком и области все пять музеев краеведческого направления сохранились под цензорским контролем. Причем в Городце и Ветлуге не было штатных районных цензоров. Летом от-

крылось два новых музея – в г. Арзамасе и г. Выксе. Последний в основном был посвящен истории Выксунского металлургического завода и содержался им же. Все музеи работниками цензуры в процессе года проверялись ежеквартально (за исключением городского). Всего было проведено 13 проверок, из них при приеме экспозиций две, в порядке последующего контроля – 11. При этом имели место три цензорских вмешательства, из них два в книге отзывов и предложений посетителей, связанные с нарушением §§ «Перечня» 73 «а» и 22 [4. Д. 20. Л. 29].

Выставок, постоянно действовавших в г. Горьком и области, была одна – областная промышленная, Горьковского Совнархоза, временно разрешённая при областном краеведческом музее. Работниками цензуры за год был осуществлен контроль 29 временных выставок, из них 27 проверок имело место при приеме экспонатов, а две – в порядке последующего контроля. При проверке было шесть цензорских вмешательств, из них при приеме экспонатов – четыре, в книгах отзывов – два. Вмешательства были вызваны главным образом раскрытием оборонных предприятий в экспонатах и условно нумерации воинских частей и воинских соединений в книгах отзывов посетителей.

Выборочный просмотр экспозиций и книг отзывов посетителей музеев, освобождённых от цензорского контроля, по мнению цензоров управления, показывал, что их администрация «недостаточно прониклась ответственностью за соблюдением ограничений цензурного порядка», в книгах отзывов продолжали иметь место нарушения, которые работниками музеев не всегда вскрывались и устранялись. В этой связи обллит был вынужден обратиться с письмом к секретарю обкома КПСС Панкратову. Кроме того на областном совещании директоров музеев выступил представитель обллита с анализом состояния музеев с точки зрения охраны ими государственных и военных тайн [4. Д. 20. Л. 29].

Под контролем обллита в 1959 г. стали функционировать краеведческие музеи в г. Арзамасе и Выксе. В г. Павлове действовал музей местной промышленности, но в конце 1959 г. ему придали краеведческий уклон, и он был принят под цензорский контроль. Таким образом, в Горьковской области стало восемь краеведческих музеев. В новой экспозиции областного музея было два цензорских вмешательства: убраны сравнительные данные по Совнархозу и в книге посетителей сделан «вычерк» по § 73 «Перечня». Всего за год было принято 12 временно-действующих выставок, главным образом промышленных [4. Д. 23. Л. 33].

В июне 1960 г. появилось Постановление ЦК КПСС «О повышении революционной бдительности», после которого было организовано совещание начальников Главлитов союзных республик, на

котором присутствовали и начальники обллитов. На нем говорилось не только об усилении цензорского контроля, но и о том, что из 520 действовавших документов было отменено 445, созданы новые «Инструкция цензору» и «Перечень», которые должны были отныне регламентировать работу цензуры как в центре, так и на местах.

В 1960 г. на совещании работников музеев и выставок, используя местные факты, были подробно разъяснены соответствующие ограничения нового «Перечня», а также требования к музеям и выставкам «Единых правил» и новой «Инструкции о порядке цензорского контроля». Обллит отмечал как «общее отрадное явление» постоянно высокую явку на совещания и «благоприятное отношение к ним» [4. Д. 26. Л. 16].

В период с 1960 по 1964 гг. из годовых отчетов пропадает раздел о контроле музеев и выставок, а затем появляется лишь в 1964 г. Данные за этот период присутствуют, но содержание работы раскрывалось уже не так подробно.

В августе 1963 г. Главлит возглавил заместитель П.К. Романова – такой же партийный функционер, много лет возглавлявший сектор журналов Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС А.П. Охотников. В Горьком начальник обллита также сменился, после ухода Ф.Н. Боронина на пенсию управление возглавил А.С. Ульянов.

Вероятнее всего, в 1964 г. произошли какие-то серьезные изменения в задачах и технике контроля над музеями. В 1964 г. обллит контролировал уже 14 музеев. Было проведено 43 проверки музеев и выставок. Однако цензор управления Симановский, ответственный за это направление, «не обеспечил должного порядка в экспозициях музеев и выставок». В Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике цензорами Главлита СССР были обнаружены экспонаты, содержавшие запрещенные сведения; нарушения имелись и в художественном музее, домике-музее Я.М. Свердлова. Обллитом были приняты определенные меры, позволившие устранить эти недостатки [4. Д. 40. Л. 12–13].

В 1965 г. в ходе контроля было проведено 28 проверок музеев и выставок. С работниками музеев и выставок проводилась необходимая работа по изучению новой «Инструкции о порядке подготовки и открытия музеев и выставок» и осуществлению её требований. Контроль материалов экспозиций музеев и выставок осуществляли уже двое цензоров – Ульянов и Симановский. В результате принятых обллитом мер существенных нарушений в экспозициях музеев и выставок выявлено не было [4. Д. 43. Л. 13]. Обнаружено лишь одно упоминание – в карточке № 8 от 26 апреля 1965 г. говорилось, что в книге отзывов писателей Литературного музея А.М. Горького было

оставлено условное наименование воинской части, тем самым был нарушен § 10 Перечня [4. Д. 43. Л. 20].

Управление обращало внимание на лучшую организацию контроля музеев и выставок, выполнение требований «Инструкции о порядке подготовки открытия музеев и выставок». За год последующим контролем были просмотрены материалы большинства музеев. Предварительным контролем были просмотрены и вновь открытые выставки Управления железной дороги Горьковского автозавода [4, Д. 43. Л. 10].

Важные изменения в работе Главлита и обллитов произошли осенью 1966 г. В августе 1966 г. начальником Главлита вновь стал Романов. Была реорганизована вся структура местных управлений, официально принято Положение, закреплявшее функции цензуры в центре и на местах. 1 сентября 1966 г. Горьковский облисполком постановил образовать Управление по охране государственных тайн в печати и упразднил Управление по охране военных и государственных тайн в печати. Было принято типовое Положение об Управлении по охране государственных тайн в печати, в нем говорилось что Горьковский обллит «является составной частью единой системы союзно-республиканского органа – Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР». Функции местных областных управлений были намного расширены. Прежде всего была поставлена новая цель «сохранение государственных тайн и предотвращение ложной информации, дезориентирующей общественное мнение». При этом функция обллита по контролю музеев и выставок осталась в неизменном виде: «обеспечивать предварительный контроль за ... предназначенными для открытого обозрения экспозициями краеведческих, научно-технических и естественно-научных музеев, постоянных и временных промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок...» [2. Д. 1214. Л. 127].

Подводя итог, можно выделить следующие этапы развития порядка контроля над музеями и выставками со стороны областных органов цензуры:

1) апрель 1952 г. – март 1953 г. – появление отдельной должности цензора по музеям, усиление цензорского контроля над музеями и выставками;

2) апрель 1953 г. – 1955 г. – формирование специальной рабочей цензорской группы по контролю библиотек, музеев, произведений искусства во главе со старшим цензором управления;

3) август 1955 г. – 1960 г. Появление новой инструкции, которая вводила новый порядок цензорского контроля. Ответственность теперь ложится на руководителей музеев там, где нет районных цензоров. Объединение группы по контролю библиотек, музеев,

произведений искусства с группой последующего контроля. Сокращение количества подконтрольных музеев с 16 до 5;

4) 1960–1964 гг. – период «затишья», который проходит на фоне усиления цензурного влияния на печать и другие объекты цензурного контроля;

5) 1964–1966 г. – рост числа объектов контроля. С 1964 г. подконтрольных музеев становится уже 14. Появление новой инструкции. Введение нового «Положения» органов цензуры.

Положение музеев в 1966–1991 гг. требует дополнительного изучения.

Список литературы

1. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997. С. 104.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 9425. Оп. 1.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 4254. Оп. 2.
4. ЦАНО. Ф. 4254. Оп. 4.

М. В. Ломоносов – первый российский историк права. Взгляды ученого на происхождение и сущность Древнерусского государства¹

В статье в историческом контексте рассматриваются взгляды российского учёного-энциклопедиста М.В. Ломоносова на происхождение и сущность Древнерусского государства, в которых отразилась его приверженность к школе естественного права и концепции централизованного государства и сильной просвещённой монархической власти. Развитие русской исторической науки даёт блистательное подтверждение жизненности многих научных выводов Ломоносова. Вместе с тем наследие Ломоносова как историка еще недостаточно изучено, и автор полагает, что его статья позволит сделать ещё один шаг на этом пути.

In the paper views of the origin and essence of the State of Old Rus belonging to M.V. Lomonosov, Russian scientist of encyclopaedic knowledge, are considered in the historical context. They reflect his adherence to the school of natural law and the concept of centralized state and powerful enlightened monarchy. Development of Russian historical science proves the vitality of many of his scientific conclusions. Yet Lomonosov's heritage as a historian isn't well studied, so author believes that his article will be another step on this way.

Ключевые слова: школа естественного права, славяне, варяги, термин «Русь», Древнерусское государство, Русское централизованное государство, просвещённый абсолютизм, норманнская теория происхождения Русского государства.

Key words: school of natural law, the Slavs, the Varangians, term of «Rus», State of Old Rus, Russian centralized State, Enlightened absolutism, the Northman theory of the origin of Russian state.

Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) принадлежит к той плеяде великих людей, чьи имена стали символом национальной гордости, а жизнь и труд явили редчайший пример человеческого подвига. По меткому определению А.С. Пушкина, Ломоносов был «первым нашим университетом» [12, с. 277].

© Лобанов Н. А., 2012

¹ При подготовке настоящей работы автор опирался на статью, опубликованную им в 1961 г. к 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова [6, с. 139–143].

Для деятельности ученого характерна не только энциклопедичность, поражавшая уже его современников, но и удивительнейшая способность проникать в безграничные глубины многих областей человеческого познания. Выходец из крестьян, он никогда не порывал связи с простым русским народом. Ломоносов был не только великим ученым, но и великим гражданином.

Во взглядах Ломоносова на происхождение и сущность древнерусского государства во многом сказалось влияние школы естественного права. Вслед за Ф. Прокоповичем (1681–1736 гг.) и В.Н. Татищевым (1686–1750 гг.) Ломоносов выступил сторонником централизованного государства и абсолютной монархии. Ломоносов полагал, что будущее России всецело зависит от исключительных способностей просвещенного монарха. Государство он сравнивал с пчелиным роем, где «один владетель повелевает, прочие внимают послушанию. Он <монарх. – Н. Л.> один каждому труды разделяет: ленивых и к делу неспособных выгоняет из улья, как из гражданско-го общества; прочие пчелы в назначенных трудах обращаются примерно» [7, с. 210]. Всеобщее благоденствие народа и государства он видел в мудрой политике просвещенного монарха.

Наука истории России до Ломоносова в основном была представлена «Синописом», «Историей» В.Н. Татищева и несколькими работами немецких ученых, которые не могли в полной мере удовлетворить растущие запросы современников [2, с. 39–53]. Это было время, когда научное осмысление исторического прошлого России, ставшей крупнейшей державой на европейском континенте, превратилось в национальную необходимость.

Ломоносов, разумеется, не был историком права в нашем понимании, не был он и юристом в узком смысле этого слова. Но, занимаясь на протяжении многих лет проблемами происхождения славянских племен и первых государственных образований у них, Ломоносову приходилось касаться многих вопросов правовой науки, без изучения которых немыслимо понимание никакого исторического процесса.

Происхождение Древнерусского государства является основной темой исторических исследований Ломоносова. Многие из его выводов, касающихся генезиса Руси, остались непоколебленными и нашли своё подтверждение в современной исторической науке. Уже «Наброски плана русской истории» [7, с. 85–87], относящиеся, по видимому, к 1751 г., наглядно показывают, что Ломоносов не пытался слепо следовать ни за «Повестью временных лет», ни за «Синописом», ни тем более за историческими работами немецких ученых, а имел свою строго определенную и глубоко разработанную периодизацию отечественной истории.

Своё повествование он начинает не от призвания варягов, а «от времен, глубокою древностью сокровенных» [7, с. 169]. Русский народ и его судьбы стоят в центре исследования Ломоносова. Так, во вступлении к «Истории» он пишет: «Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны здесь ожидать похлебства, где весь разум повинен внимать и наблюдать праведную славу целого отечества» [7, с. 172]. Историко-патриотическая направленность взглядов Ломоносова здесь выступает наиболее ярко и полно. Следуя традиции своего времени, Ломоносов, в посвящении (великому князю Петру Федоровичу) к первой части «Истории Российской» В.Н. Татищева на первый план выдвигает деяния государей, «заслугами своими Россию одолживших», а историю народа ставит в зависимость от ее «владельцев, а особливо самодержавных» [7, с. 14]. Всё это находится в прямой связи с абсолютистскими взглядами Ломоносова, но всё же следует заметить, что столь категоричная постановка вопроса находится скорее в соответствии со взглядами Н.В. Татищева, нежели автора посвящения.

Для всего творчества Ломоносова в целом и для разработки вопросов происхождения Древнерусского государства, в частности, характерно стремление научно обосновать и последовательно раскрыть причины того или иного явления с позиции критики церковного догмата. Можно предположить, что два начала – истинная вера в Иисуса Христа и аналитико-критическое мышление, свойственное всем истинным учёным, – «сопровождали» его в стремлении понять и объяснить прошлое и настоящее российской истории. Несправедливо полагают те, писал Ломоносов, которые «думают, что всё, как сначала творцом создано... и потому де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковы рассуждения весьма вредны приращению всех наук... хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова "Бог так сотворил" – сие дав в ответ вместо всех причин» [7, с. 574–575].

В развитии научных представлений в области естествознания и социальных наук Ломоносов пошёл несравненно дальше своих предшественников – В.Н. Татищева и Д.К. Кантемира (1673–1723). Он видел решающую роль разума, просвещения и науки в формировании Русского государства на всех его этапах. Разработку отечественной истории Ломоносов начинает с вопроса о том, как и в каких условиях сложился русский народ и кто были его предки. Открыто, хотя и в несколько осторожной форме, он выступает против церковного догмата, согласно которому считалось, что славяне происходят от библейского Мосоха, внука Ноева [7, с. 180]. Перешагнув через библейское сказание, Ломоносов обращается непосредственно к историческим фактам. Скифы и сарматы, по его мнению, являются

древнейшими предками славян: «Обои народы одержали великое участие в обширном сем земель пространстве» [7, с. 172]. Указывая, что в трудах древних историков (Геродота, Страбона, Плиния) скифы и сарматы выступают под разными именами, Ломоносов подчеркивает разноплеменный состав этих народов, что подтверждается данными современной науки. К древним предкам славян он относит также вендов и антов, которые, «соединяясь со сродными себе славянами, умножали их силу» [7, с. 176]. Процесс ассимиляции различных народов со славянами, по его мнению, продолжался и в более позднюю эпоху, когда «словенское владение возросло с течением времени» и «многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились» [7, с. 173]. Уровень современной Ломоносову исторической науки не позволил ему более детально проследить генетическую нить, связывающую славянские народы с русской нацией, но, «рассуждая о разных племенах, составивших Россию», Ломоносов подчеркивает, что «в составлении российского народа преимущество славян весьма явствует» [7, с. 174].

Особое внимание Ломоносов уделяет вопросу о «дальней древности словенского народа», имя которого «поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана» [7, с. 178]. То, что древние греки и римляне столь поздно узнали о славянах, по мнению Ломоносова, не есть доказательство того, что славянские народы возникли незадолго до времен юстиниановых, ибо «имя славенское, по вероятности, много давнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или Рим достигло и вошло в обычай» [7, с. 178]. Если для немецких исследователей истории славян и Древней Руси любое свидетельство древних греческих и римских писателей является аксиомой, то для Ломоносова это лишь вспомогательный исторический источник.

Хорошо известны возражения Ломоносова на концепцию Г.Ф. Миллера (1705–1783) о происхождении Руси [4, с. 39–48]. Аргументы Ломоносова показывают, насколько критически он подходит к изучению греческих и римских источников [7, с. 19]. Констатируя, что «в северных российских пределах славенские жители умолчаны», Ломоносов пишет, что это объясняется «не сколько за малолюдством, сколько за незнанием от внешних писателей» [7, с. 177]. Отсутствие у внешних авторов упоминаний о северных славянах, по мнению русского ученого, вовсе не означает, что эти народы не существовали или были весьма малочисленны, ибо «народы от имен не начинаются, но имена народам даются» [7, с. 178].

Ломоносов был одним из последовательных критиков «норманнского вопроса» в отечественной истории, начало которому по-

ложила диссертация Г.З. Байера (1694–1738) «De varagis». Основные положения российского учёного немецкого происхождения Г.З. Байера были восприняты и развиты Г.Ф. Миллером, А.Л. Шлецером (1735–1809) и другими российскими учеными-историками¹. Следует заметить, что впервые с критикой норманнской теории выступил В.Н. Татищев [5, с. 28–38; 10, с. 267]. Но, будучи умеренным норманнистом, он не смог разрешить стоящую перед ним историческую проблему, ограничившись отдельными замечаниями, которые не нарушали цельности концепции сторонников норманнской теории. Впервые с критикой норманнской теории Ломоносов выступил в 1749 г. в замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера о «Происхождении имени и народа российского». Эти положения он в дальнейшем развил в «Кратком российском летописце» и «Древней истории».

Норманнская история отрицает происхождение Древнерусского государства как результат внутреннего общественно-экономического развития. Норманнисты связывали начало государственности на Руси с моментом призвания варягов на княжение в Новгород и завоевания ими славянских племен в бассейне Днепра. Они считали, что сами варяги, «из которых был Рурик с братьями, не были колена и языка славянского... они были скандинавы, то есть шведы» [7, с. 30].

Ломоносов не только из чувства патриотического долга, но весьма аргументированно подверг уничтожающей критике все основные положения этой концепции генезиса Древней Руси. Древнерусское государство, по его мнению, существовало в форме разобщенных племенных союзов и отдельных княжеств задолго до призвания варягов-россов [7, с. 214]. Племенные союзы южных и северных славян, которые «без монархии почитали себя вольными» [7, с. 214], по его мнению, явно тяготились какой-либо властью. Отмечая роль славян в развитии всемирной истории и падении Римской империи, Ломоносов еще раз подчеркивает свободолюбие славянских племен и их нетерпимое отношение ко всякому угнетению [7, с. 190]. Тем самым косвенно Ломоносов указывает, что княжеская власть существовала не всегда, а явилась продуктом исторического развития Древней Руси. Особенно ярко показал, он это на примере древнего Новгорода, где «новгородцы им <варягам – Н. Л.> отказали <в дани. – Н. Л.> и стали сами собою правительствовать» [7, с. 30]. Но противоречия, раздиравшие древнерусское общество, привели к падению народоправства: новгородцы «впали в великие распри и междоусобные войны, восстал

¹ Последователем норманнской версии был и российский историк Николай Михайлович Карамзин.

один род против другого для получения большинства» [8, с. 106]. И именно в этот момент острых внутренних противоречий обратились новгородцы (а точнее, та часть новгородцев, которая одержала победу в этой борьбе¹) к варягам со следующими словами: «земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами» [8, с. 106].

Акцентируя на этом факте внимание, Ломоносов подчеркивает, что не слабость и не неспособность россов к государственному управлению, как это упорно старались утверждать сторонники норманнской теории, а внутренние противоречия явились причиной призвания варягов.

Однако в свете рационалистического мировоззрения Ломоносова, стоящего на позициях «просвещенного абсолютизма», такая форма государственного управления, как народоправство, вовсе не свойственна социально-экономической природе Российского государства. Из тех форм государственного устройства – демократии, аристократии и монархии – последняя, по мнению Ломоносова, является для России наиболее эффективной. Путем исторических обобщений и сравнений он стремится доказать целесообразность абсолютной монархии именно для Русского государства. Так, указывая на общие черты государственного устройства, присущие античному Риму и Древнерусскому государству, а именно на наличие большого элемента самоуправления в ранний период развития этих государств и единодержавие – в более поздний [7, с. 170–171], Ломоносов далее противопоставляет античному Риму Древнюю Русь с одной лишь единственной целью, чтобы показать, что если «Римское государство гражданским владением возвысилось», а «самодержавством пришло в упадок», то Россия «разномысленною, волностию... едва не дошла до крайнего разрушения» и лишь «самодержавством... умножилась, укрепилась, прославилась» [7, с. 171]. Сила и могущество Русского государства, благосостояние его подданных, по мнению Ломоносова, всецело зависят от заслуг просвещенных монархов.

Образование и развитие Древней Руси рассматривается им как непрерывный процесс борьбы князей за единодержавие. И хотя Ломоносов замечает, что покорение славянских племен порой сопровождалось жестким насилием и тяжелой данью [7, с. 221], тем не менее, эта борьба расценивается им как выражение заботы об этих племенах (см. также [18, с. 20]) со стороны киевских князей², ибо «в

¹ «...неспокойных голов, которые на избрание Рюриково не соглашались, принудили к молчанию и к оказанию совершенной покорности» [7, с. 218].

² «Олег, радея о благосостоянии себе подручных народов, начал строить города и устанавливать порядочные дани» [7, с. 220].

единоначальном <т. е. самодержавном. – Н. Л.> владении залог... блаженства» [7, с. 171] Русского государства.

Краеугольным камнем дискуссии, начало которой положила уже упоминаемая диссертация Г.З. Байера, был вопрос: были ли призванные новгородцами варяги генетической ветвью одного из славянских племен или же это скандинавы? Ломоносов проводит резкую грань не только между скандинавами и варягами-россами, но и отделяет варягов как социальную группу от варягов-россов. Последнее обстоятельство обычно выпадало из поля зрения исследователей, тогда как оно имеет большое научное значение. Варяги, полагает Ломоносов, это не этническая, а социальная группа¹. Неправильно рассуждает тот, писал Ломоносов, «кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоям» [7, с. 203]. И далее: «они не были толь одни шведы, как некоторые думают, ибо в сем случае употребил бы историк конечно собственное их имя»². Варяги-россы, полагает Ломоносов, – это одно из славянских племен, живших по восточно-южным берегам Варяжского моря между Вислой и Двиной. Поэтому нет ничего удивительного, что новгородцы обратились к своим соседям-славянам. В подтверждение своего мнения Ломоносов приводит ряд доказательств, имеющих большое научное значение, в частности, он указывает на отсутствие слов скандинавского происхождения в русском языке. Хотя эта точка зрения Ломоносова в наше время не получила своего развития, тем не менее она имела немало своих последователей, да и в наше время дискуссия время от времени возникает [см. 9, с. 247 и сл.].

В прямой связи с этнографической и социальной природой варягов-россов стоит и вопрос о происхождении термина «Русь», тесно связанный «с вопросом о происхождении Русского государства и русского народа». Ломоносов не разбирает вопроса о происхождении слова «Русь», а лишь констатирует, что «сие имя не должно производить и начинать от времени пришествия Рюрика к новгородцам, ибо оно широко по восточно-южным берегам Варяжского моря простиралось от лет давних» [7, с. 207–208]. Но еще задолго до того времени, когда волжские россы достигли берегов Варяжского моря,

¹ Этой же точки зрения в более позднее время придерживалось большое количество историков, см., напр., С.Н. Сыромятников [16], С.Ф. Платонов [11], Л.С. Тевериадский [17].

² «Скандинавы никогда себя варягам не называли, тому убедительное доказательство в том, что ни малейших следов этого имени нет ни у скандинавских, ни у саксонских, ни у франкских летописцев, говоривших о Швеции и Норвегии» (См.: Ю. Венелин [13, с. 37]).

полагает Ломоносов, существовал этот этнический термин на юге нашего государства [3, с. 18–19; 9, с. 25–35].

Семасиологические особенности слова «Русь» представляют значительные трудности в установлении этнографической и национальной природы его происхождения, и надо признаться, что и в настоящее время в этом вопросе еще очень много неясного [см. 9, с. 247 и сл.; 14, с. 52–53; 15, с. 255 и сл.]. Заслуга Ломоносова состоит в том, что он первый научно доказал, что нет никакой преемственности между именем «Русь» и «варяжским вопросом», что слово «Русь» туземного происхождения и известно было задолго до призвания Рюрика.

Работы Ломоносова по вопросу происхождения Древнерусского государства имеют большое научное значение для изучения возникновения Древней Руси. Именно Ломоносов первый высказал мысль, что государственные образования на территории Древней Руси существовали и до «империи Рюриковичей». Научный анализ вопроса происхождения Древнерусского государства ставит Ломоносова неизмеримо выше не только современных ему исследователей, но и многих историков более позднего периода.

Творческое наследие Ломоносова как историка еще недостаточно изучено. В сущности, это изучение только начинается. Развитие русской исторической науки даёт блистательное подтверждение жизненности многих научных выводов Ломоносова. Не со всеми положениями Ломоносова можно согласиться, некоторые из них опровергнуты современной исторической наукой, обогащенной большим количеством новых исторических данных. Тем не менее, заслуга Ломоносова перед отечественной историей и историей права огромна. Его имя должно по праву стоять в ряду с такими выдающимися русскими историками, как Н.М. Карамзин С.М. Соловьев, С.В. Ключевский, Б.Д. Греков.

Список литературы

1. Антипин Л.Н. Норманнская теория и борьба М.В. Ломоносова с норманистами // Для пользы общества коль радостно трудиться: к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова: сб. ст. / Ломоносов. фонд; Помор. землячество. – М., 2010. – С. 46–77.
2. Артемьева Т.В. Новые авторитеты // Идея истории в России XVIII века. Филос. век; альманах 4. – СПб., 1998. – С. 39–53.
3. Дюран Жан. Уникальная Россия. – М.: Центр междунар. культ. связей и иностр. яз., 2006.
4. Каменский А.Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: сб. ст. и материалов. – СПб., 1991.
5. Мыльников А.С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: сб. ст. и материалов. – СПб., 1991.

6. Лобанов Н.А. М.В. Ломоносов о происхождении и сущности Древнерусского государства // Известия высш. учеб. заведений: Правоведение: журн. – 1961. – № 4. – Л., 1961.
7. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952. Т. 6.
8. Новгородская первая летопись (Комиссионный список). – М.-Л., 1950.
9. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. – Смоленск: Русич; М., 1995.
10. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. – М., 2004.
11. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – СПб., 1918. – Т. 1.
12. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – 2-е изд. – М., 1958. – Т. 7.
13. Скандинавомания и ее поклонники. – М., 1842.
14. Седов В.В. Древнерусская народность. – М., 1999.
15. Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. – М., 2002.
16. Сыромятников С.Н. Древлянский князь и варяжский вопрос // ЖМНП. – 1912. – Ч. 11. – июль.
17. Твериадский Л.С. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян // Ист. зап. – 1942. – № 13.
18. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. – М., 1957.

П. А. Васильев

Обзор источников по проблеме наркотизма в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг.¹

В данной статье содержится обзор основных источников, связанных с проблемой наркотизма в раннесоветском Петрограде-Ленинграде. Значительная часть используемых в работе архивных материалов ранее не была рассмотрена исследователями. Особое внимание уделено описанию и критике источников медицинского происхождения.

This paper provides a survey of the most important historical sources on drug addiction in early Soviet Petrograd-Leningrad. A substantial part of archival materials used in this paper has not been previously used by scholars of the subject. Special attention is devoted to the critical description of primary sources of medical origin.

Ключевые слова: исторические источники, наркотизм, раннесоветский период, Петроград-Ленинград, здравоохранение, социальная проблема, медицинские тексты, морфий, кокаин.

Key words: historical sources, drug addiction, early Soviet Russia, Petrograd-Leningrad, public health, social problem, medical texts, morphine, cocaine.

Характеризуя состояние источников, связанных с историей отклоняющегося поведения в Советской России, историки отметили недоступность сведений о числе девиантов [10, с. 19]. Действительно, опубликовано крайне мало архивных документов, затрагивающих тем или иным образом проблему наркотизма в Петрограде-Ленинграде в конце 1910-х–1920-х гг. Это, однако, необязательно означает, что исследование проблемы затруднено в силу нехватки источников или их «закрытого» характера.

В данной работе выделяются несколько групп источников, доступных исследователю, с классификацией их по способу происхождения. Для каждой группы дается критическое описание, которое подчеркивает как преимущества данных источников, так и основные проблемные места.

Архивные материалы. Очевидно, что именно эти источники являются наиболее интересными и полезными для исследователя такой специфической проблемы, как история наркотизма в раннесоветской России, однако нельзя не отметить их относитель-

ную фрагментарность. Особую ценность представляют материалы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГА НТД СПб), Архива Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова (СПбГМА), Архива музея В.М. Бехтерева Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева и др.

Значительная часть материалов ранее не была рассмотрена исследователями (в особенности это касается документов, связанных с организацией контроля за фармацевтическим делом в Ленинграде в 1924–1929 гг., а также с работой отделения социальных болезней Леноблздравотдела в конце 1920-х гг.). Среди материалов, оказавшихся особенно интересными, необходимо выделить документы, характеризующие повседневную деятельность региональных органов здравоохранения и внутренних дел, а также фонды медицинских лечебных, научно-исследовательских и образовательных учреждений (фонды 33, 131, 142, 2815, 3215, 4301 ЦГА СПб; фонд 313 ЦГА НТД СПб; научная часть Архива СПбГМА; фонды VII, VIII Архива музея В.М. Бехтерева).

С другой стороны, нужно отметить, что подавляющая часть доступных архивных материалов представляет собой официальные документы местных советских учреждений, что накладывает определенные ограничения на их использование и заставляет нас более критически подходить к сведениям, которые содержатся в этих документах [6, с. 47]. Относительно наркотизма ситуация усугубляется еще и тем, что проблема распространения и употребления наркотиков в Советской России отражена в архивных материалах менее подробно, чем другие распространенные «негативные» социальные феномены того времени (преступность, беспризорность, алкоголизм, проституция, венерические заболевания, туберкулез и др.) При этом объективный анализ архивных материалов затрудняет еще и то, что, как ни парадоксально, зачастую именно проблема наркотизма имеет наиболее устойчивую пейоративную коннотацию [10, с. 28].

Медицинские тексты по проблеме наркотизма, безусловно, служат одними из главных и наиболее значимых первоисточников по теме. Однако, несмотря на то что многие исследователи признавали значение источников медицинского происхождения для историков наркотизма и активно использовали монографии и статьи,

написанные врачами в начале XX в.¹, зачастую при этом отсутствовал должный критический подход. Весьма возможно, что кажущаяся «научность» этих текстов заставила историков рассматривать их как абсолютно объективные источники и заимствовать из них качественные и количественные оценки без предварительного анализа. На наш взгляд, однако, необходим критический разбор ключевых медицинских текстов (к их числу относятся монографии, статьи в профессиональных журналах и газетах, медико-юридическая, публицистическая и популярно-медицинская литература, а также в меньшей степени документация медицинских, административных и научно-исследовательских учреждений). Данные источники незаменимы при исследовании эволюции научных представлений о наркотизме и хода конструирования социальной проблемы. Более того, анализ медицинских текстов позволяет зафиксировать и оценить влияние политических и социальных взглядов исследователей наркотизма на их научные программы.

Работа с медицинскими текстами представляет определенные сложности, поскольку они являются достаточно непривычными историческими источниками. На первый взгляд, они представляются сухими научными документами, которые передают универсальную и внеисторическую правду о больном теле и разуме в объективной и беспристрастной манере. Медицинские тексты также могут отпугнуть неопытного исследователя, который может решить, что для работы с ними обязательным условием является наличие специализированных медицинских знаний.

Однако в действительности работа со специальными медицинскими текстами возможна при использовании техник дискурс-анализа и структурно-функционального анализа для исследования различных теорий и описаний наркоманов и наркотических практик. В целом необходимо помнить о том, что существовали различные виды медицинских текстов (от краткой заметки до обстоятельной монографии), которые также имели существенные стилистические различия (от статьи в популярной газете до классической научной работы с соответствующим аппаратом). Более того, медицинские тексты являются незаменимыми источниками, которые содержат информацию, недоступную иным способом. Конкретные факты, а не

¹ В качестве примеров современных работ, которые содержат многочисленные и зачастую некритические заимствования из медицинских текстов см. [10; 16; 20]. Работа М.В. Шкаровского особенно примечательна в этом отношении, поскольку автор неверно указывает фамилию советского врача (должно быть Тутолмин, а не Тушолмин), но использует авторитет его цитаты для того, чтобы указать на «усиление кокаинизма среди взрослых и детей» в 1920-е гг. [20, с. 476].

абстрактные формулировки, зачастую доступны только в печатных работах советских медиков, занимавшихся патогенезом различных наркоманий¹. Медицинские тексты по проблеме наркотизма также представляют интерес в том отношении, что они сильно отличаются от классических узкоспециализированных профессиональных работ и даже оставляют медицинскую лексику и включаются в дискуссию о причинах и последствиях крупных социальных проблем. Причем исследуется специалистами не только и даже не столько медицинский аспект употребления наркотиков, но скорее социальные последствия².

Разумеется, необходимо признать, что медицинские тексты могут действительно быть трудными для понимания без специальной подготовки. Однако это не означает, что мы не должны относиться к ним критически — в немалой мере потому, что именно в конце XIX — начале XX в. врачи активно исследовали ранее неизвестный феномен и фактически конструировали сами термины «наркоман» и «наркомания», которые мы сейчас воспринимаем как научные, объективные и внеисторические³. Отказ от эссенциалистского понимания наркотизма позволит нам лучше понять конфликты и альтернативы внутри российского научного сообщества, которые определили конечный результат.

Другое важное направление критики — метод, используемый в обсуждаемых медицинских текстах. Наркологи конца XIX — начала XX вв. активно использовали количественные методы в своей работе (эта тенденция становилась все более заметной к концу 1920-х гг., когда большинство работ были буквально заполнены статистическими данными о социальных, экономических и физиологических характеристиках наркоманов) [2]. В то же время очевидно, что все эти исследования оперируют абсолютно нерепрезентативной выборкой. Более того, многие современные социальные теоретики убедитель-

¹ Таким образом, в сравнении с другими источниками (административной документацией, юридической литературой, газетными заметками, художественными текстами) медицинские тексты оказываются наиболее последовательными, структурированными и информативными.

² Даже доктор Т.М. Богомолова, предлагая лечить наркоманов исключительно с помощью подкожного введения кислорода, не может не отметить такой существенный фактор, как «изоляция от окружающей среды» [3, с. 44]. Впрочем, частые отсылки к социально-экономическим, культурным и политическим аспектам вообще характерны для врачей, исследующих проявления девиантного поведения и так называемые «социальные болезни» (алкоголизм, проституцию, туберкулез, заболевания, передающиеся половым путем и др.) Объяснить эти социальные проблемы исключительно с медицинских позиций оказывается невозможным, и приходится обращаться к поиску социальных и иных предпосылок явления.

³ В качестве примеров работ, деконструирующих научную «объективность», см., например, [23; 26; 27].

но критикуют такое использование статистических данных и количественного подхода вообще [4]¹.

Есть еще одно важное измерение медицинских текстов, о котором часто забывают – а именно тот факт, что у них есть авторы. Социальные историки наркотизма в России часто цитируют работы А.С. Шоломовича или Р.Я. Голант, однако читатель не находит никаких деталей относительно их жизни и профессиональной карьеры за исключением краткой характеристики вроде «известные врачи» [16, с. 131]². Мы, однако, полагаем, что, заинтересовавшись самими личностями авторов, возможно обнаружить конкретного человека с соответствующей профессиональной ориентацией и научной программой там, где обычно видят безличный нарратив фармакологических характеристик, статистики и историй болезни³. Разумеется, вышесказанное не отрицает значения дискурс-анализа и внимательного чтения (*close reading*) медицинских текстов, но скорее дополняет их «обращением к социальным мирам наркологии», что позволяет «понять социальные структуры и материальные условия, которые обусловили убеждения, взгляды и практики» [22, с. 4–5].

Так, например, в другой работе [31] нами было показано, что раннесоветские наркологи зачастую выходили за рамки своей узкой профессиональной дисциплины, включались в социальную и общественную работу и зачастую держались социалистических или коммунистических взглядов или хотя бы симпатизировали советскому режиму.

В то же время необходимо признать, что используемая в медицинских текстах аналитическая структура является весьма удобной и может быть использована при анализе эволюции научного дискурса о наркотиках. При изучении процесса конструирования наркотизма удобно следовать схеме, присутствующей в медицинских монографиях и статьях. Эта схема обычно фокусируется на трех аспектах проблемы: причины возникновения; группы потребителей и наркотические практики; и возможные решения. Безусловно, заимствование данной структуры накладывает определенные ограничения, однако только она позволяет удачно сочетать анализ эволюции

¹ Примером особенно неудачного использования статистических данных могут послужить внутренние несоответствия в [5, с. 25, 29].

² Ситуация выглядит совершенно иной, например, в немецком контексте, где был опубликован ряд биографий наиболее крупных наркологов [24; 29; 30].

³ Данный подход ориентируется на традицию, заложенную такими американскими историками наркологии, как Д.Ф. Масто, К. Дж. Эккер и Н.Д. Кэмпбелл [21; 22; 28]. В качестве примеров применения подобного подхода в западноевропейском контексте см. [25; 32].

медицинских представлений о зависимости с описанием более масштабных социальных процессов.

Юридические акты и литература. Правовой аспект является одним из значимых при рассмотрении проблемы наркотизма, поэтому необходимо подвергнуть рассмотрению опубликованные декреты органов власти (в особенности регулирующие торговлю сильнодействующими веществами и определяющие уголовное наказание за распространение наркотических средств). К числу наиболее важных актов можно отнести [13; 14; 15]. Значительную ценность имеют также образцы юридической и историко-юридической литературы периода нэпа, частично затрагивающие и проблему наркотизма [7; 8; 19].

Периодическая печать. Вслед за исследователями проявлений девиантного проявления в Советской России в конце 1910-х–1920-х гг. [12, с. 176] необходимо активно привлекать сведения из периодической печати того времени («Петроградской правды», «Петроградского листка», «Красной газеты»). Однако следует помнить, что в статьях журналистами зачастую описывались лишь отдельные, возможно наиболее яркие случаи раскрытия преступлений, связанных с распространением наркотиков. Также важное значение для исследования проблемы наркотизма в раннесоветской России имеет опубликованная в «Известиях ЦИК СССР» в январе 1925 г. статья Н.А. Семашко о борьбе с кокаинизмом [17].

Мемуары, труды государственных и политических деятелей. Эта группа источников интересна тем, что позволяет взглянуть на проблему наркотизма глазами конкретных личностей – известных деятелей прошлого. В качестве примера можно привести воспоминания художника Ю.П. Анненкова [1], которые предоставляют действительно редкую возможность оценить масштаб распространения наркотизма в кругах интеллигенции и во властных структурах в Петрограде в первые годы советской власти. Тем не менее, к источникам мемуарного характера следует относиться с большой осторожностью, учитывая избирательность памяти и пристрастность автора в отношении исторических фактов. Интересный результат приносит также рассмотрение некоторых произведений И.В. Сталина, полемизировавшего со своими оппонентами относительно разрешения свободной продажи водки в 1925 г. [18] (а этот факт отмечен всеми исследователями как один из значительных факторов, определивших уменьшение числа наркоманов к рубежу 1920–1930-х гг. [9, с. 66; 10, с. 32–33; 11, с. 117]).

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что, несмотря на определенную фрагментарность и разнородность, источниковая база представляет все возможности для исследования проблем, связанных с распространением и употреблением наркотических

средств в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. Особенно следует подчеркнуть необходимость критического отношения к некоторым источникам (например, медицинским текстам) и более активного исследования ранее фактически не использованных архивных фондов.

Список литературы

1. Анненков [Ю.П.] Дневник моих встреч. – М., 2001.
2. Белоусова М.Т. Кокаинизм на материале Института судебно-психиатрической экспертизы им. проф. Сербского // Преступник и преступность: сб. 1. – М., 1926. – С. 97–104.
3. Богомолова Т.М. Лечение наркоманов подкожным введением кислорода // Моск. мед. журн. – 1925. – № 10. – С. 40–44.
4. Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосн. запас. – 2004. – № 3. – С. 23–26.
5. Голант Р.Я. Проблемы морфинизма: (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Тр. гос. ин-та мед. знаний (ГИМЗ) / под ред. Н.К. Розенберга. Вып. V. – Л., 1929. – С. 17–32.
6. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я.И. Гилинского. – СПб., 2000.
7. Жижиленко А.А. Преступность и ее факторы. – Пг., 1922.
8. За 8 лет: Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска за 1917–12 ноября–1925 г. – Л., 1925.
9. Лебина Н.Б. Белая фея, или Как «наводили марафет» в Советской России // Родина. – 1996. – № 9. – С. 64–66.
10. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. – СПб., 1999.
11. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.
12. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 г. и борьба с ней. – СПб., 2001.
13. О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-д // Собр. узаконений и распоряжений Раб. и крест. правительства РСФСР. – 1925. – № 4. – С. 58–59.
14. О мерах регулирования торговли наркотическими веществами // Собр. узаконений и распоряжений Раб. и крест. правительства. 1924. – № 85. – С. 1216–1217.
15. О порядке отпуска и учета опия, кокаина, морфия и их солей // Собр. узаконений и распоряжений Раб. и крест. правительства. 1923. – № 57. – С. 1030–1031.
16. Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопр. истории. – 2003. – № 8. – С. 129–134.
17. Семашко Н. [А.] О кокаинизме и борьбе с ним // Изв. ЦИК СССР. 1925. 4 января.
18. Сталин И.В. Беседа с иностранными рабочими делегациями // Сталин И.В.: Соч. – М., 1952. Т. 10: 1927, авг.-дек. – С. 206–238.
19. Хулиганство и преступление: сб. ст. – Л.; М., 1927.
20. Шкаровский М.В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: ист.-краеведческий сб. – СПб., 1997. – Т. 3. – С. 467–477.

21. Acker C.J. *Creating the American Junkie: Addiction Research in the Classic Era of Narcotic Control.* – Baltimore, 2006.
22. Campbell N.D. *Discovering Addiction: The Science and Politics of Substance Abuse Research.* Ann Arbor, 2007.
23. Canguilhem G. *On the Normal and the Pathological.* – Dordrecht, 1978.
24. Exler M. *Von der Jugendbewegung zu ärztlicher Drogenhilfe: Das Leben Ernst Joëls (1893–1929) im Umkreis von Benjamin, Landauer und Buber.* – Berlin, 2005.
25. Foxcroft L. *The Making of Addiction: The 'Use and Abuse' of Opium in Nineteenth-Century Britain.* – Aldershot, 2007.
26. Knorr-Cetina K. *Die Fabrikation von Erkenntnis: zur Anthropologie der Wissenschaft.* – Frankfurt am Main, 1984.
27. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts.* Princeton, 1986.
28. Musto D. F. *The American Disease: Origins of Narcotic Control.* – N.Y., 1999.
29. Schöck-Quinteros E. Dora Benjamin: "... denn ich hoffe nach dem Krieg in Amerika arbeiten zu können." Stationen einer vertriebenen Wissenschaftlerin (1901–1946) // *Barrieren und Karrieren: Die Anfänge des Frauenstudiums in Deutschland* / Hrsg. E. Dickmann, E. Schöck-Quinteros. – Berlin, 2000. S. 71–102.
30. Täubert K. «Unbekannt verzogen...»: Der Lebensweg des Suchtmediziners, Psychologen und KPD-Gründungsmitgliedes Fritz Fränkel. – Berlin, 2005.
31. Vasilyev P. *Modernity, Jewishness and Addiction Research in Late 19th and Early 20th Century Russia and Germany* // *Jewish Studies at the CEU.* 2011. Vol. VI. P. 107–118.
32. Wiesemann C. *Die heimliche Krankheit: Eine Geschichte des Suchtbegriffs.* – Stuttgart, 2000.

**Повседневная жизнь народа
в годы Великой Отечественной войны.
Некоторые аспекты современной российской историографии**

В статье анализируются основные направления и тенденции в развитии современной российской историографии повседневной жизни народа в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы теории и методологии, понятийный аппарат, особенности подходов исследователей к данной теме, их вклад, оценки и выводы.

Article analyzes the main directions and tendencies in the development of modern Russian historiography of the everyday life of people during the Great Patriotic War. Author examines the issues of theory and methodology, the conceptual apparatus, approaches of researchers to the topic, their contribution, assessment and conclusions.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, социальная политика, повседневность, повседневная жизнь, массовое сознание, общие, социальные, ситуационные факторы, поведение.

Key words: the Great Patriotic War, historiography, social policy, the everyday, everyday life, mass consciousness, general, social, situational factors, behavior.

Изучение повседневной жизни народа в экстремальных условиях военного времени в результате общественно-политических перемен в стране, переосмысления теорий социального развития и идеологических приоритетов, происходящих в общественном сознании начиная с 90-х гг. XX в., стало одной из наиболее активно изучаемых проблем в современной российской историографии. Появление новых концептуальных подходов и направлений, изменение содержания и источниковой базы, ее расширение в результате рассекречивания и публикации архивных документов по истории Великой Отечественной войны создали новые возможности для исследования истории повседневности, «человеческого измерения» войны.

В России понятие повседневности в исторических исследованиях появилось с середины 1980-х гг. Вклад в разработку теории предмета, структуры и содержания понятия «повседневность» и методов ее изучения внесли многие ученые страны [59, с. 13; 55, с. 79–98, 270–276, 281–282; 31, с. 5–25; 37, с. 18; 85, с. 75–78; 72,

с. 26], среди которых глубиной, четкостью понятийного аппарата и широтой охвата проблем выделяются труды известного историка Н.Л. Пушкаревой [83, с. 4–5; 82, с. 49–63; 78; 80; 81, с. 1–5; 79; 77]. Тем не менее, понятие «повседневность», «повседневная жизнь» трактуется очень широко, порой включает в себя все, что происходит в жизни людей. В настоящее время, «несмотря на активные дискуссии о повседневной истории, исследователи не пришли к общему мнению, что понимать под термином. Однако, – пишет Н.Л. Пушкарева, – ... современные ученые России продолжают использовать "повседневность" как понятие с устойчивым и всем понятным содержанием» [77, с. 11].

Вслед за одним из основоположников исследования повседневной жизни, немецким историком А. Людке, в задачу исследования «повседневности» российские ученые включают «сферу человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах» [76, с. 1]. Сюда входят условия жизни, труда и отдыха, быта, условия проживания, питание, способы лечения и социальной адаптации, другие факторы, влияющие на сознание, нормы поведения и эмоциональные реакции на события людей разных социальных слоев и регионов страны.

Несмотря на то что советская историография не употребляла понятия «история повседневности» и задач ее изучения специально не ставила, отдельные аспекты проблемы нашли освещение в трудах историков этого периода. Общие изменения уровня жизни населения, его материально-бытовое положение находили отражение в работах об экономике и обобщающих коллективных трудах по истории Великой Отечественной войны. Вопросы продовольственного снабжения, материально-бытового положения освещались в работах по истории рабочего класса и крестьянства военной поры. Характеризуя трудовой подвиг рабочих и крестьян, их общественно-политическую активность, исследователи анализировали также влияние войны на их положение, численность, состав, воспроизводство, организацию снабжения населения, его материально-бытовое положение [5; 36; 67; 68; 94].

В наибольшей степени многие аспекты повседневной жизни населения нашли отражение в работах, касающихся социальной политики периода Великой Отечественной войны. Большой вклад в изучение различных аспектов социальной политики советского государства внесли такие ученые, как: Г.А. Дихтяр, М.К. Кузьмин, Н.И. Кондакова, В.Е. Комаров, А.В. Любимов, А.Н. Малафеев, А.М. Синицын, С.А. Черник, У.Г. Чернявский, И.П. Труфанов и др. [2, с. 40–52; 25; 33; 47; 48, с. 213–222; 53; 54, с. 98–102; 61; 64; 98, с. 20–29; 97; 106; 109; 108, с. 9–15; 110; 10, с. 32–44; 75]. Наряду с

вопросами материально-бытового обеспечения и снабжения населения в их трудах показана деятельность социальных и медицинских учреждений, значительное внимание уделено предупреждению детской беспризорности и безнадзорности, организации и деятельности детских и образовательных учреждений и др.

Опыт исследования социальной политики обобщен историографами, которые показали, что к 90-м гг. XX в. советские историки выявили и ввели в научный оборот, проанализировали значительное количество источников, использовали богатый фактический материал и раскрыли важнейшие направления социальной политики, создали обобщающие и специальные исследования [26, с. 373–378; 35, с. 104–110].

Характерная особенность этого периода – многие работы носили историко-партийный характер, а принципиальную оценку событий военного времени историки давали в рамках официальной концепции войны. Усилия исследователей были направлены на освещение деятельности партии, комсомольских и профсоюзных организаций, общественности и трудовых коллективов по реализации конкретных направлений социальной политики, патриотических начинаний социальной значимости. Внимание акцентировалось на преодолении трудностей и достигнутых позитивных результатах. Недостатки, противоречия, издержки и негативные последствия, их восприятие и влияние на мотивацию поступков и поведение людей раскрывались в виде исключения или замалчивались.

В работах 90-х гг. прошлого века [3; 23; 32; 34; 45; 46; 49; 50; 71; 74] исследование реализации основных направлений социальной политики было продолжено. На этом этапе расширяется и частично изменяется формулировка изучаемых тем и направлений социальной политики, усиливается ее направленность на человека, наблюдается тенденция к деидеологизации, отход от историко-партийной тематики. Одновременно обогащается источниковая база, постепенно начинают применяться разнообразные методы исследования. «В то же время немало исследователей следует устоявшимся подходам в освещении, вводя в оборот новые данные» [52], – отмечают историографы проблемы. В большей степени стали раскрываться недостатки социальной политики, негативные стороны повседневной жизни людей военной поры.

Расширение гласности и ослабление партийного контроля позволили заняться исследованием малоизученных и совсем не раскрытых проблем, критически переосмыслить традиционные взгляды. В то же время до середины 90-х гг. в погоне за сенсационностью авторы отдельных публикаций научную историю войны, как справедливо заметил М.В. Шиловский, заполняли «не научными

исследованиями, а псевдо публицистическими опусами» [111, с. 371].

Постепенно страсти и погоня за сенсационностью, политизированные подходы стали преодолеваются. «Достоинно выйдя из политических сенсационных дебатов конца 80 – начала 90-х гг., она (историография – Н.К.) снова отдала предпочтение его величеству "факту", его объективности и конкретности, – отмечает Г.В. Серебрянская. – Работа продолжается» [95, с. 10].

Историки начинают применять новые концептуальные и методологические подходы к изучению исторических процессов и явлений. На рубеже столетий появляются исследования междисциплинарного характера, выполненные на стыке с социальной и исторической психологией, исторической антропологией, этнологией и другими науками. Это способствует преодолению схематизма и однообразия, изучению всех сторон повседневной жизни, включая те, которые ранее не изучались или лишь попутно затрагивались. Повседневная жизнь, жизненные проблемы простых людей в чрезвычайных условиях военного времени раскрываются во взаимосвязи с массовым сознанием, их душевными переживаниями, тревогами и надеждами, мотивами поведения и формами социального реагирования.

Прежде всего следует выделить работы, которые не являются исследованиями по истории повседневности, однако содержат обширный материал о повседневных жизненных проблемах людей, социальной политике государства в период Великой Отечественной войны, раскрывают различные аспекты жизни и деятельности народа.

В ряду этих работ заметно выделяется монография известного исследователя В.Т. Анискова, который, раскрывая вопросы аграрной истории военного времени, большое внимание уделил повседневной жизни колхозников [4]. В фундаментальном труде историка, впервые в отечественной историографии военной деревни нетрадиционно раскрыты повседневная жизнь и быт крестьян, общественно-политическая жизнь на селе, социальное единение города и деревни, самодеятельная помощь колхозников фронту. Маститый ученый одним из первых отошел от традиционных подходов и оценок, роли и места деревни в военной экономике и осветил широкий круг вопросов жизни, труда и борьбы крестьян, социально-психологические и исторические аспекты их духовной стойкости, общественное и личное в повседневной жизни, физическую и духовную жизнь крестьянства в целом. Он одним из первых поставил вопрос о значении российской ментальности, бытовой религиозности в годы войны, истоках жертвенности крестьян, которая являлась одной из определяющих черт их повседневной жизни, дуализме их сознания и поведения. «Даже в самые тяжелые годы войны он с достоинством читил, – отмечает исследователь, – первомайские

праздники, годовщины Октябрьской революции и больше прежнего отдавал дань уважения, казалось, подзабытым было религиозным дням и символам» [4, с. 470]. Массовый патриотизм российского народа повседневно беззаветно проявлялся «в его самых массовых провинциальных носителях», а его питательными истоками, по мнению исследователя, было «не противопоставление советскому былому российскому..., а их нераздельно единое, межнационально гордое и уже привычно интернациональное помогло тогда сначала выстоять, переломить смертельный ход событий, затем добиться Великой Победы» [4, с. 24–25].

Г.В. Серебрянская исследовала промышленность и кадры Волго-Вятского региона предвоенного и военного периодов истории страны [96]. Однако значительная часть содержания работы (с. 248–370) касалась проблем повседневности – от характеристики эвакуационных процессов, анализа изменения, численности и состава персонала промышленности, источников и форм его пополнения и условий подготовки, до раскрытия трудового героизма и творческой инициативы работников промышленности, продовольственного обеспечения, решения материально-бытовых и жилищных проблем. На обширной источниковой базе, значительную часть которой составляют ранее засекреченные архивные фонды, охарактеризовано состояние здравоохранения на предприятиях, организация лечения и отдыха, забота о защитниках Родины и их семьях, эвакуированном населении и детях сиротах. Автор не только показала суровость и тяжесть повседневной жизни, но и раскрыла духовный мир, общественную и культурную жизнь работников индустрии в дни войны.

Нижегородский историк В.А. Сомов, изучающий общественное сознание и мотивационные факторы поведения рабочих и колхозников Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны, рассматривает их в связи с повседневной жизнью, освещению которой также уделяет внимание в своих работах [103; 101; 102, с. 913–979; 104 с. 210–218; 100, с. 60–66]. В центре внимания историка морально-психологические аспекты повседневной жизни, восприятие и влияние на поведение законодательства и политического контроля, информационно-идеологические аспекты формирования мотивации трудовой деятельности, влияние на нее фактора внешней угрозы, слухов, писем с фронта, образа И.В. Сталина и др.

Исследованиям Г.В. Серебрянской по направленности и содержанию близки труды, раскрывающие региональные аспекты проблемы. В монографии В.А. Исупова [38] и кандидатской диссертации Р.Е. Романова [84] в тесной взаимосвязи с экономическим развитием региона изучены социально-демографические про-

цессы в городах Западной Сибири, изменения в численности и составе рабочей молодежи. В двух главах диссертации Р.Е. Романова рассматриваются проблемы социализации молодежи в процессе производства, ее производственного обучения и трудовой деятельности, этики труда и дисциплины молодых рабочих, их материально-бытового положения, политического и культурного воспитания.

Появились первые специальные исследования повседневной жизни народа, рассматривающие различные аспекты проблемы: территориальные, производственно-профессиональные, административно-правовые, половозрастные и др. [7; 8; 29, с. 488–522; 30, с. 488–540; 65, с. 29–32].

В их числе следует отметить исследования уральской школы историков, которые изучают различные аспекты повседневной жизни и массового сознания как населения индустриальных центров в целом, так и разных социальных групп: работников промышленных предприятий, иждивенцев, эвакуированных, семей военнослужащих [20; 58; 60; 63; 66; 70; 73; 105]. Большое внимание в связи с особой ролью региона в годы испытаний исследователи уделяют трудомобилизованным и спецпереселенцам, спецконтингенту НКВД и военнопленным. В трудах историков прослеживается динамика их численности и состава, раскрываются материально-бытовое положение, правовой статус и устройство быта, режим и условия повседневной жизнедеятельности, роль в народном хозяйстве.

М.В. Гонцова подчеркнула отсутствие в настоящее время единой концептуальной основы в понимании повседневности российскими историками и предприняла попытку классификации тенденций в изучении ее истории. Она пришла к выводу, что наряду с обстоятельствами военного времени в наибольшей мере на повседневность населения влияли механизмы военной экономики и социальная политика государства. В то же время «принадлежность к определенной категории населения была одним из основных факторов, оказывавших влияние на формирование поведенческих реакций, восприятие условий военной повседневности, – подчеркивает исследовательница. – Тем не менее, вырабатывались и общие стратегии выживания, ...вне зависимости от социального статуса» [20, с. 19, 28–29].

Необходимо отметить и новые труды о повседневных условиях жизнедеятельности женщин и детей в военное время. Российские историки после небольшой паузы 90-х гг. стали уделять этому направлению исследований больше внимания. В отличие от предыдущего этапа отечественной историографии здесь преобладает региональная тематика [1; 6; 19; 21; 27; 39; 51; 62; 86; 99].

Глубиной и широтой охвата, сюжетными линиями и концептуальными подходами, оригинальными авторскими обобщениями и

размышлениями среди них выделяются исследования Е.Ю. Волковой, за небольшим исключением выполненные на общероссийском материале [18, с. 42–45; 11; 12; 13, с. 77–80; 14; 15; 17]. В результате анализа неопубликованных и опубликованных источников исследовательница представила широкую палитру повседневной жизни женщин России в период испытаний, раскрыла различные аспекты повседневной жизни и деятельности: трудовой процесс, его истоки и мотивы, реализацию управленческого потенциала, помощь фронту и мобилизацию духовных ресурсов на борьбу с захватчиками. Не обошла Е.Ю. Волкова вниманием и условия труда и жизни женщин в военный период. Особое внимание уделено роли женщин в сохранении семьи и высокой нравственности подрастающего поколения. Внимание акцентировано, как подчеркивает сама автор, не просто на «фактологическом освещении», а на выявлении «глубинных причин их героических усилий, их беззаветного героизма, беспристрастный анализ цепи явлений, определявших повседневность, их трудовой героизм и патриотизм» в условиях «хронического недосыпания, недоедания, усталости физической и психологической» [14, с. 7, 345].

В ряде работ Е.Ю. Волковой заметно выделяется монография о детях военной поры [16]. На основе опроса и уникальных воспоминаний более ста ветеранов, которые в детском возрасте пережили Великую Отечественную войну и были собраны автором в течение 30 лет, всесторонне показана повседневная жизнь детей в советском тылу и на оккупированной территории, в блокадном Ленинграде и фашистских концлагерях. Дети быстро выросли, делили наравне со взрослыми испытания того сурового времени. Автор раскрыла разнообразные формы их помощи взрослым в целях выживания и приближения Победы. Воспоминания позволили очень правдоподобно и трогательно охарактеризовать все важнейшие проблемы военной повседневной жизни детей. В центре внимания историка вопросы питания («самой вкусной едой был, конечно, хлеб») и одежды («очень хотелось принарядиться»), труда («в нас видели дополнительную рабочую силу») и досуга («несмотря на усталость, очень хотелось порезвиться», «бросаем в костер патроны и ждем, когда «бабахнет»), учебы («в школу ходили с удовольствием») и духовного мира («слова песен надо было знать назубок»), здоровья («болели на удивление мало») и гигиены («мылись в щелоке – настое древесной золы»), воспитания («дети воспитывались сами», «бабушка надавала подзатыльников», «выжили за счет мамы»), мысли и мечты детей и подростков («мечтала наесться и обуть ноги», «очень хотелось жить, не замерзнуть, не умереть с голоду»).

В результате проведенного анализа автор справедливо приходит к выводу о том, что «в поведении самих детей выразилось величие народа» [16, с. 6, 155]. В целом исследования Е.Ю. Волковой внесли существенный вклад в изучение повседневной жизни женщин в годы войны, дали обобщающий портрет Женщины, Матери, Патриотки, Труженицы военной поры.

Внимание исследователей стала привлекать повседневная жизнь гражданского населения не только блокадного Ленинграда и осажденной Москвы [9; 22; 24; 28; 57; 112], но и других прифронтовых районов и на территории крупнейших сражений.

В монографии волгоградского историка Т.А. Павловой [69] впервые представлена развернутая картина условий жизни, настроений и поведения населения на разных этапах Сталинградского сражения: накануне битвы, в условиях военного и осадного положения, в период немецко-фашистской оккупации, во время советской блокады города. Дана характеристика повседневной жизни и деятельности рабочих Сталинграда, которые защищали свой город с оружием в руках, в условиях бомбежек и артобстрелов выпускали оборонную продукцию и производили ремонт боевой техники, охраняли свои предприятия и поддерживали порядок в городе. Уделено также внимание повседневным проблемам сельского населения, нетрудоспособных и не занятых в обороне города стариков, больных, раненых, беременных женщин, женщин с малолетними детьми, детей-сирот. На основе рассекреченных архивных документов показано, что на оккупированной территории Сталинграда и области получил определенное распространение коллаборационизм, однако «осознанно и добровольно захватчиков поддерживала крайне незначительная часть населения» [69, с. 547]. Автор отмечает, что несмотря на жесткое регулирование поведения населения трудовым и уголовным законодательством, наличие государственного принуждения и факты недовольства плохим снабжением и тяжелые условия жизни, «УНКВД не выявило фактов массового протеста жителей Сталинграда и области». Историк показывает, что большая часть населения региона сознательно мирилась с недостатком продуктов питания и промышленных товаров, дополнительным бесплатным трудом, необходимостью подписываться на государственные займы и другими, далеко не привлекательными, но необходимыми повседневными явлениями жизни в осажденном городе. «Мирилась, потому что понимала, – сделан вывод, – что над страной нависла смертельная угроза, и эту угрозу необходимо ликвидировать любой ценой» [69, с. 548].

Заслуживает внимания изучение повседневной жизни населения на оккупированной территории. В трудах предшествующего периода отдельные аспекты проблемы являлись составной частью

работ, исследующих движение сопротивления советских людей захватчикам, оккупационный режим и его последствия, нестигаемое идейное противоборство на временно захваченных врагом территориях.

В новейшей российской историографии эта сложная и противоречивая тема остается пока малоисследованной. Отдельные аспекты повседневной жизни жителей оккупированной Калуги в период войны и оккупации нашли отражение в книге, написанной по дневниковым записям калужского врача М.В. Устрялова [107] о защите и освобождении города, боях и бомбежках, отношениях между обывателями и оккупантами.

Повседневная жизнь советских граждан, депортированных в Германию, стала предметом исследования в монографии В.И. Ковалева [44]. Автор показал такие стороны повседневной жизни оstarбайтеров, как голод и нужда, непосильный труд и унижение, физические и нравственные страдания, раздумья и ощущения, ежедневное существование на краю гибели и выживания, сделал анализ их положения в советском, российском и немецком обществе.

Обращает на себя внимание одна из первых попыток проанализировать повседневную жизнь людей, боровшихся с оккупационным режимом в составе вооруженных партизанских формирований [56]. Автором были выявлены особенности формирования партизанских отрядов в Брянской области, влияние борьбы с захватчиками на условия повседневной жизни партизан, ее региональные и ментальные особенности, бытовые условия и эволюция повседневной жизни. В работе подчеркнута, что проблема повседневной жизни партизан в отечественной науке не получила достаточного освещения, а создание новаторских трудов о повседневной жизни участников сопротивления требует изучения и осмысления многих факторов и региональных особенностей. «На партизанском движении каждого региона, – справедливо утверждает автор, – сказывались обстоятельства, связанные со своеобразием его исторического развития, социально-этническим составом, с уровнем экономики, с природными условиями, с положением в годы войны, с количеством, оказавшегося в оккупации населения и регулярных войск, с близостью или удаленностью от советского тыла и другими факторами» [56].

Особую роль в разработке теоретико-методологических проблем военной повседневности сыграли историко-психологические труды Е.С. Сенявской [87, с. 197–211; 88, с. 131–138; 89; 90, с. 210–222, 228–229; 91; 92; 93]. На основе редких архивных документов и материалов устной истории, историко-социологических и историко-психологических обследований, осуществленных на основе разра-

ботанных исследовательницей авторских методик, в них дан всесторонний анализ самоощущения человека на войне, факторы, влиявшие на его поведение в экстремальных условиях, особенности фронтового быта, бытовая религиозность и другие аспекты фронтовой повседневности.

В интересующем нас плане заслуживает внимания авторская трактовка «фронтового быта или уклада повседневной жизни». Основными его составляющими в боевой обстановке являются «боевое снабжение и техническое обеспечение войск, жилье, бытовое снабжение (продуктами питания и обмундирование), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом». Автор подчеркивает, что война и солдатская служба не только опасный, но и тяжелый изнурительный труд на грани человеческих возможностей, оказывающий воздействие на физические силы и психику человека. К ним также относятся «служебные обязанности (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий и т. д.), а также часы отдыха и досуга, в том числе и организованного, то есть все то, что составляет распорядок дня» [91, с. 74–75].

Выявлены также общие, социальные и ситуационные факторы, определявшие повседневность участников боевых действий. «К первым относятся тип и масштаб войны (мировая или локальная), ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет также и театр военных действий с точки зрения климатических условий и времени года. При этом на первое место по значению для нормальных бытовых условий и боеспособности войск могут выступать либо обеспеченность соответствующим климату обмундированием (в суровых зимних условиях), либо снабжение водой и соблюдение санитарно-гигиенических норм (в жарком климате и горно-пустынной местности), и т. п., – подчеркивает автор. – К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности (в том числе к "элитным" или "обычным" частям), а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов – ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края (передовые позиции, ближние и дальние тылы и т. п.» [91, с. 76].

Исследования Е.С. Сенявской внесли существенный вклад в научное исследование военной повседневности, ее сущности, роли и значения. Их значение определяется не только постановкой и решением конкретных задач и вопросов, но и разработкой исследовательского инструментария – нетрадиционных оригинальных методик

исследования и концептуальных подходов, наличием четко продуманного понятийного аппарата, глубокими и оригинальными выводами и обобщениями.

Одной из первых комплексных работ о повседневной жизни населения на оккупированной территории России стал труд новгородского историка Б.Н. Ковалева [40], которая продолжила его предшествующие исследования по проблемам нацистского оккупационного режима и коллаборационизма в России в 1941–1944 гг. [41; 42; 43, с. 15–21].

В новом фундаментальном труде на основе богатого и уникального материала и документов, выявленных в фондах 24 различных архивохранилищ страны, проанализирована повседневная жизнь людей на всей оккупированной территории РСФСР в границах того времени. В книге показаны истоки мужества и героизма населения, оказавшегося в тылу врага, рассказано о тех, кто внес вклад в достижение Победы в рядах советского антифашистского сопротивления, а также дан анализ причин и форм коллаборационизма, мотивов гражданского выбора тех, «кто уничтожал своих сограждан в отрядах карателей или содействовал оккупационному режиму».

Освещено также сотрудничество соотечественников с оккупантами в военной и экономической, административной и идеологической, духовной и интеллектуальной, половой и других сферах. Характеризуя жестокую и циничную политику нацистов в различных сферах жизни на оккупированной территории, в частности в области национальных отношений, автор пишет: «Нацисты стремились посеять раздор между представителями различных наций. Это делалось, с одной стороны, для ослабления сопротивления захватчикам, а с другой стороны, с целью физического уничтожения части местного населения. Все это, по замыслу фашистов, должно было способствовать освобождению жизненного пространства "Великой Германии" от нежелательного элемента» [40, с. 259].

Центральное место в книге уделено миллионам людей, которые никого не предавали, а повседневно выживали в экстремальных условиях оккупационного режима. Автор считает, что «повседневную жизнь в условиях оккупации было бы точнее назвать "выживание"». Он раскрывает широкую панораму реальной повседневности, мотивы поступков и поведения мужчин и женщин, стариков и детей в атмосфере изощенной нацистской пропаганды и изоляции от всей страны, в трагической обстановке голода и нищеты, ужаса и смерти, страха, жестокости и полного бесправия, унижения, физического и духовно-нравственного насилия. Постоянные страдания вызывали повседневные трудноразрешимые вопросы: как сохранить и чем накормить, обути, одеть и обогреть детей, как выжить самим и многие

другие вопросы повседневной жизни, порожденные войной и «немецким новым порядком».

В заключение Б.Н. Ковалев приходит к обоснованному выводу, с которым невозможно не согласиться. «Победа над Гитлеровской Германией была одержана не только на фронте и не только в советском тылу, – пишет он. – Ее одержали и те, кто долгие месяцы оккупации не потерял себя, не пошел на сотрудничество с врагом, не побоялся угроз и смерти, не поддался на все посулы и обещания, столь щедро раздававшиеся нацистскими пропагандистами» [40, с. 589].

Анализ литературы по исследованию повседневной жизни людей в экстремальных условиях военного времени показывает, что проблематика все чаще и больше привлекает внимание исследователей. Расширяется источниковая база проблемы и круг авторов, интересующихся разными аспектами повседневной жизни и факторами, определявшими ее, взаимосвязи с массовым сознанием. Продолжаются интересные и неоднозначные поиски в области методологии и методики новых подходов и теоретических моделей изучения проблем повседневности, постепенно меняется проблематика работ.

В то же время, несмотря на то что литература о повседневной жизни в годы войны многочисленна и многоаспектна, решение проблемы далеко от завершения и требует продолжения исследований. Историографический анализ свидетельствует о методологическом плюрализме как в современной историографии направления в целом, так и в концептуальных основах отдельных исследований. В большинстве трудов наблюдается тенденция совмещения исследовательских перспектив в одной работе, что позволяет раскрыть повседневную жизнь людей и выявить мотивы повседневного поведения, направленность и особенности массового сознания на разных этапах войны и в разных экстремальных ситуациях. В то же время появляются труды, выполненные на основе устоявшихся в предшествующий период традиционных подходов. В отдельных работах проблемы повседневной жизни ограничиваются бытовой сферой, подменяются бытописанием. Также в дальнейшей разработке и уточнении нуждается и понятийный аппарат проблематики.

Преобладающей тенденцией является регионализация исследований повседневной жизни, которая в значительной мере предопределена объективными условиями и субъективными обстоятельствами. Такой подход позволяет глубже, всестороннее раскрыть содержание, выявить территориальные и социальные особенности, специфику повседневности. Активно работают в этом направлении историки Урала, Поволжья, Москвы, Санкт-Петербурга и др. В то же время отсутствуют работы по ряду регионов, имевших

существенные этнические, ментальные и конфессиональные особенности, отличавшиеся социальными и ситуационными факторами. Историки изучают повседневную жизнь различных социальных групп населения, однако степень их охвата и глубина освещения неравномерны, а отдельные до сих пор не стали предметом внимания исследователей. Практически нет и фундаментальных комплексных исследований, содержащих сравнительный материал и анализ повседневной жизни, влияние на нее общих, социальных и ситуационных факторов, населения страны в целом.

Научное исследование проблемы должно быть продолжено.

Список литературы

1. Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Таганрог, 2007.
2. Айрапетов В.Г., Панфилов С.П. Материально-бытовое положение трудящихся черной металлургии Урала (июнь 1941–1945) // Из истории соц. строительства на Урале. Вып. 4. – Свердловск, 1976.
3. Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. – Вологда-Ярославль, 1998.
4. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. – М., 2003.
5. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1963;
6. Базаранкцаева Е.В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: на материалах Бурят-Монгольской АССР: дис. ... канд. ист. наук. – Удан-Удэ, 2005.
7. Башкирцев Д.Ю. Повседневная жизнь и деятельность советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (По материалам железных дорог Центра и Юга России): дис. канд. ист. наук. – Курск, 2004.
8. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: ист.-правовое исслед. – М., 2008.
9. Битва за Ленинград в судьбах жителей города и области: Воспоминания защитников и жителей города и оккупированных территорий / сост. А.В. Виноградов, А. Плейжер. – СПб., 2005.
10. Большаков А.В. Жилищно-бытовые условия рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). – Свердловск, 1981.
11. Волкова Е.Ю. Без них мы не победили бы. – Кострома, 2000.
12. Волкова Е.Ю. В тылу ковался меч Победы: Женщины России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Кострома, 2005.
13. Волкова Е.Ю. Где стою, там и фронт: Труд и быт в военное время / Губернский дом: ист.-краеведческий, науч.-популярный журн. – 2005. – № 3–4. – С. 77–80.
14. Волкова Е.Ю. Женщины тыловых регионов России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис... д-ра ист. наук. – СПб., 2008.

15. Волкова Е.Ю. Живые стены нашей крепости: героический труд и общественно-политическая активность женщин Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. – Ярославль; Кострома, 2002.
16. Волкова Е.Ю. Маленькие участники большой войны. Дети в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. – Кострома, 2010.
17. Волкова Е.Ю. Победа одна на всех: роль женщин России в создании прочного тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Ярославль, Кострома, 2006.
18. Волкова Е.Ю. Условия труда женщины в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – 2004. – № 6.
19. Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2011.
20. Гонцова М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011.
21. Гордина И.В. Женщины Бурятии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005.
22. Горинов М.М. Москва. Война. Победа. 1941–1945. – М., 2008.
23. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). – Екатеринбург, 1991.
24. Дзенискевич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда 1941–1944. – СПб., 1998.
25. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. – М., 1965
26. Есип И.М. Вопросы социальной защиты материнства и детства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в советской и современной украинской историографии // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы междунар. науч. конф. (28–29 апр. 2010 г., Ростов н/Д – Таганрог). – Ростов н/Д., 2010.
27. Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда 1941–1944: сб. ст. – СПб., 2006.
28. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: сб. ст. – СПб., 2001.
29. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Влияние войны на население в советском тылу // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 2010.
30. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Будни городского населения военного времени // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 2010.
31. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М., 2000.
32. Загвоздкин Г.Г. Цена победы: социальная политика военных лет (1941–1945). – Киров, 1990.
33. Зенкова Л.В. Деятельность Коммунистической партии по охране и воспитанию детей в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийных организаций Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985.
34. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. – М., 1994. Вып. 1–2.
35. Зинич М.С. Изучение социальной политики Коммунистической партии, Советского государства периода Великой Отечественной войны // Вопр. истории. – 1987. – № 7.

36. Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса 1941–1945 гг. По материалам промышленности и машиностроения. – М., 1982.
37. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. – М., 1999.
38. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). – Новосибирск, 2008.
39. Карамышева Н.Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.
40. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М., 2011.
41. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. – Великий Новгород, 2009.
42. Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941 – 1944 гг.). – Великий Новгород, 2001.
43. Ковалев Б.Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // История гос-ва и права. – М., 2010. № 5.
44. Ковалев В.И. Повседневная жизнь советских граждан, угнанных в фашистскую Германию: взгляд через десятилетия. – М., 2011.
45. Кожурин В.С. Неизвестная война: Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М., 1990.
46. Кожурин В.С. Социальная политика советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1991.
47. Комаров В.Е., Чернявский У.Г. Доходы и потребление населения СССР. – М., 1973.
48. Кондакова Н.И. Восстановление системы народного образования в освобожденных районах РСФСР // Сов. культура в годы Великой Отечественной войны. – М., 1976.
49. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Свердловск, 1990.
50. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. – Екатеринбург, 1993.
51. Котов С.Д. Детские дома блокадного Ленинграда. – СПб., 2005.
52. Кринко Е.Ф., Есин И.М., Юрчук И.В. Социальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны: советская, российская и украинская историография // http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Nsid/2011_20/c02.
53. Кузьмин М.К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). – М., 1979.
54. Куманев В.А. Советская школа в годы великих испытаний // Народное образование. – 1965. – № 5.
55. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999.
56. Литвинова О.Н. Культура повседневной жизни партизан Брянского края в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2008.
57. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. – СПб.; М., 2002.
58. Лончинская Л.Я. Массовое сознание населения уральских областей в годы Великой Отечественной войны: Исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2005.

59. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. – СПб., 1994.
60. Любецкий А.Е. Партийная государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2005.
61. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.
62. Магаева С.В. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. – М., 2001.
63. Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х-начале 50-гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1998.
64. Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963). – Л., 1964.
65. Мезит Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестн. МГОУ. История и полит. науки. – 2010. – № 2.
66. Мельникова Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007.
67. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1971.
68. Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. – М., 1962.
69. Павлова Т.В. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. – Волгоград, 2005.
70. Пажит Ю.Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005.
71. Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995.
72. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отеч. история. – 2000. – № 3.
73. Потемкина М.Н. Эвакуационно-резэвакуационные процессы и эвакуационное население на Урале в 1941–1948: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2004.
74. Похилюк А.В. Деятельность государственных и военных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов северо-запада СССР в период Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1999;
75. Приходько Е.В. Всенародная забота о раненых советских воинах и семьях защитников Родины в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1981.
76. Пушкарева Л.Н. Предмет и методы изучения истории повседневности. URL: <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1/pushkareva/>
77. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL: http://www.Perspektivy.info/history/historija_povsednevnosti_kak_napravleniye_istoric...
78. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Соц. история. Ежегодник. – М., 2003.
79. Пушкарева Н.Л. История повседневности: теория и методы // Соц. история. Ежегодник. – М., 2007.

80. Пушкарёва Н.Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Соц. история. Ежегодник. – М., 2005;
81. Пушкарёва Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности. URL: <http://www/tambovdem/ru/theses.php?id=gender1/pushkareva/>
82. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь и повседневность глазами историка // Шмидт С.О.(ред.) Города европейской России конца XV – первой половины XIX в. Ч. 1. – Тверь, 2002;
83. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь и проблема повседневности // Демоскоп weekly. – 2002. – № 57/58.
84. Романов Р.Е. Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009.
85. Российская повседневность 1921–1941. Новые подходы. – СПб., 1995.
86. Селиванов В.Н. Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. – СПб., 2002.
87. Сенявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. – М., 2010. Т.3. Победа. (в соавт. с А.С. Сенявским).
88. Сенявская Е.С. Повседневность российской армии в войнах XX века: понятие, структура и психология фронтового быта // Человек в рос. повседневности: сб. ст. – М., 2001.
89. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.
90. Сенявская Е.С. Психология боя и фронтового быта // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. – М., 2002.
91. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М., 1999.
92. Сенявская Е.С. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. – М., 1995.
93. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. – М., 1997.
94. Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938–1965). – М., 1971.
95. Серебрянская Г.В. Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Н. Новгород, 1997.
96. Серебрянская Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века: моногр. – Н. Новгород, 2003.
97. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. – М., 1975.
98. Синицын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории. – 1969. – № 6.
99. Скрябина Е.О. Проблемы материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941–1944 года. (Историко-медицинский аспект): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008.
100. Сомов В.А. «Вера в жизнеспособность социалистического строя получила ушиб...»: местная власть и социально-бытовые проблемы населения в годы Великой Отечественной войны (по матер. Горьк. обл.) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2008. – № 1.
101. Сомов В.А. Внеэкономические факторы мотивации трудового поведения рабочих и колхозников Волго-Вятского региона Российской Федерации в

годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... д-ра ист. наук. – Н. Новгород, 2009.

102. Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть: Российская провинция. Июнь 1941–1953 г. – М., 2005. – Т. 3.

103. Сомов В.А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): моногр. – Н. Новгород, 2008.

104. Сомов В.А. Состояние мест заключения в Горьковской области в 1941–45 гг. // Российский город и регион: социальные и гуманитарные аспекты развития: материалы науч.-практ. конф. посв. 75-летию г. Дзержинска и 30-летию каф. общ. наук Дзержинск. политех. ин-та, 20 мая 2005 г. – Н. Новгород, 2005.

105. Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале 1942–1956 гг. – Екатеринбург, 2006.

106. Труфанов И.П. Проблемы быта городского населения СССР. – Л., 1973.

107. Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы Великой Отечественной войны. – Калуга, 2010.

108. Черник С.А. Борьба за жизнь и здоровье детей в годы Великой Отечественной войны // Сов. педагогика. – 1979. – № 5.

109. Черник С.А. Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. – М., 1975.

110. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну. – М., 1964.

111. Шиловский М.В. Воздействие Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на развитие СССР // 50 лет победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне: материалы науч. конф. – Новосибирск, 1995.

112. Шимкевич В.Н. Судьба московского ополченца. Фронт, оружие, плен. 1941–1945. – М., 2009.

УДК 94(47).084.8:355.462.7

И. И. Хеорхе

Деятельность командования по укреплению морального духа подводников Северного флота в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается деятельность командования Северного флота по укреплению морального духа личного состава бригады подводных лодок Северного флота, в ходе Великой Отечественной войны. Характеризуются структура и основные этапы воспитательной работы, проводимой с краснофлотцами и командирами (офицерами) на бригаде подводных лодок.

The activity by command of Northern navy on strengthening of moral spirit of staff of the Brigade of submarines of Northern navy at the Great Patriotic War is considered in the article. The structure and the basic stages of the educational work spent with sailors and commanders (officers) on the Brigade of submarines are characterized in the article, too.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный флот, воспитательная работа, моральный дух, личный состав, бригада подводных лодок Северного флота.

Key words: The Great Patriotic War, Northern navy, educational work, moral spirit, staff, the Brigade of submarines of Northern navy.

Сегодня все более очевидным становится решающая роль морального, духовного фактора в достижении необходимого уровня боевой готовности войск, укреплении воинской дисциплины и правопорядка, повышения качества боевой учебы и службы. В сложившихся условиях государственная стратегия России должна постоянно опираться на историческое и духовное наследие своего народа. Поэтому закономерно усиление внимания к работе командования по укреплению морального духа личного состава в вооруженных силах, взятом, в том числе и в историческом аспекте.

Большое количество авторов как советских, так и современных российских работ занимались изучением роли морального фактора в войне. К советскому периоду относятся исследования М.П. Субботина [11], С. Ильина [4], Д.А. Волкогонова [1; 2]. На современном же этапе наибольший интерес представляют монографии В.Ф. Зима [3], Е.С. Сенявской [10], И.Д. Ковальченко [6],

И.М. Капитанец [5], В.О. Левашко [9]. Большой вклад в разработку понятия духовных сил народа, роли морального фактора на войне внес профессор, доктор исторических наук Н.Д. Козлов [7; 8]. Однако в данных работах отдельно не рассматривался вопрос о методах командования Северного флота (СФ) по укреплению морального духа личного состава отдельных частей и соединений СФ накануне и в период Великой Отечественной войны.

Обеспечение высокого морального духа советских моряков осуществлялось на бригаде подводных лодок Северного флота (БПЛ СФ) посредством активной воспитательной (партийно-политической) работы, которая оставалась на протяжении всей Великой Отечественной войны основным каналом мобилизации краснофлотцев-подводников на самоотверженную службу Родине и успешное ведение боевых действий. Конечно, помимо воспитательной работы к факторам, влияющим тем или иным образом на боевой дух подводников, можно отнести межличностные отношения сослуживцев, авторитет командира подводной лодки (ПЛ) и офицерского (командирского), старшинского состава, общение с родными и близкими посредством полевой почты или при нахождении в отпуске, сообщения об успехах или неудачах РККА и РККФ на различных участках фронта. Однако все данные факторы тесно переплетались между собой. Так, примеры героического поведения командира подлодки в экстремальных условиях боевых действий не оставались достоянием только личного состава подводной лодки, но активно использовались в рамках устной или печатной пропаганды всей БПЛ или СФ, а в некоторых случаях и всего Красного флота или Красной армии. Кроме того, необходимо отметить, что если воспитательная работа всегда была направлена на достижение позитивного результата, т. е. укрепление морального духа личного состава (она, собственно, для этого и осуществлялась), то остальные факторы были по своей сути объективны и в зависимости от конкретной ситуации могли сказываться как положительно, так и отрицательно на моральном состоянии краснофлотцев. Таким образом, именно воспитательная работа оказывала определяющее влияние на укрепление морального духа личного состава БПЛ СФ в течение Великой Отечественной войны. Поэтому цель данной статьи – раскрыть роль и структуру партийно-политической работы на БПЛ СФ в ходе Великой Отечественной войны.

Воспитательная работа осуществлялась политическими работниками, командирами, партийным и комсомольским активом бригады подводных лодок. В её структуре необходимо выделить две основные части: во-первых, это агитационно-пропагандистская деятельность, нацеленная на мобилизацию рядового и командного состава на ведение непримиримой борьбы с агрессором до полной его

капитуляции, во-вторых, это культурно-массовая деятельность, сочетающая в себе как мобилизационную, так и рекреативную функцию.

В первый день войны, 22 июня 1941 г., Главное управление политической пропаганды Рабоче-крестьянского военно-морского флота (ГУПП РКВМФ) (впоследствии переименованное в Главное политическое управление – ГПУ РКВМФ), издает секретную директиву за номером 40с, подписанную начальником ГУПП армейским комиссаром 2-го ранга Роговым, в которой значилось: «Партийно-политическая работа должна быть целиком и полностью поставлена на службу выполнения возложенного на Красную Армию и ВМФ боевого задания – разбить германские фашистские армии и флот, обеспечив победу Красной Армии и флота над врагами Советского Союза».

Помимо этого, в директиве подчеркивалось, что необходимо «...постоянно разъяснять каждому бойцу и командиру, что Советский Союз ведет победоносную, отечественную войну за Родину, за честь и за свободу. <...> Внедрять в сознание личному составу, что ни при каких обстоятельствах корабли ВМФ не спускают флага перед противником, предпочитая гибель – сдаче врагам трудящихся. <...> Вести беспощадную борьбу с паникерством и трусостью» [12. Д. 55. Л. 66; Д. 68. Л. 194].

Таким образом, в директиве сразу же обозначались основные содержательные линии агитационно-пропагандистской работы: воспитание мужества, недопустимость сдачи в плен, презрение к трусам и паникерам и др. Помимо основных направлений содержания агитационной работы, директива № 40с содержала конкретные меры перестройки партийно-политической работы: «Приказываю: партийно-политическую работу вести непрерывно. Существующую систему политзанятий и марксистско-ленинской учебы отменить и перейти к проведению повседневной агитационно-пропагандистской работы <...> Политическую работу вести политработникам, командирам, коммунистам и комсомольцам. Органам политической пропаганды держать постоянную связь со штабами, знать положение на кораблях и частях, систематически информируя командование и вышестоящие органы политической пропаганды о политикоморальном состоянии и партийно-политической работе...» [12. Д. 55. Л. 67; Д. 68. Л. 195].

Из текста директивы следует, что политическое командование в связи с началом Великой Отечественной войны кардинально изменяло всю сложившуюся систему партийно-политической работы и, естественно, на практике это было невозможно сделать в один день. Если до начала Великой Отечественной войны основными формами политической работы были лекции, политзанятия и система марксистско-ленинской учебы, то теперь необходимо было в

оперативном порядке переходить на агитационную работу с личным составом в форме бесед, разъяснений сообщений Совинформбюро, обстановки на фронтах, задач краснофлотцев, популяризации подвигов и успехов в бою советских кораблей и частей, бойцов и командиров, менять содержание и направленность печатных изданий, художественной самодеятельности и т. д.

В обзоре о состоянии агитационно-пропагандистской работы на кораблях и частях СФ на 17 августа 1941 г. начальник 2-го отдела ПУ СФ полковой комиссар Ярош указывал, что «в основных соединениях, в том числе в БПЛ <...> в первый месяц войны агитационную работу вели, главным образом, политработники, не были использованы партийные и комсомольские организации. Этот недостаток уже ко второй половине июля был полностью исправлен, агитаторы стали работать во всех подразделениях. <...> В море на подлодках возможности агитработы были ограничены, особенно в условия полярного дня. Здесь работу вели, главным образом, военкомы и коммунисты. Перед выходом в море военкомы подбирали для агитационной работы газетные, журнальные статьи, брошюры, инструктировали агитаторов» [12. Д. 587. Л. 27]. Таким образом, уже ко второй половине июля складывается новая система агитационно-пропагандистской работы.

Несколько более длительно проходит процесс становления культурно-массовой работы. Как отмечалось в «Обзоре опыта культурно-просветительной работы на Северном флоте за 11 месяцев Отечественной войны», сделанном начальником 4-го отдела Политического управления (ПУ) СФ полковым комиссаром Киприяновым 16 июня 1942 г., «...если в первые 2–3 месяца войны многие военкомы, политработники и начальники клубов не сумели быстро перестроить культурно-массовую работу в соответствии с военной обстановкой, то после специального письма Политуправления от 29.08.41, за осенне-зимний период на кораблях и в частях флота проделана работа. В основу ее были положены: речь товарища Сталина от 3.07.41, доклад от 6.09.41, речь от 7.11.41, приказ № 55 – 42 г. и директива ГПУ РКВМФ №79с» [12. Д. 626. Л. 133]. Итак, только к концу 1941 г. основные методы ведения культурно-массовой работы были утверждены на СФ и начали регулярно и активно применяться политическими и партийными работниками для поддержания высокого морального духа краснофлотцев и командиров.

Необходимо учитывать, что если основное содержание воспитательной работы было типичным для всех частей и соединений СФ, то методы и формы ее проведения имели определенную специфику для каждого рода войск. Не была исключением и партийно-политическая работа на БПЛ, которая также имела свои особенно-

сти. В её структуре можно выделить три основных этапа: подготовительный; политической работы в походе; политической работы по прибытию из боевого похода.

Первый этап воспитательной работы на БПЛ СФ включал в себя ряд подготовительных мероприятий. Во-первых, это были обязательные организационные совещания политработников, а также партийного и комсомольского актива, редакционной коллегии боевых листков и т. д., целью которых было составление планов политической работы на боевой поход, объявление целей и задачи боевого похода, которые впоследствии, как правило, уже в начале самого похода, доводились до всего личного состава подводной лодки. Так, капитан 3-го ранга Елсуков, начальник политического отдела (ПО) Краснознаменной бригады подводных лодок (КБПЛ), в своем донесении от 30 сентября 1943 г. за № 00260, указывал, что в подготовительный период боевого похода ПЛ. «М-104» были проведены следующие мероприятия: «Заместитель командира по политической части 4 Дивизиона подводных лодок капитан-лейтенант тов. Вогачев помог парторгу и комсоргу составить планы работы на боевой поход. В день выхода парторг провел совещание коммунистов с вопросом – задачи коммунистов в боевом походе. Комсорг т. Кабот провел совещание с комсомольцами – задачи комсомольцев в боевом походе...» [13. Д. 38. Л. 167 об].

Таким образом, организация данных мероприятий позволяла распределить основные роли и обязанности в ведении партийно-политической работы в ходе боевого похода, без чего была бы невозможна полноценная реализация ее основной функции – укрепления морального духа личного состава. Как следует из дальнейшего содержания донесения осуществление данных мероприятий позволило подготовить фундамент для проведения воспитательных мероприятий в самом походе и, как следствие выполнить их основные задачи.

Помимо организационных совещаний политработников, партийного и комсомольского актива, подготовительный этап обязательно включал в себя культурно-массовые мероприятия, воспитательные беседы, выступления агитаторов, основной целью которых было укрепить моральный дух личного состава подводной лодки. При этом материал, подбираемый для данных мероприятий, иллюстрировался примерами местного героизма, самопожертвования, отваги, что делало их ближе и понятнее личному составу. Так, в том же донесении начальника ПО КБПЛ Елсукова указывалось: «В весь подготовительный период в работе с личным составом было обращено внимание на претворение в жизнь опыта боевых походов других ПЛ бригады. Особо подробно разбирались примеры борьбы за живучесть на опыте <...> личного состава ПЛ «Л-20» [13. Д. 38. Л. 167 об].

Безусловно, тот настрой, с которым личный состав подводной лодки выходил в боевой поход во многом обуславливал его результативность. Именно по этой причине политическое руководство тщательно следило за наличием систематической работы по укреплению моральных сил подводников перед походом.

Ещё одним, не менее значимым элементом подготовительного этапа, являлась подборка политической и художественной литературы, необходимой для работы в походе агитаторам, а также для отдыха и самообразования рядовому и командному составу. Как правило, данным вопросом занимался либо военком (до октября 1942 г., после чего заместитель командира по политической части), либо специально назначенный им краснофлотец-коммунист. Начиная с июля 1943 г., после отмены института замполитов на БПЛ, подборкой литературы занимались парторги или комсорги. Так, при подготовке к походу ПЛ «М-104», в донесении начальника ПО КБПЛ Елсукова было отмечено: «Парторгом была подобрана литература и статьи из центральных газет для агитаторов, а так же художественная литература на поход» [13. Д. 38. Л. 167 об]. Данный тип подготовки воспитательной работы в походе был весьма важен, не зря ему отводится особое внимание во многих отчётах и донесениях. В условиях боевого похода подводной лодки необходимо было не только организовывать несение боевой вахты личным составом и осуществление командой своих прямых обязанностей, но и грамотно регулировать отдых краснофлотцев. Во многом именно правильная организация свободного времени личного состава в боевом походе позволяла поддерживать высокий уровень морального духа краснофлотцев.

Чем важнее и значимее была операция, тем тщательнее необходимо было готовить политическую работу в походе. Если обратиться к политдонесению начальника ПО КБПЛ капитана 2-го ранга Чернышева от 12 февраля 1944 г. № 041, в котором речь шла об участии 8 лодок БПЛ СФ, в проводившийся в январе 1944 г. общекраснофлотской боевой операции по уничтожению крупного вражеского каравана судов, то четко видна более серьезная работа. Во-первых, как следует из политдонесения «...к каждой лодке был прикреплен политработник, на которого возложена была вся ответственность за партийно-политическую работу на лодке в период подготовки, а часть товарищей должна была идти в боевой поход на этой лодке» [13. Д. 67. Л. 15 об.]. Иначе говоря, организационную роль выполняли специально назначенные ПО работники, которые специально командировались в поход для работы в период всей операции.

Во-вторых, были проведены следующие общебригадные мероприятия: «Беседа с командирами ПЛ на тему: "Выполнение боевой задачи любой ценой – священный долг советского офицера". Док-

лад для агитаторов – "Роль морального фактора в современной войне". Выпущена многотиражная газета "Боевой курс", призывающая активизировать деятельность подлодок в ответ на наступление РККА. Выпущены, с помощью флагманских специалистов Штаба КБПЛ, 4 памятки: подводнику-радисту, торпедисту, сигнальщику, и мотористу. Выпущена листовка-плакат, посвященная гидроакустику Шумихину (погибшему в одном из боевых походах). Парторгам вручены папки со справочным материалом, изданным ПУ СФ» [13. Д. 67. Л. 15 об.].

Таким образом, перед организационными совещаниями партийного и комсомольского актива непосредственно каждой лодки в отдельности были проведены специальные беседы, доклады и консультации для всех агитаторов, командиров и политработников, идущих в поход. Специально для похода были выпущены листовки, памятки, мобилизующие личный состав на успешное ведение боевых действий.

В-третьих, уже непосредственно политработникам, назначенным политотделом, были даны указания: «Провести политинформации на тему: "Героическое наступление Красной Армии обязывает подводников усилить удары по врагу". Проинструктировать агитаторов по вопросам их работы, в частности по теме: "Героическое наступление Красной Армии и задачи подводников". Оказать помощь парторгам и комсоргам в составлении их планов работы на операцию. <...> Обсудить с краснофлотцами материал газеты "Боевой курс" (передовую статью в обращении Героя Советского Союза т. Лунина) <...> Проинструктировать редактора "Боевого листка" и оказать ему помощь в выпуске "Боевого листка", посвященного подготовке к походу. Помочь парторгам в подборе художественной литературы» [13. Д. 67. Л. 16]. Таким образом, финальной частью подготовительного этапа становилась непосредственная работа политработников с личным составом каждой подводной лодки, идущей в поход.

Безусловно, такая активная, тщательная работа политотдела не могла не принести свои плоды. Далее в вышеупомянутом политдонесении начальника ПО КБПЛ капитана 2-го ранга Чернышева указывается: «на ПЛ "Л-22" краснофлотец-трюмный Лихно, член ВЛКСМ, имея освобождение от врача, отказался оставаться на базе, при этом заявив: "Море вылечит". <...> Ушли из лазарета на лодку краснофлотцы Ионин (М-200) и краснофлотец ПЛ "С-56", кандидат в члены ВКП(б) Лимперя. <...> Командир отделения на ПЛ «М-201» комсомолец Бобнев сказал: "Наконец-то настал счастливый день идти в море, а вообще я согласен быть в базе только три дня в месяц, надоедает... красноармейцы воюют, а мы ни то ни другое..." [13. Д. 67. Л. 16 об.]. Как видно из донесения, политработа

достигла своей основной цели – моральный дух личного состава был перед походом укреплен и находился на весьма высоком уровне.

Второй этап партийно-политической работы на БПЛ СФ включал в себя мероприятия, запланированные в ходе предыдущего, подготовительного этапа, и проводимые уже непосредственно в ходе боевого похода. Выделим неотъемлемые, присущие каждому боевому походу мероприятия. Начинался поход с обязательного доведения до личного состава основных целей и задач похода. В ходе всего похода в соответствии с планом проводились беседы агитаторов с личным составом на заданные темы, а также организовывались и проводились коллективные читки вслух политической и художественной литературы, газет, которые были специально подобраны для похода. Регулярно, а по возможности каждый день, организовывался прием сводок Совинформбюро и доведение (с их разъяснением) до личного состава по отсекам. Осуществлялся выпуск, как правило, несколько раз за поход, «Боевых листков».

На практике данные мероприятия (при условии, что боевой поход протекал без серьезных осложнений) реализовывались всегда. Они преследовали одну крайне важную для успеха похода цель – посредством систематической воспитательной работы и грамотной организации свободного времени личного состава постоянно укреплять и поддерживать высокий уровень морального духа краснофлотцев и командиров (офицеров). Вернемся к донесению начальника ПО КБПЛ капитана 3-го ранга Елсукова, от 30 сентября 1943 г. № 00260, где речь шла о боевом походе ПЛ «М-104»: «С выходом ПЛ из базы командир обошел отсеки и довел до всего личного состава задачу, поставленную на поход, конкретно указав, какие задачи ставит каждому бойцу, старшине и офицеру. Ежедневно принимались сообщения Совинформбюро, после записи просматривались командиром ПЛ и давались агитаторам для зачитания и разъяснения личному составу по отсекам. Агитаторами в боевом походе были проведены следующие беседы: о повышении бдительности сигнальщиками и наблюдателями при плавании над водой в темное время, о героических примерах борьбы за живучесть на опыте личного состава ПЛ "Л-20", успешное наступление Красной Армии и капитуляция Италии. Агитаторами в отсеках были проведены читки на следующие темы: "Адмирал Нахимов" – Тарле, "Портрет" – Бориса Лавренева, "Борис Сафонов" и др. Парторг организовал обмен между отсеками книг художественной литературы. Всего личным составом прочитано было 23 книги. За боевой поход было выпущено два номера боевого листка» [13. Д. 38. Л. 167 об.-168]. Как следует из донесения, все обязательные мероприятия были выполнены.

Теперь обратимся к уже рассмотренному в контексте подготовительного этапа политдонесению начальника ПО КБПЛ капитана 2-го ранга Чернышева № 041. Безусловно, невозможно досконально охарактеризовать в рамках данной статьи прохождение партийно-политической работы в ходе боевого похода каждой из восьми подводных лодок КБПЛ СФ, принимавших участие в боевых действиях. Тем не менее, рассмотрим отчет партийной организации ПЛ «М-200». Согласно данному отчету, во-первых, в начале похода был собран личный состав, до которого были доведены основные задачи. Во-вторых, в течение всего похода проводились читки агитаторами вслух для личного состава, свободного от несения вахты, газет на темы: «Справка о потерях противника на море и в воздухе в результате военных действий за 1943 г.», <...> «Справка о потерях немецко-фашистской армии в боях на советско-германском фронте за период с 7 ноября 1943 г. по 1/1-44г.», «Успехи Красной Армии были бы невозможны без самоотверженной работы советских людей в тылу», <...> «Русские писатели о родине», «Крепкое боевое содружество Советского Союза, Великобритании и США, приближает час победы над Германией», «Слава героям Красной Армии, слава русскому оружию». Кроме того, были проведены беседы о героях-подводниках, регулярно принимались и доводились до личного состава сводки Совинформбюро и было выпущено два «Боевых листка» [13. Д. 67. Л. 26]. Как видно из приведенного содержания отчета парторга подводной лодки Хливнюка, все намеченные мероприятия были выполнены, все необходимые элементы партийно-политической работы в ходе боевого похода были реализованы. Таким образом, осуществляемая планомерно в ходе боевого похода партийно-политическая работа обеспечивала высокий моральный дух подводников, позволяя стойко переносить все тяготы похода и укрепляя их ненависть к врагу и твердую уверенность в грядущей победе.

Третий этап воспитательной работы, проводимый по прибытию ПЛ из боевого похода, включал в себя две основных группы мероприятий: во-первых, это организация докладов для личного состава ПЛ об изменении внутреннего и внешнего положения за период похода, во-вторых, это культурно-массовые мероприятия, осуществляемые для отдыха и развлечения личного состава ПЛ: работа художественной самодеятельности, посещение кинотеатра, выставок, концертов и выступлений артистов в местном клубе или Доме военно-морского флота (ДВМФ), располагавшемся в городе Полярное, участие в спортивных состязаниях и т. д. Так, если обратиться к донесению начальника ПО КБПЛ капитана 3-го ранга Елсукова, от 30 сентября 1943 г. № 00260, о боевом походе ПЛ «М-104», то в нем указываются следующие мероприятия, организованные по прибы-

тию подводной лодки на базу: «Заместитель командира по политической части 4-ого ДПЛ сделал доклад о международном положении. Была продемонстрирована кинокартина "Подруги" и "Во имя Родины". Организован культпоход в ДВМФ на концерт песни и пляски. Организованы физкультурные игры – волейбол и городки» [13. Д. 38. Л. 168]. Таким образом, на третьем этапе партийно-политической работы в БПЛ СФ командование стремилось реализовать две основные задачи – довести до личного состава положения дел на фронтах, в стране и на международной арене, а также провести досуговые мероприятия, обеспечивающие восстановление моральных и физических сил краснофлотцев и офицеров.

Однако, если на первых двух этапах воспитательной работы ее основные цели реализовывались всегда: большинство краснофлотцев и офицеров имели высокий уровень морально-психологического состояния, необходимого для успешного ведения боевых действий, дисциплина в боевом походе поддерживалась также на необходимом уровне и, как правило, не вызывала нареканий, то ситуация серьезно менялась по завершению похода. Во многих отчетах политработников можно встретить регулярные донесения о систематическом употреблении спиртных напитков личным составом по завершению похода, при этом в донесениях не раз отмечался тот факт, что причина данного явления кроется в системе выдачи водки в походе. На различных лодках выдача водки производилась, как правило, двумя способами: на одних выдавалась в море и краснофлотцы, не употребляя ее, сливали в бутылки с тем, чтобы использовать на базе по возвращению, на других лодках в походе вообще не выдавали водку, а делали это перед походом и после похода. Таким образом, создавалась ситуация, что личный состав, как правило, не употреблял водки в походе, т. е. не использовал ее в тех условиях, для которых она предназначена, а пользовался ею лишь на базе, для того чтобы отметить благополучное возвращение, что вело к пьянству.

О масштабах проблемы ярко свидетельствует политдонесение начальника ПО КБПЛ от 8 июля 1944 г. «О состоянии воинской дисциплины на КБПЛ за первое полугодие 1944 года», в котором говорится: «Пьянство на КБПЛ в 1943 году и в первом квартале 1944 г. было самым распространённым явлением, причем нарушением воинской дисциплины считалось лишь такое пьянство, которое сопровождалось дебошем или хулиганством, появление группы пьяных офицеров или краснофлотцев на территории береговой базы ни у кого не вызывало даже удивления, т.к. привыкли считать, что пьянство после похода является вполне законным <...> Особенно было распространено пьянство среди офицеров, в том числе и руководящих, какими являются командиры дивизионов и пл. Так, системати-

чески пьянствовали комдивы: Иванов и Егоров, командиры лодок – Никифоров, Хрулев, Каланин» [13. Д. 91. Л. 29 об.]. Как следует из донесения, проблема пьянства напрямую касалась не только краснофлотцев, но и руководящего состава – офицеров, вплоть до командиров подводных лодок и дивизионов.

Таким образом, воспитательная работа в бригаде подводных лодок СФ полностью достигала своих целей и задач на период боевого похода и подготовки к нему, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные примеры мужества и высокого морального духа краснофлотцев и офицеров в ходе боевых действий, однако по возвращению из похода влияние воспитательной работы на личный состав переставало быть определяющим. Как следствие, в период между походами можно встретить частые случаи пьянства, дебоша, аморального поведения краснофлотцев и командиров.

Список литературы

1. Волкогонов Д.А. Война и армия. Философско-социологический очерк. – М., 1977.
2. Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопр. философии. – 1975. №3 – С. 10–14.
3. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941 – 1945 гг. – М., 2000.
4. Ильин С.К. Моральный фактор в современных войнах. – М., 1979.
5. Капитанец И. М. Война на море 1939 – 1945. Военно-морское искусство во Второй мировой и Великой Отечественных войнах. – М., 2005.
6. Ковальченко И.Д. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Своб. мысль. – 1995. – № 2 – С. 116–120.
7. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2008.
8. Козлов Н.Д. С волей к победе: пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной Войны. – СПб., 2002.
9. Левашко В.О. На Балтике в советско-финляндскую. Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период Советско-Финской войны (1939–1940 гг.) – СПб., 2009.
10. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки на примере двух мировых войн и афганской войны. – М., 1997.
11. Субботин М.П. Моральный фактор в условиях современной войны. Лекция. – Ростов н/Д, 1972.
12. Центральный военно-морской архив (ЦВМА) Ф. 11. – Главное политуправление ВМФ. Оп. 2.
13. ЦВМА. Ф. 795 – Краснознаменная ордена Ушакова Бригада подводных лодок Северного флота (КОУБПЛ СФ). Оп. 3. Политический отдел КОУБПЛ СФ.

УДК 94(47).084.1

Д. Ю. Трошин

Восстание Царскосельского гарнизона в февральские дни 1917 г.

В статье исследуется роль Царскосельского гарнизона в дни Февральской революции 1917 г. Анализируется его состав и численность. Реконструируется движение солдатских масс и их роль в смещении царской администрации Царского Села.

In this article the role of the garrison in Tsarskoe Selo during the days of the February revolution 1917 is investigated. The author analysed it's quantity and structure. The article reconstructs the movements of the solders about the town and reveals their role in the removal of the imperial regime.

Ключевые слова: революция, Царское Село, восстание, гарнизон, солдаты, офицеры, выборные комитеты.

Key words: revolution, Tsarskoe Selo, uprising, garrison, soldiers, officers, elective committees.

Восстание Царскосельского гарнизона стало одним из ярких эпизодов февральских дней 1917 г. Однако этому событию уделялось мало внимания на страницах исторических публикаций. Прежде всего это было связано с недостаточной разработанностью источниковой базы исследования, представленной в основном отдельными свидетельствами очевидцев и отрывочными воспоминаниями современников [4, с. 142–183].

К началу Первой мировой войны гарнизон Царского Села, компактно размещавшийся в городском районе под названием София, состоял из двух кавалерийских полков – лейб-гвардии кирасирского и гусарского; трех стрелковых – лейб-гвардии 1-го, 2-го и 4-го, которые совместно с лейб-гвардии 3-м стрелковым полком, квартировавшим на Вознесенском проспекте в Санкт-Петербурге, составляли Царскосельскую стрелковую бригаду. Кроме того, в городе размещалась офицерская артиллерийская школа, занимавшаяся подготовкой и повышением квалификации артиллерийских офицеров. Многие из перечисленных воинских частей носили имя «Его Величества», где шефом состоял сам император Николай II. Вместе с

царской семьей прибывали части собственной его величества охраны – конвой, сводно-пехотный и железнодорожный полки. Согласно путеводителю по Царскому Селу, изданному в 1911 г., общая численность воинских частей гарнизона, исключая «государеву стражу», составляла 6790 нижних чинов и офицеров [2, с. 256].

С началом боевых действий на местах воинских частей, ушедших на фронт, с целью подготовки пополнения были образованы запасные подразделения – батальоны, дивизионы, команды, сотни и др. Так, к 1 января 1917 г. в Царском Селе квартировали запасные батальоны четырех гвардейских стрелковых полков, дивизион 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады (с тракторной школой), а на северной окраине города, в селе Кузьмино, разместилась 343-я новгородская пешая дружина государственного ополчения [10].

В историографии вопрос о численности Царкосельского гарнизона является дискуссионным. В мемуарной литературе и периодической печати периода революции его численность определялась в 40 тыс. нижних чинов и офицеров. При этом один из авторов воспоминаний ссылается на авторитетное свидетельство помощника дворцового коменданта генерал-майора П.П. Гротена [3, с. 249; 20, с. 172].

Впоследствии исследователи попытались определить численность гарнизона, опираясь на архивные источники. Так, в статье Б.М. Кочакова численность гарнизона Царского Села к 1 февраля 1917 г. исчислялась в количестве 69 тыс. 800 чел. [11, с. 61]. В своих подсчетах автор использовал сводки Петроградского окружного интендантского управления, которые должны были охватывать все воинские части и учреждения. Сравнив сводки интендантского управления со сводками, поступавшими непосредственно от воинских частей в штаб Петроградского военного округа, историки пришли к выводу, что первые сведения были сильно завышены, так как в них не проводилось различие между списочным и наличным составом. В результате в сводках фигурировали откомандированные, а больные и раненые могли быть сосчитаны дважды как частями, так и лазаретами [19, с. 8].

При определении численности Царкосельского гарнизона к 1917 г. необходимо иметь в виду, что по своему внутреннему устройству запасные подразделения сильно отличались от довоенных. Так, полковник запасного батальона гвардии 2-го стрелкового царскосельского полка В.Н. Матвеев вспоминал: «Запасной батальон полка состоял из четырех рот и разного рода команд... Численность запасной роты батальона составляла около 1000 нижних чинов, а общая численность запасного батальона со всеми командами и нестроевыми доходила до восьми тысяч. На это громадное число солдат приходилось совершенно недостаточное число офицеров, да и

то большей частью прикомандированных к батальону прапорщиков, не имевших ни служебного опыта, ни авторитета, не носивших полкового мундира и... не успевших проникнуться полковыми традициями. Кадровые офицеры в большинстве находились на фронте»[12, с. 3-4].

Основную часть гарнизона, как уже сказано выше, составляли запасные батальоны четырех гвардейских полков, общая численность которых к середине 1916 г. составляла около 20 тыс. стрелков [18, с. 61–63]. По сведениям начальника гарнизона и коменданта Царского Села генерала Н.В. Осипова численность запасного тяжелого артиллерийского дивизиона и тракторной школы при нем, на основе которых для фронта формировались отдельные тяжелые батареи была около 10 тыс. артиллеристов [16. Л. 81]. Количество ратников государственного ополчения, проходивших службу в 343-й новгородской пешей дружине не превышало 1 тыс. чел. Таким образом, можно утверждать, что численность Царкосельского гарнизона к моменту февральско-мартовских дней 1917 г. составляла около (возможно даже и свыше) 30 тыс. нижних чинов и офицеров многочисленных запасных частей.

Массовые мобилизации периода Первой мировой войны привели к размыванию социального состава гвардии. Царское правительство, формировавшее армию преимущественно из крестьян, теперь было вынуждено призывать рабочих (токарей, слесарей, машинистов, кузнецов и др.) из Петрограда и его округа, которые являлись носителями антивоенных настроений. Так, в Царкосельском гарнизоне рабочие были сконцентрированы в запасном тяжелом артиллерийском дивизионе и тракторной школе, где они обслуживали артиллерийские системы, машины и разнообразную технику.

Эмиссар Временного комитета Государственной думы И.П. Демидов, посетивший Царское Село 1 марта 1917 г., позднее вспоминал: «Довольно большой с земляным полом манеж, вдоль него несколькими рядами тянулись двухъярусные нары, на которых сидели и лежали полуодетые люди. Конец манежа скрывался в густом тумане, в нем же терялись и силуэты людей. Воздух сырой, тяжелый. В узких проходах были положены доски, порой погружавшиеся в размякшую, грязную землю... Тогда и теперь передо мной неразрешимый вопрос – как могло случиться, что в Царском Селе, где жил государь, одна из воинских частей помещалась в таких скотских условиях» [5].

Изменился состав и офицерского корпуса, за годы войны в результате потерь сильно разбавленный лицами недворянского происхождения. Подготовку нижних чинов в запасных подразделениях осуществляли специально назначенные офицеры, чаще всего те, кто по ранению признавался негодным к боевой службе на фронте

или получал временное освобождение. В качестве младших офицеров использовались прапорщики, закончившие ускоренный курс обучения. По уровню своей подготовки они отличались от кадровых офицеров довоенного времени.

В начале февраля 1917 г. в учебные команды запасных батальонов поступили приказы о пребывании в постоянной боевой готовности в случае возможных выступлений примерно 12 тыс. рабочих Колпино. В Царском Селе подобных выступлений не ожидалось из-за отсутствия крупных фабрично-заводских предприятий, неорганизованности и политической индифферентности примерно двух-трех тысяч мастеровых дворцового ведомства. 16 февраля по приказу царскосельского коменданта генерала Н.В. Осипова части гарнизона выступили в Колпино, где на Ижорском заводе началась забастовка. Тем самым февральское рабочее движение не было секретом для Царскосельского гарнизона. Еще больше о нем знали в артиллерийских частях [17].

23–25 февраля 1917 г. в Петрограде вспыхнули массовые забастовки и демонстрации рабочих, к которым присоединились городские обыватели. Вести о выступлениях на улицах столицы отрывочно начали доходить в воинские части Царского Села только к вечеру 25 февраля. Командиры запасных частей стали принимать меры, направленные на изоляцию прибывавших из Петрограда по увольнению стрелков. Упомянутый выше полковник Н.А. Артабалеvский записал в дневнике: «...Из отпуска приехал стрелок. Осматривал его вещи согласно приказа. Наткнулся на Маркса и Каутского. О Марксе я знал только то, что его сочинения надо отбирать... Я спросил стрелка: – "Ну что же, ты все понял, что здесь написано?" – "Это не для нас, ваше высокоблагородие. Я неграмотный" – "Откуда они у тебя?" – "Цивильный в вагоне дал. Я не хотел брать... а он говорит: возьми, в казарме есть кому почитать"» [1, с. 10].

26 и 27 февраля по приказу командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова в столицу для усмирения восставших были вызваны части Царскосельского гарнизона. Одни из них присоединились к защитникам царской власти, оборонявшим Зимний дворец и Адмиралтейство, но большинство отказалось стрелять в восставших. Вернувшихся из Петрограда с ранениями направляли в полковые лазареты, а остальных было приказано арестовывать, однако этот арест на деле оказывался фиктивным [20, с. 172–173].

28 февраля командир запасного батальона 1-го стрелкового полка полковник А.И. Джулиани приказал офицерам своего батальона для поддержания морального духа объявить стрелкам благодарность за действия в Петрограде. «Как только благодарность

была нами заслушана, – свидетельствовал унтер-офицер Н.П. Кузнецов, мы тотчас же небольшой группой наиболее сознательных солдат бросились к чайной, где всегда собирались, и решили, что надо смыть с себя позор этой благодарности. Стали раздаваться голоса, полные отчаяния: "Мы предатели! За то нас благодарят, что братьев своих ехали расстреливать!"» [17].

По приказу командира батальона А.И. Джулиани учебная команда окружила недовольных стрелков, а затем открыла по ним огонь на поражение. Восставшие отступили к казарме и продолжили сопротивление: разобрали оружие и патроны, выехал конный взвод, а военный оркестр заиграл «Марсельезу» и полковая пулеметная команда открыла огонь по учебной, которая разбежалась вместе с офицерами [13, с. 242–244].

Так, около трех часов дня 28 февраля 1917 г. началось восстание Царскосельского гарнизона. Командование запасным батальоном принял на себя штабс-капитан Ф.В. Аксюта, а его заместителем стал прапорщик, большевик И.П. Павлуновский. Восставшие двинулись к дивизиону 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады, который присоединился к ним. Захватив из арсенала дивизиона трехдюймовую батарею, далее направились к казармам запасных батальонов 2-го, 3-го и 4-го полков. Так катилась эта «революционная лавина», захватывая с собой без особого сопротивления одну часть за другой. «Двухтысячная толпа вооруженных стрелков, – записал в своем дневнике полковник Н.А. Артабалеvский, – освещаемая немногими фонарями, гудела, рокотала, грозила и волновалась в эту темную ночь. Жутью веяло от нее, как от сорвавшегося с цепи дикого зверя. Не людьми мне казались эти серые фигуры, а дикими растравленными животными, готовыми и способными на все самое ужасное. Стихия ада! И не было в эту минуту возможности накинуть цепь на этого взбесившегося зверя... Стрелками, подстрекаемыми и разжигаемыми темными агитаторами, овладели животные инстинкты бунта и безрассудного, самого озорного и бесшабашного разгула» [1, с. 32].

Восставшие массы не были организованы, а движение однородным. Никакого плана выступления не имелось, и как только первая цель – привлечение еще не восставших – была достигнута, толпа рассыпалась в разные стороны.

Часть восставших решила идти к городской тюрьме, где требовала у администрации освободить заключенных, но получила отказ. Воспользовавшись лежащими здесь бревнами, они проломали ворота, ворвались в здание, сожгли бумаги канцелярии, освободили заключенных, среди которых была авантюристка Ольга Штейн, а начальника и надзирателей посадили в камеры [9. Л. 49–50].

Затем только что выпущенные из тюрьмы арестанты с частью восставших солдат решили отпраздновать обретение свободы и начали грабить магазины и взламывать винные погреба: «Около магазина Лисицына большая толпа народа, но преимущественно солдат. Магазин уже разбит и разграблен и только в подвале еще осталось вино, которое толпа продолжала расхищать... Все пьяны, все возбуждены, все вооружены. Несколько человек сидят в подвале и подают через небольшое окошко вино... Те, кто уже достаточно пьяны, уносят вино с собой, те, которые еще могут пить, пьют его здесь. Штопоров нет. Чтобы открыть вино, отбивают горлышко бутылки. Губы, десны и руки порезаны осколками разбитых бутылок. Возбужденные красные лица выпачканы кровью и крошками халвы» [17].
Всю ночь на 1 марта в разных частях Софии раздавались выстрелы.

Другая часть восставших, более сознательная, вернулась обратно в казармы, чтобы обсудить сложившееся положение, разогнать грабителей и отобрать награбленное. Солдаты выбрали из своей среды вожаков, причем, как правило, своих же бывших взводных командиров. Были экстренно наряжены патрули для восстановления спокойствия и охраны магазинов, а по улицам разъезжали броневики с плакатами: «Товарищи, прекратите грабежи! Вы теперь свободные граждане!». Попытки перенести грабежи в центр Царского Села были предотвращены.

Наиболее радикально настроенная группа восставших призвала двинуться к Александровскому дворцу. Только 27 февраля во дворце, где в это время находилась императрица Александра Федоровна с болеющими корью наследником и великими княжнами, стали осознавать истинные масштабы событий, происходящих на улицах Петрограда.

Около восьми часов вечера 28 февраля отдельные группы восставших под предводительством штабс-капитана Ф.В. Аксюты с криками «ура» и пением Марсельезы направились к ограде Александровского парка. Но, как затем свидетельствовали участники восстания, призывы идти на дворец «не встретили сочувствия достаточных масс», и при первых ответных выстрелах «части рассыпались в разные стороны», а некоторые вернулись в казармы [9. Л. 52–54].

Немедленно к Александровскому дворцу были вызваны по тревоге все части охраны. По приказу командира сводного пехотного полка генерала А.А. Ресина они заняли для обороны линию вдоль ограды парка, а напротив главных ворот установили орудия. Со стороны восставших по дворцу был выпущен всего один снаряд, который, пролетев над крышей, упал в саду, не разорвавшись. Дальнейшего обстрела не последовало. Парламентеры с обеих сторон договорились, что части, вызванные по тревоге, будут воз-

вращены в казармы, а во дворце останутся обычные дежурные наряды [7, с. 152]. Однако уже на следующий день в газете «Известия комитета петроградских журналистов» появилось ложное сообщение о том, что «в Царскосельский дворец вошли солдаты», а императорская семья находится в руках мятежных войск [8].

Утром 1 марта в здании Царскосельского городского управления – ратуше, по примеру Петроградского Временного комитета Государственной думы, образовался Временный комитет выборных от воинских частей и населения Царского Села, сменивший старую власть царскосельской императорской резиденции. В два часа дня состоялось первое заседание Временного комитета, в состав которого вошло 12 человек. Одну половину составили офицеры, которые были представителями от восставших воинских частей гарнизона, другую половину – городской голова и служащие Царскосельской ратуши. Полковника запасного батальона 4-го стрелкового полка К. А. фон Вейса избрали первым председателем комитета, а также начальником гарнизона и комендантом города. Однако уже на следующий день он был арестован и отправлен на фронт, а председателем был назначен полковник артиллерии Болдескул [17].

С момента образования Временного комитета в ратушу стали стекаться все дела, разрешавшиеся раньше начальником Царскосельского дворцового управления князем М.С. Путятиным. Здесь сходились нити от всех воинских частей гарнизона. Ратуша стала настоящим «штабом» царскосельской революции. Вот как ее описывает один из очевидцев: «По углам улиц, примыкавших к Ратуше, стояли бронированные автомобили, готовые каждую минуту открыть огонь из пулеметов. С деревьев через окна и двери висела целая паутина проводов полевых телефонов, соединявших ратушу со всеми частями гарнизона. У входа дежурил отряд стрелков с винтовками. По коридорам, по лестницам стояла сплошная стена солдатских штыков. Впуск строго по запискам. В зале пыльно и накурено. Полы затерты ногами и забросаны окурками и обрывками бумаги» [17].

Вечером 1 марта эшелон георгиевских кавалеров генерала Н.И. Иванова, отправленный Николаем II для подавления восстания в Петрограде, остановился на станции Вырица, где генералу доложили, что Царскосельский гарнизон, в присоединении которого он был абсолютно уверен, вышел из повиновения. К девяти часам вечера эшелон беспрепятственно прибыл на Царскосельский вокзал, после чего генерал Н.И. Иванов отправился в Александровский дворец, где с часу до половины второго ночи с 1 на 2 марта беседовал с императрицей Александрой Федоровной [14, с. 227–230].

В сложившейся ситуации революционную бдительность проявил командир запасного батальона 1-го стрелкового полка штабс-

капитан Ф.К. Аксюта, выступив на вокзал с солдатами в полной боевой готовности. Чтобы избежать кровопролития, по просьбе императрицы генералу пришлось срочно покинуть Царское Село и перебраться обратно в Вырицу [6, с. 321]. Оттуда Н.И. Иванов торопил Ставку ускорить прибытие второго эшелона георгиевских кавалеров и телеграфировал в Петроград, требуя выслать новую смену паровозов. Командование Царскосельского гарнизона, перехватив эти телеграммы, приняло меры предосторожности на случай новых попыток продвижения генерала Н.И. Иванова. Вместе с тем через лазутчиков удалось выяснить, что «георгиевские кавалеры вполне сочувствуют перевороту» [17].

В дальнейшем, на основании приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по Петроградскому гарнизону, в частях Царскосельского гарнизона состоялись выборы в солдатские ротные комитеты, действующие при командире роты, которые путем делегирования своих представителей избирали батальонный комитет, назначивший командира запасного батальона. Делегаты от батальонных комитетов образовали гарнизонный комитет, объединивший в своем составе представителей от всех воинских частей, команд и управлений и выполнявший пока только организационные функции.

Таким образом, восстание Царскосельского гарнизона, сочетавшее в себе, с одной стороны, черты стихийности, а с другой – организованности и сознательности солдатских масс открыло новую и последнюю страницу истории царскосельской императорской резиденции. Оно ускорило и упрочило победу революции в Петрограде. Так, один из неизвестных обывателей в начале марта 1917 г. рассуждал, что если «слово Петербург из ненависти к немцам заменили словом Петроград, теперь надо название Царское Село заменить названием Солдатское Село» [15].

Список литературы

1. Артабалеvский Н.А. Первые дни революции во 2-м гвардейском запасном батальоне // Памятные дни: Из воспоминаний гвардейских стрелков. Вып. 3. – Таллин, 1939.
2. Вильчковский С.Н. Царское Село. – СПб., 1911. – С. 256.
3. Галушкин Н.В. Собственный его императорского величества конвой / под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). – М., 2004.
4. Гальперина Б.Д. Царскосельский уезд // Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917–1918). – Л., 1972.
5. Демидов И. 1 марта 1917 года // Последние новости. – 1927. – 12 марта.
6. Допрос генерала Н.И. Иванова // Падение царского режима. – М.-Л., 1926. – Т. 5.
7. Дуплицкий С.К. Охрана царской семьи и революция 1917 года // Москва. – 1997. – № 3.

8. Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта.
9. Историко-литературный музей г. Пушкина. Научно-вспомогательный фонд № 3133. Русских М.Я. Записки старого солдата. 1972 г.
10. Квартирное расписание частей, войск, управлений, учреждений и заведений, подчиненных главному начальнику Петроградского военного округа. – Пг., 1917.
11. Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Учен. зап. ЛГУ. Вып. 24 (№ 205). – Л., 1956.
12. Матвеев В.Н. Последние дни Государевой Семьи в Царском Селе // Памятные дни. – Таллин; Ревель, 1932. Вып. 1.
13. Пантюхов О. О днях былых. – Нью-Йорк, 1969.
14. Переписка Николая и Александры Романовых. – М.; Л., 1927. Т. 5.
15. Петроградская газ. – 1917. – 7 марта.
16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 1791.
17. Сирота О. Революция в Царском Селе // Голос трудящихся: изд. Царскосельск. Совета раб. и солд. депутатов. 1917. 28 авг.
18. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в 1917 г. (численность, состав, вооружение, расположение) // Ист. зап. – М., 1971.
19. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. – Л., 1985.
20. Февральские дни в Царском Селе: Отрывки из воспоминаний участника // Красная летопись. – 1928. – № 1.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.23-25).081/.083.4:355.1-058.862"364"

Д. В. Надсадный

Деятельность С.-Петербургской городской думы по призрению военных сирот и детей военнослужащих в 1870–1900-х гг.

Речь в статье идет о создании в С.-Петербурге муниципальной системы помощи военным сиротам, солдатским и офицерским детям. К началу XX в. дети военных составляли постоянную категорию получателей городской помощи. Основными формами поддержки были городские стипендии в учебно-воспитательных заведениях или помещение в специально организованный сиротский дом имени генерала Г.Г. Белоградского.

This article examines the creation of a municipal system of assistance by military orphans, soldiers' and officers' children in St. Petersburg. By the beginning of XX century children of military were constant category of recipients of a municipal charity. The municipal grants in the educational organizations or placement in a specially organized municipal orphanage, named after general G.G. Belogradskii, were basic forms of support.

Ключевые слова: благотворительность, дети-сироты, общественное призрение, русско-турецкая война 1877–78 гг., Русско-японская война 1904–05 гг., С.-Петербургская городская дума.

Key words: charity, orphans, public assistance, russian-turkish war 1877–78, russian-japanese war 1904–05, St. Petersburg City Duma.

Первый опыт по организации помощи военным сиротам С.-Петербургская городская дума получила во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. В июне 1877 г. С.-Петербургское городское кредитное общество пожертвовало 100 тыс. руб. «на предмет призрения и практического образования сирот, оставшихся после павших раненых и больных воинов». Разработкой вопроса о способах использования этих средств занялась комиссия по заведованию городскими начальными училищами (Ф.Ф. Эвальд, П.Л. Корф, А.А. Краевский, М.И. Семевский и др.) [2, с. 2000–2004]. На заседании городской думы 30 ноября 1877 г. богатый домовладелец и предприниматель В.А. Ратьков-Рожнов предложил: «Ознаменовать такое радостное событие, как взятие Плевны, каким-нибудь добрым делом». Вопросом о том, какое конкретно это должно быть дело, занялась еще одна думская комиссия [3, с. 2093–2094].

Предложения обеих комиссий обсуждались в городской думе в конце 1877 – начале 1878 г. Предлагалось в течение 15 лет выдавать пособия детям-сиротам нижних чинов (жителей С.-Петербурга), гарантировать всем детям бесплатное обучение в городских училищах, а по их окончании – помощь в дальнейшем образовании или получении профессии. Кроме того, учредить городской приют на 50 детей обоего пола и выдавать пособия дочерям, сестрам, вдовам и женам убитых и раненых воинов для оплаты обучения [3, с. 1931–1934]. Однако некоторые гласные (М.П. Митков, И.И. Домонтович, Ф.К. Сан-Галли и др.) выступили против подобной щедрости. Главным аргументом было то, что через 15 лет малолетних сирот раненых и убитых воинов уже не будет, а между тем, траты на их призрение потребовали бы значительных расходов. В итоге решено было особого приюта не учреждать, а распределять детей по уже существующим заведениям. Расходовать разрешалось только проценты с капитала, пожертвованного кредитным обществом [20. Л. 3–6]. Заниматься этим было поручено исполнительной комиссии по назначению городских стипендиатов (с 1889 г. она именовалась городской исполнительной комиссией по благотворительности) [6, с. 1139]. Она начала свою деятельность в январе 1878 г. [20. Л. 10].

На первых порах число обратившихся за помощью оказалось не так велико. В 1878–79 гг. на воинский капитал призревалося 16 детей. Из них двое – дети рядовых, один – офицерский ребенок, семь унтер-офицерских детей и шесть – дети фельдшеров, лазаретных служителей, кузнецов и др. нестроевых. На них было истрачено чуть больше 1600 руб. [4, с. 431–439]. В 1884 г. воспитывался уже 71 ребенок в 15-ти учебных заведениях и приютах. Из них 22 были детьми рядовых, столько же – детьми унтер-офицеров, 18 – обер-офицерских детей, а остальные были детьми нестроевых чинов [5, с. 49–52; 79–84]. К 1900 г. состав призреваемых несколько изменился. Из 85 чел. 40 были детьми офицеров (включая и двух дочерей генерал-майоров), пять – детьми военных чиновников и врачей. Сократилось число солдатских (два чел.) и унтер-офицерских детей (18 чел.). Офицерские дети воспитывались в высших учебных заведениях (пять чел. на Бестужевских курсах), в закрытых институтах и пансионах (23 чел.), а также гимназиях (восемь чел.). Прочие призревались в основном в приютах (26 чел.). 12 унтер-офицерских детей постигали мастерство в ремесленных и профессиональных школах.

Дети военных могли претендовать и на общие городские стипендии. Так, в 1900 г. за городской счёт в высших и средних учебных заведениях обучалось восемь детей офицеров и 16 детей унтер-офицеров и нижних чинов, а в ремесленных и профессиональных школах – один офицерский и 41 солдатский ребенок [14, с. 91–97]. В

отличие от стипендиатов городского воинского капитала, больше половины которых со временем стали составлять дети офицеров, среди общих городских стипендиатов из детей военных преобладали солдатские и унтер-офицерские дети.

В связи с начавшейся на Дальнем Востоке войной, в феврале 1904 г. собрание уполномоченных С.-Петербургского городского кредитного общества пожертвовало еще 50 тыс. руб. с тем, чтобы эта сумма была присоединена к городскому воинскому капиталу. К этому времени он составлял 115 тыс. руб. 21 сентября 1905 г. городская дума поручила исполнительной комиссии по благотворительности заведовать объединенным капиталом и выработать правила его использования [12, с. 969–971]. Они были подготовлены и утверждены думой в октябре 1911 г. [13, с. 1947]. Проценты с капитала могли использоваться «исключительно лишь на воспитание и образование сирот, оставшихся после убитых и раненых воинов русской армии и воинов, умерших от болезней на войне». Круглые сироты имели преимущество перед остальными. Пособием мог воспользоваться только один из членов семьи. Стипендиат, оставшийся на второй год, лишался права на стипендию [12, с. 971–972].

В конце 1880-х гг. столичное самоуправление занялось организацией специального городского приюта для офицерских детей. Связано это было с завещанием генерала Г.Г. Белоградского. Еще в 1849 г. генерал от инфантерии Григорий Григорьевич Белоградский завещал свое состояние на учреждение сиротского дома для призрения круглых сирот штаб- и обер-офицеров. Оно было немаленьким: денежные капиталы, дома в С.-Петербурге, Москве и Виннице, поместья в Нижегородской, Московской, Орловской и Ярославской губерниях [24. Л. 3–6]. Генерал Белоградский умер в 1851 г., а 2 марта 1854 г. было высочайше повелено принять имущество и капиталы Белоградского в С.-Петербургский приказ общественного призрения [16]. На основании высочайшего повеления от 5 июня 1884 г. все капиталы упраздненного приказа были переданы в ведение города [17]. Переговоры города с другими наследниками длились еще несколько лет. Только 10 июня 1887 г. городской думой было, наконец, утверждено полюбовное соглашение о разделе имущества [24. Л. 81].

Принять в заведование дом Белоградского по Колокольной ул., № 16 и составить проект устава дома было поручено исполнительной комиссии по назначению городских стипендиатов и призрению сирот [7, с. 345–352]. 17 ноября 1893 г. городская дума утвердила инструкцию городского сиротского дома «имени генерала от инфантерии Г.Г. Белоградского» [25. Л. 22–26]. Сиротский дом имел целью «призывать мужского и женского пола круглых сирот штаб- и обер-офицеров, служивших в рядах русской армии». В него принимались

дети не старше 10 лет. Они получали первоначальное образование, «так равно и призревание, содержание и религиозно-нравственное руководство и попечение». Кроме того, сиротам преподавалась музыка, пение, рисование и гимнастика. Питомцы приюта могли поступать в средние учебные заведения, кадетские корпуса или институты, продолжая жить в нем до окончания учебы. Заведование домом поручалось особому попечителю, избираемому городской думой [25. Л. 20–21].

В течение нескольких лет дом Белоградского стоял пустым. По сообщению комиссии по благотворительности в июне 1897 г. в сиротском доме находился всего один ребенок и ожидалось прибытие еще одного. Главные причины такого положения виделись в слабой осведомленности заинтересованной публики о заведении и в условии завещания Белоградского, согласно которому в приют могли помещаться только круглые сироты. Вследствие этого комиссия отказывала многим просителям, «положение которых заслуживает живого участия», как не подходящим под условия приема [8, с. 600–601].

Тем не менее, в 1900 г. в нем содержалось уже 26 детей (14 мальчиков и 12 девочек) [14, с. 11]. С 1898 по 1913 гг. бессменным попечителем сиротского дома имени Г.Г. Белоградского являлся граф Н.Ф. Гейден. Генерал-лейтенант, граф Николай Федорович Гейден числился почетным опекуном, попечителем Николаевского сиротского института, гласным Санкт-Петербургской городской думы и уездного земского собрания, членом исполнительных комиссий по благотворительности и народному образованию, старостой Казанского собора, товарищем председателя Русского собрания [1]. В 1901 г. он добился выделения под Сестрорецком участка земли под постройку дачи «с устройством лесного питомника и опытного огорода для призреваемых в доме круглых сирот» [19. Л. 1], а в 1904 г. приют был принят под покровительство вел. князя Михаила Александровича [26. Л. 4].

В сентябре 1904 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа П.П. Извольский обратился в городскую управу с запросом об участии С.-Петербурга в обеспечении детей офицеров и нижних чинов, умерших от ран и болезней в войну с Японией [9, с. 1902–1905]. Запрос был передан на рассмотрение комиссии по благотворительности. На заседании 21 декабря 1904 г. члены комиссии Г.И. Дурнякин, И.Н. Креморенко и др. доложили о возможности устроить в городском доме трудолюбия на Никольской пл. временный приют на 40 девочек – «детей нижних чинов, участников нынешней кампании». На это требовалось 5345 руб. единовременно и 4800 руб. ежегодного расхода. Со своей стороны, Н.Ф. Гейден предложил организовать в сиротском доме имени Г.Г. Белоградского

временный приют для 40 детей офицеров. Для этого следовало освободить занятые тремя начальными училищами и двумя магазинами помещения. Но они платили за аренду около 4000 руб. в год, которые приюту не хотелось терять. Часть расходов было предложено возместить Военному ведомству [21].

В октябре 1905 г. Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией, уведомил об отпуске 16 800 руб. «на содержание в предположенных к открытию двух приютах осиротевших детей погибших офицеров и нижних чинов». 8 ноября Н.Ф. Гейден заявил «о принятии ныне же в сиротский дом имени Г.Г. Белогородского на имеющиеся вакансии полусирот офицеров, пострадавших в войне с Японией за плату в 300 руб.» [22]. На заседании 2 мая 1906 г. комиссия по благотворительности постановила с 15 мая открыть временный приют для детей нижних чинов в доме трудолюбия [23]. Но уже в сентябре 1906 г. комиссия предложила преобразовать его в постоянный, предназначенный для 70 малолетних девочек, без указания его особого статуса как приюта для солдатских сирот [10, с. 1007–1010.]. Это было утверждено городской думой в ноябре 1908 г. [11, с. 2123]. Нет данных и об увеличении числа детей в сиротском доме им. Г.Г. Белогородского. В отчете комиссии за 1906 г. указано, что в нем на 1 января 1907 г. находилось 26 чел. [15, с. 13], в то время, как предыдущем году в нем числилось 32 чел., т. е. количество детей даже уменьшилось [18. Л. 1].

К началу XX в. дети военных составляли постоянную категорию получателей городской помощи (примерно 10–12 % от общего числа городских стипендиатов). Основными формами поддержки были городские стипендии в учебно-воспитательных заведениях или помещение в городской сиротский дом имени Г.Г. Белогородского, специально предназначенный для офицерских сирот. Организовать в 1905–06 гг. подобный детский дом для солдатских сирот городским властям не удалось, несмотря на субсидию от Алексеевского комитета. Город располагал довольно крупными специализированными капиталами (капитал городского кредитного общества, капитал Белогородского), предназначенными для призрения детей военнослужащих. Общий размер этих капиталов достигал 300 тыс. руб. Дети данной категории могли претендовать и на общие стипендии, выделяемые городом на обучение и воспитание детей. При этом, несмотря на декларируемое равенство и даже предпочтение детям нижних чинов, фактически почти половину стипендиатов в начале XX в. составляли дети офицеров (до детей генералов включительно).

Список литературы

1. Весь С.-Петербург на 1913 год: адресная и справ. кн. СПб. – СПб., 1913.
2. Известия С.-Петербургской городской думы. – 1877. – № 17.
3. Известия. – 1877. – № 18.
4. Известия. – 1880. – № 5.
5. Известия. – 1885. – № 13.
6. Известия. – 1889. – № 49.
7. Известия. – 1890 – № 4.
8. Известия. – 1897 – № 17.
9. Известия. – 1905. – № 10.
10. Известия. – 1906. – № 35.
11. Известия. – 1908. – № 40.
12. Известия. – 1909. – № 16.
13. Известия. – 1911. – № 48.
14. Отчет С.-Петербургской городской исполнительной комиссии по благотворительности за 1900 год. – СПб., 1901.
15. Отчет комиссии по благотворительности за 1906 год. – СПб., 1907.
16. ПСЗ. Собрание–2. – Т. XXIX. – № 27978.
17. ПСЗ. Собрание–3. – Т. IV. – № 2288.
18. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17964.
19. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 116. Д. 255.
20. ЦГИА СПб. Ф. 677. Оп. 1. Д. 2.
21. ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 28.
22. ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 30.
23. ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 31.
24. ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3976.
25. ЦГИА СПб. Ф. 792. Д. 5011.
26. ЦГИА СПб. Ф. 792. Д. 8513.

Г. В. Будашевский

**Принудительный труд в исправительно-трудовых учреждениях
на территории Ленинграда и Ленинградской области
в 1945–1956 гг.**

В статье рассматриваются вопросы организации принудительного труда заключенных в ИТУ Ленинградского региона и его использовании в народном хозяйстве в первое послевоенное десятилетие. Исследовано участие заключенных лагерей и колоний в восстановлении и развитии производственно-строительных объектов имевших большое хозяйственное значение для Ленинградского региона и всей страны. Кроме того, показана прямая зависимость способов организации труда заключенных от выполняемых ими народнохозяйственных задач. Прослеживаются также меры по повышению рентабельности принудительного труда в ИТУ Ленинграда и Ленинградской области в период либерализации советской пенитенциарной политики после смерти Сталина.

Article is devoted to consideration of problems of the organization of forced labor of prisoners in correctional labor institutions the Leningrad region and its use in a national economy in the first post-war decade. Participation of the concluded camps and colonies in restoration and development of industrial-building objects having the big economic value for the Leningrad region and all country is investigated. Besides, direct dependence of ways of the organization of work of prisoners on economic problems carried out by them is shown. Measures on increase of profitability of forced labor in correctional labor institutions Leningrad and Leningrad region in liberalization of the Soviet penitentiary policy after Stalin's death are traced also.

Ключевые слова: ГУЛАГ, заключенные, лагеря, колонии, трудовое использование, народное хозяйство, контрагентские работы, рентабельность труда.

Key words: a Gulag, prisoners, camp, a colony, labor use, a national economy, counteragency works, profitability of work.

Важнейшим моментом в решении задач по ликвидации тяжелых последствий недавно закончившейся Великой Отечественной войны на территории Ленинградского региона стало использование всех имеющихся производственно-хозяйственных мощностей и людских ресурсов.

Гитлеровское нашествие нанесло огромный материальный ущерб городу и его пригородам – по довоенному курсу он оценивался в 38 млрд руб. Во время обстрелов и бомбежек было разрушено 840 и повреждено более 3 тыс. промышленных предприятий, разби-

то и уничтожено свыше 10 тыс. жилых домов. Мощность электростанций составляла лишь 38 % от довоенной [1, с. 310].

В силу чрезвычайной ситуации восстановление народного хозяйства потребовало активного участия всех структур государственного аппарата. Одной из этих структур являлось УИТЛК УМВД ЛО (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний Управления министерства внутренних дел по Ленинграду и Ленинградской области), в ведении которого находились все места лишения свободы с содержащимися в них заключенными.

Выявленные автором в ходе исследования материалов из архивных и других источников, ставших доступными в последнее время, факты свидетельствуют о том, что в послевоенное десятилетие на территории Ленинградского региона активно осуществляли производственно-хозяйственную деятельность места лишения свободы не только подчиненные УИТЛК УНКВД (УМВД) ЛО, но и подведомственные ГУЛАГу НКВД (МВД) СССР. Из последних, на территории Ленинграда и Ленинградской области функционировали, главным образом, лагеря таких структурных подразделений ГУЛАГа, имевших относительную самостоятельность, как ГУШОСДОР и Главпромстрой [15, с. 69].

Для выполнения работ по восстановлению дорог и мостов союзного значения на территории Ленинградской области, работ по капитальному ремонту автодороги Москва – Ленинград и дорожных работ по автомагистрали Ленинград – Нарва (на участке Ленинград – Кингисепп) согласно приказу МВД СССР от 12 октября 1949 г. было организовано Управление строительства ГУШОСДОРa МВД № 17 и ИТЛ (исправительно-трудового лагеря) (ИТЛ № 17 ГУШОСДОРa), дислоцировавшееся в Ленинграде по ул. Малая Садовая, д. 6 [14, с. 121–123]. Согласно этому же приказу МВД СССР помимо прочих работ на Управление строительства ГУШОСДОРa МВД № 17 было возложено обслуживание работ Онежского и Приозерского леспромкомбинатов ГУШОСДОРa, Кикеринского каменного карьера в Волосовском районе Ленинградской области, а также работы по заготовке лесных материалов для других строителств ГУШОСДОРa. Численность заключенных в лагерных подразделениях строительства № 17 ГУШОСДОРa МВД СССР на 1 декабря 1949 г. составила 1205 чел. [14, с. 162, 165].

В процесс по восстановлению разрушенных народнохозяйственных объектов всесоюзного значения на территории Ленинградского региона активно включились и лагерные подразделения Главпромстроя МВД СССР. Так например, 22 августа 1946 г. было организовано Управление строительства № 496 Главпромстроя МВД СССР с целью проведения восстановительных работ на территории расположения Беломоро-Балтийского канала и продолжения

лесозаготовок на его бывших территориальных участках. С 5 сентября 1946 г. заключенными лагерных подразделений строительства стали осуществляться работы по возведению корпусных зданий завода № 496 для Министерства электропромышленности СССР [14, с. 424–425]. В связи с этим 1 ноября 1947 г. Ленинградским облисполкомом было принято решение о передаче имеющему всеобщее значение заводу № 496 земельного участка под промышленное строительство площадью 199 га за счет земельных участков бывших заводов «Металлострой» и «Кранстрой» с корпусами технических зданий [16. Л. 203].

В большинстве исследований об участии исправительно-трудовых учреждений в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства страны указывается на привлечение заключенных к трудовой деятельности главным образом на объектах, подведомственных ГУЛАГу НКВД(МВД) СССР. Хозяйственная деятельность ИТУ, подчиненных местным органам внутренних дел, исследована гораздо слабее. Между тем исправительно-трудовые учреждения, входящие в систему УНКВД(УМВД) краев и областей, играя немаловажную роль в восстановлении народного хозяйства после войны, сталкивались с теми же проблемами функционирования, что и подразделения ГУЛАГа.

Необходимо отметить, что ко времени окончания Великой Отечественной войны ГУЛАГ превратился в организацию все более трудноуправляемую и неповоротливую. Следствием этого стало не только выделение из ГУЛАГа таких лагерных подразделений НКВД(МВД), как Главпромстрой и ГУШОСДОР, но и фактически состоялось разделение подразделений, входящих в систему УНКВД(УМВД) краев и областей, на промышленные, сельскохозяйственные и контрагентские, заключенные которых использовались на предприятиях и стройках в системе различных министерств и ведомств на договорной основе [15, с. 63, 69].

Как показывают архивные источники, ставшие доступными в последнее время, на территории Ленинградского региона со стороны руководства УМВД ЛО с самого окончания войны проводилась линия на увеличение количества именно контрагентских подразделений, о чем, например, говорилось в отчетном докладе Управления МВД за первый квартал 1946 г. В нем обращалось внимание на открытие контрагентских лагпунктов на крупнейших строительствах и ведущих промышленных предприятиях Ленинграда: «Невдубстрое», заводах «Большевик», «Красный треугольник», «Экономайзер» и др. Дополнительно к организованным в I квартале семи лагерным пунктам и семи их филиалам в апреле 1946 г. было создано еще три подразделения, в которые было доставлено из тюрем свыше 2 тыс. чел. [9. Л. 58].

Вслед за увеличением численности контингента заключенных в контрагентских подразделениях стало происходить резкое изменение профиля выполняемых в них работ. К тому времени из тюрем в контрагентские лагерные подразделения колонии стало прибывать значительное число заключенных как физически ослабленных, так и с низким общеобразовательным уровнем и недостаточно высокой трудовой квалификацией. По этой причине заключенные контрагентских подразделений, особенно расположенных на территории Ленинградской области, стали использоваться преимущественно на строительстве, лесозаготовках, добыче торфа, где больше всего ощущался недостаток свободного контингента, и выполняемые работы были наиболее трудоемкими и тяжелыми, требовавшими применения простого физического труда [10. Л. 56].

Не оправдал себя и другой способ существенного повышения производительности труда заключенных – их разделение на категории физического состояния. В этой связи 25 июня 1949 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов подписал приказ «О мероприятиях по улучшению физического состояния и трудового использования заключенных, содержащихся в ИТЛ и ИТК МВД», согласно которому в первую категорию входили все заключенные, практически годные к физическому труду. Вторую категорию составляли физически неполноценные заключенные, годные к выполнению легких работ. Наконец, к третьей категории были отнесены все заключенные инвалиды и страдающие тяжелыми хроническими болезнями или физическими недостатками, не дающими им возможность работать, или годные к использованию на работах в пределах остаточной трудоспособности [7, с. 118].

Как свидетельствуют выявленные автором архивные материалы, при делении заключенных по категориям физического состояния в подразделениях УИТЛК УМВД ЛО появились определенные препятствия к организации практической работы. В частности, в тюрьмах усложнилась проблема комплектования этапов по нарядам ГУЛАГа с целью их последующего направления в ИТУ других регионов страны для работы на предприятиях и стройках, имеющих все-союзное значение. Возникли большие сложности и при отборе спецконтингента для низовых подразделений УИТЛК ЛО. В связи с этим в отчетном докладе УМВД ЛО за II квартал 1950 г. было признано необходимым обращение с ходатайством к руководству ГУЛАГа с целью решения вопроса о составлении новой номенклатуры видов работ и классификации их по степени трудности (тяжелые, средние, легкие). При этом указывалось, что еще в 1949 г. было направлено обращение по этому же поводу, но вопрос так и остался неразрешенным [11. Л. 7–8]. По этой причине у начальников ИТУ на местах постоянно существовала возможность самим опре-

делять характер трудности выполняемых заключенными работ, что они делали с наибольшей выгодой для себя. Тем самым, начальники основных звеньев системы УИТЛК превращались в работодателей, а их ответственность за выполнение заключенными норм выработки и плановых заданий усугубляла эксплуатацию труда заключенных [4, с. 114–115].

В то же время с целью создания у заключенных большей заинтересованности в результатах своего труда администрация лагерей и колоний наряду с моральным поощрением заключенных: публичное объявление благодарности, награждение грамотами, красными выпелами на бараках и т. п., стала широко практиковать применение таких материальных стимулов, как зачеты рабочих дней, улучшенное питание, денежные премии, поселение в хорошо оборудованном бараке и т. д. [5, с. 245]. Однако практическая реализация данных мер не могла до конца обеспечить наиболее приемлемую организацию труда заключенных. Высшие органы государственной власти и управления не могли не понимать, что помимо улучшения условий труда подневольной массы людей, необходимо коренным образом улучшать их материальное положение. Ведь нередко заключенные во избежание тяжелого изнурительного труда сознательно нарушали технику безопасности на производстве и получали увечья. Поэтому в целях улучшения трудового использования и роста производительности труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР и создания большей заинтересованности у работающих заключенных в результатах своего труда, 13 марта 1950 г. Советом министров СССР было принято постановление «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР» [6, с. 304].

В результате введения зарплаты для заключенных в лучшую сторону изменились экономические показатели подразделений УИТЛК, о чем было отмечено в отчетном докладе УМВД ЛО за третий квартал 1950 г.: «Государственный план производства промышленной продукции и план контрагентских работ перевыполнены при значительном повышении производительности труда заключенных несмотря на серьезные затруднения, связанные с уменьшением наполнения лагерей и колоний из-за отправки заключенных на стройки МВД СССР» [12. Л. 2]. Но вместе с тем в констатирующей части доклада указывалось, что при недостаточной работе по внедрению рационализаторских предложений в производство в сельскохозяйственных подразделениях, на капитальном строительстве и в контрагентских подразделениях имеется значительное количество

заклученных, не выполняющих норм производственной выработки [12. Л. 3].

Высшие органы государственной власти и управления были прекрасно осведомлены о сложившейся ситуации во всех местах лишения свободы системы ГУЛАГа и в лице своих представителей стали все больше понимать ее экономическую несостоятельность. Но Сталин в сложных ситуациях всегда делал ставку на дальнейшее укрепление всех государственных структур, избрав репрессии в качестве главного средства воздействия на людей [13, с. 66]. Поэтому большие преобразования в обременительной и нерентабельной системе исполнения наказаний стали возможны только после смерти Сталина в марте 1953 г.

С марта 1953 г. на протяжении нескольких лет в системе ГУЛАГа стали происходить реорганизационные процессы. Например, в марте 1955 г. МВД рассталось с одним из своих старейших главков – Главпромстроем, который перешел в Министерство среднего машиностроения. Вопрос об окончательной передаче из МВД производственно-хозяйственных и строительных организаций в другие ведомства был решен в феврале 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС [2, с. 39].

Однако и к середине 1950-х гг. труд заключенных в ИТУ на территории Ленинграда и Ленинградской области по-прежнему не отличался эффективностью и производительностью. И это несмотря на то, что в появившемся 17 июля 1954 г. «Положении об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» подчеркивалось, что организация труда заключенных должна быть основана на таких же началах, как и организация труда всех граждан СССР. Согласно Положению на заключенных стали распространяться все нормы, связанные с охраной труда и восьмичасовой рабочий день [3, с. 155–156]. Тем не менее, в появившемся 23 марта 1956 г. приказе УМВД ЛО «О результатах проверки Отдела исправительно-трудовых колоний (ОИТК) УМВД ЛО и его лагерных подразделений» подчеркивалось, что в цехах некоторых подразделений, изготавливающих продукцию для широкого потребления, рабочие места заключенных стеснены. В отношении подразделений, производящих швейные изделия, указывалось на неритмичную работу производства, при которой много бракованной продукции поступало в переделку [8, с. 21–22]. Таким образом, и после марта 1953 г. труд заключенных в ИТУ на территории Ленинграда и Ленинградской области продолжал оставаться нерентабельным.

В конечном итоге следует сделать вывод о том, что проблемы трудового использования и эффективности труда заключенных в послевоенный период на территории Ленинграда и Ленинградской области явились общим отражением положения дел в системе

ГУЛАГа МВД СССР и характерным примером использования принудительного труда подневольного контингента в системе советского народного хозяйства. В начале послевоенного периода потребовалась жесткая концентрация имеющихся производственно-хозяйственных ресурсов и людских резервов, в том числе заключенных лагерей и колоний для скорейшего выполнения задач по восстановлению разрушенных войной объектов города и области. С учетом сложившейся к тому времени в стране политической ситуации, при их выполнении использование административно-командных рычагов управления было неизбежным. Но к концу 40-х гг., когда при значительном росте хозяйственных объектов истроек, на которых применялся принудительный труд заключенных, все сильнее не только стал ощущаться недостаток квалифицированных специалистов, но и со всей остротой возникла проблема улучшения охраны труда подневольного контингента, а также создания для него таких материальных стимулов, которые смогли бы коренным образом повысить производительность труда и значительно улучшить рентабельность исправительно-трудовых учреждений. При этом все больше стало усиливаться отрицательное воздействие принудительного труда заключенных на совершенствование технологии промышленного производства. Несмотря на либерализацию исправительно-трудовой политики в 1953 г., когда организация труда заключенных и его охраны стала основываться на таких же началах, как и у всех граждан СССР, советское народное хозяйство продолжало оставаться мобилизационным и основанным на методах принуждения и отсутствия материальных стимулов. Поэтому использование принудительного труда заключенных, являвшееся по своей сути эксплуатацией их рабского труда, никак не могло положительно влиять на экономическую рентабельность системы мест лишения свободы.

Список литературы

1. Гинзбург С.З. О прошлом – для будущего. – М., 1986.
2. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И.В. Добровольского. – СПб., 1998.
3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М., 2002.
4. Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. – Домодедово, 1992.
5. Иванова Г.М. ГУЛАГ: государство в государстве // Сов. об-во: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М., 1997. – С. 209–272.
6. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док-тов в 7 т. / Т. 3. Экономика ГУЛАГА / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. – М., 2004.

7. Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Своб. мысль – XXI. – 2001. – № 3. – С. 111–127.
8. Отдел специальных фондов Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области (далее ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 289.
9. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 14.
10. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 17.
11. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 37.
12. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 38.
13. Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отеч. история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.
14. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справ. / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М., 1998. – 600 с.
15. Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. – СПб., М., 2002.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 53. Д. 148.

Ф. К. Ярмолич

Организация интеллектуального досуга жителей Ленинграда в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

В статье на материалах Ленинграда анализируется деятельность органов власти по организации интеллектуального досуга горожан. Выявляются проблемы, возникающие в процессе организации досуговой инфраструктуры, и показываются механизмы их решения. Особенно акцентируется внимание на организации досуга студенчества и рабочих.

The article analyses the activities of the authorities aimed at organizing intellectual leisure for the citizens (on the basis of the Leningrad data). It reveals the problems which occurred while creating leisure facilities and demonstrates the methods of their solution. In particular, the paper focuses on the organization of pastime activities for students and workers.

Ключевые слова: культурно-просветительная деятельность, культурно-массовые мероприятия, досуг, библиотека, спектакль.

Key words: cultural and educational activity, cultural events, leisure, library, performance.

В жизни как рядового обывателя, так и советского общества в целом органы власти играли заметную роль. Не является исключением из этого правила и вне рабочее время советского горожанина. Стремления власти по развитию инфраструктуры и организации интеллектуального досуга несколько активизировались с конца 1940-х – начала 1950-х гг.

Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что к 1948 г. в основном завершилось восстановление основных отраслей народного хозяйства и внимание властей начинает перемещаться на непроизводственный сектор. Верхней хронологической границей выбран 1953 г., потому что в этот год было образовано Министерство культуры, которое объединило все разрозненные ведомства, ориентированные на организацию досугового времени горожанина, что, в свою очередь, может быть рассмотрено как переход на иной организационный уровень.

Выбранный для анализа исторический период интересен тем, что в историографии, касающейся проблемы досуга, он практически не изучен. Одними из первых к проблеме досуга обратились экономисты и обществоведы в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [6], поэто-

му нижняя временная граница их исследований относилась к концу 1950-х гг. Современные историки изучают досуг горожанина в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [7], но они не акцентируют внимание на Ленинграде, более того, на интеллектуальной составляющей свободного времени горожанина.

В силу этих историографических лакун цель статьи заключается в выявлении основных элементов интеллектуального досуга ленинградцев в конце 1940-х – начале 1950-х гг.; анализе возникающих в этой области проблем и показе действий власти по их разрешению.

В статье концентрируется внимание на нескольких аспектах досуговой сферы горожан: во-первых, анализируется финансирование мероприятий, связанных с восстановлением старой и строительством новой досуговой инфраструктуры, материально-техническое комплектование объектов интеллектуального отдыха обывателя (библиотеки, театры и т. д.); во-вторых, предпринимается попытка показать основные трудности, возникающие в репертуарной политике театров; в-третьих, выявляются подходы власти к организации досуговой деятельности разных категорий горожан.

Приступая к рассмотрению указанных проблем, необходимо отметить, что довольно сложно определить степень внимания власти к вопросу об организации свободного времени горожан. С одной стороны, частично ответ на искомый вопрос может дать анализ количества принятых Исполкомом Ленгорсовета нормативно-правовых документов. В «Бюллетене Ленгорисполкома» в 1948–1953 гг. среди нескольких тысяч опубликованных документов по всем сферам жизнедеятельности города и горожан вопросы досуга рассматривались всего 68 раз. Однако надо иметь в виду, что в «Бюллетене...» печатались не все решения горисполкома. С другой стороны, более содержательный ответ сулит изучение финансовой статистики. С 1946 по 1952 г. расходы на социально-культурные мероприятия в Ленинграде выросли с 736 млн руб. до 1165,4 млн руб. [5, с. 116]. Какую часть из них направляли в сферу досуга, определить, используя эти данные, невозможно. Но в перспективе анализ бюджета Ленинграда с выявлением статей, ориентированных на финансирование изучаемой проблемы, и подсчет консолидированных капиталовложений со стороны государства в досуговой сектор позволит ответить на поставленный вопрос.

На данный момент можно предположить лишь то, что вопросы финансирования инфраструктуры, связанной с организацией свободного времени горожан, находились далеко не на первых строках в смете расходов. Более того, если образовывался дефицит средств на финансирование культурно-массовых мероприятий, то для его преодоления нельзя было привлекать средства из производственного сектора. Распоряжением от 14 января 1952 г. Испол-

ком Ленгорсовета запретил «руководителям предприятий и хозяйственных организаций допускать не предусмотренные решениями правительства СССР расходование средств за счет сметы на производство (себестоимости) на культурно-бытовые мероприятия и учреждения сверх сумм, выделенных на эти цели по государственному бюджету СССР, из фонда директора (начальника) предприятия, из премий по Всесоюзному социалистическому соревнованию и по сметам профессиональных союзов» [4, № 3, с. 10].

Имеющийся дефицит стремились пополнить, сократив финансирование одной отрасли досуга и перенаправив появившиеся средства на более перспективное и важное направление. Например, в 1953 г. дополнительные ассигнования на приобретение инвентаря и оборудования Центральной библиотеке имени В.В. Маяковского в сумме 7 тыс. руб. и Городскому экскурсионному бюро в сумме 3 тыс. руб. были найдены «за счет соответствующего уменьшения ассигнований по садам и паркам на приобретение оборудования, инвентаря, автотранспорта, инструмента и животных, строительство павильонов и других парковых сооружений» [10. Д. 7. Л. 95]. И для финансирования восстановления Исаакиевского собора пришлось сократить капиталовложения в сады и парки [10. Д. 6. Л. 125].

Однако, несмотря на существующий запрет перераспределения финансирования из бюджета производственного сектора в пользу нужд культурно-массового хозяйства, эта практика продолжилась. Так, 28 октября 1953 г. было принято решение Ленгорисполкома «О выделении Управлению культуры в 1953 г. дополнительно ассигнований на капитальный ремонт театров», в котором отмечалось, что «в соответствии с распоряжением Совета министров РСФСР от 29 августа 1953 года и в дополнение к распоряжению Исполкома Ленгорсовета от 25 сентября 1953 года, выделить Управлению культуры в 1953 году в IV квартале дополнительные ассигнования на капитальный ремонт театров в сумме 490 тыс. руб., за счет уменьшения ассигнований на капитальный ремонт основных фондов из бюджета по управлению "Дормост"» [10. Д. 6. Л. 120].

Второй пример: Ленгорисполком 7 октября 1953 г. принял решение выделить Управлению культуры в 1953 г. 100 тыс. руб. на восстановление здания под кинолекторий в Зоологическом парке за счет накоплений районной промышленности [10. Д. 7. Л. 2].

Довольно сложной оставалась ситуация с восстановлением старых и возведением новых зданий для объектов культуры, со снабжением их необходимым инвентарем. Например, в начале 1948 г. в Ленинградской центральной библиотеке не хватало столов и стульев, а некоторые части здания библиотеки еще не были восстановлены после Великой Отечественной войны [1, № 2. с. 11]. Вообще проблема неотремонтированности помещений была

характерна для массовых библиотек на протяжении всего 1948 г. и начала 1949 г. [2, № 6. с. 4] Медленно шел и капитальный ремонт кинотеатров [1, № 18. с. 19].

В «Положении об Отделе культурно-просветительной работы» от 21 марта 1949 г. декларировалось, что одной из обязанностей отдела является учет, охрана, реставрация и использование исторических, архитектурных памятников и культурно-просветительских заведений [2, № 9. с. 16]. Скорее всего изменения, последовавшие в экономике, и, как следствие этого, принятие нового положения об Отделе культурно-просветительной работы в определенной степени улучшили ситуацию в материально-техническом обеспечении досуговой сферы.

В 1950 г. происходит расширение библиотечной и клубной сети города и пригородов, набирает силу процесс восстановления музейных зданий (в 1950 г. отремонтирован Суворовский музей), появляются проекты об увеличении сети кинотеатров и т. д. [3, № 5. с. 6]. К концу изучаемого периода масштабность восстановительных работ несколько увеличилась. Так например, в августе 1953 г. в соответствии с распоряжением Совета министров РСФСР на третий квартал 1953 г. Управлению культуры было выделено на капитальный ремонт театров 300 тыс. руб. [10. Д. 6. Л. 120]. В сентябре того же года для реализации решения Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся «О ликвидации аварийного состояния и восстановления здания музея-памятника “Исаакиевский собор”» Политехническому институту имени Калинина на проведение научно-исследовательских работ было выделено 128 тыс. руб., что составляло 15 % от общего бюджета, рассчитанного на восстановление Исаакиевского собора [10. Д. 6. Л. 125].

К концу 1947 г. в Ленинградской центральной библиотеке существовали очереди за книгами, не были восстановлены каталог и справочно-библиографический указатели [1, № 2. с. 11]. Хотя сухой бюрократический язык и дал этой ситуации следующую характеристику: «в отдельных библиотеках книжные фонды до сих пор находятся в неудовлетворительном состоянии» [1, № 2. с. 11], надо полагать, что за этой формулировкой скрывались такие явления, как отсутствие внутренних описей, недостаточное знание работниками библиотек своих фондов и т. д. Все это делало невозможным качественное обслуживание читателей.

Власти предпринимали попытки нормализовать работу библиотек. Например, в 1949 г. Ленгорисполком рекомендовал исполкому Октябрьского районного совета в течение года привести в соответствие с библиотечными нормами каталоги и периодически устраивать проверку наличия книг в фондах [2, № 6. с. 4]. В начале 1950-х гг. улучшается комплектование инвентарем и оборудованием

библиотек. Например, в IV квартале 1953 г. выделяется 7 тыс. руб. на приобретение необходимого инвентаря Центральной библиотеке им. В.В. Маяковского [10. Д. 7. Л. 95], 12 октября 1953 г. Ленгорисполком принимает решение о направлении такой же суммы на соответствующие нужды районной библиотеке в г. Павловске [10. Д. 7. Л. 9].

Наряду с отмеченными трудностями, в конце 1940-х гг. оставался актуальным, особенно для районных и фабрично-заводских библиотек, вопрос о наполняемости их фондов. Для его решения в начале 1950-х гг. либо выделялись средства на закупку новой литературы, либо же библиотеки с богатым книжным фондом передавали часть своих книг в другие библиотеки. Например, в 1953 г. массовым библиотекам Ленинграда указывалось передать безвозмездно массовым библиотекам Ленинградской области 17.046 экземпляров книг [10. Д. 7. Л. 45].

По мнению Управления по делам искусств в театральной жизни в конце 1940-х – начале 1950-х гг. существовали свои трудности. Во-первых, при составлении репертуара администрация театров в большей степени руководствовалась финансовыми соображениями. Во-вторых, при приеме пьес и других произведений принимающие органы предъявляли недостаточно высокие требования. В-третьих, существовали внутриинституциональные противоречия при приеме пьес и других театральных постановок [8. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–3-об.].

Один из примеров, иллюстрирующих третий комплекс проблем, – ситуация с принятием спектакля «Алеко» и оперы «Великая дружба» В. Мурадели. Сотрудники Управления по делам искусств возражали против их постановки в Малом оперном театре, считая, что спектакли были недостаточно хороши. Однако эти произведения вышли в свет без исправлений, так как Малый оперный театр подчинялся Москве, которая включила их в репертуарный список театра [8. Оп. 2. Д. 1. Л. 6–6-об.].

Эта ситуация не изменилась и позже. В 1950 г. на одном из партсобраний заместитель начальника Управления по делам искусств Ленгорисполкома Н.И. Фиглин отмечал, что необходима помощь со стороны горкома ВКП(б) «по вопросу учреждений союзного подчинения, которые до сего времени не находятся под должным контролем Управления» [8. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

К 1952 г. контролирующие органы не всегда оставались довольны качеством предлагаемых спектаклей: «Партийное собрание отмечает, что учреждения искусств города Ленинграда за последнее время добились некоторых успехов. Ленинградскими театрами создан ряд ценных спектаклей (например, "Высокая волна", "Гибель эскадры" и др.).

Однако эти успехи ни в какой мере не устраняют общего неудовлетворительного положения с выполнением исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Ленинградские театры за прошлый сезон выпустили очень мало спектаклей на современную советскую тему, а ряд спектаклей были выпущены на низком качественном уровне. ("У нас уже утро", "Честь смолоду" и др.)

Драматурги до сих пор не обеспечивают театры пьесами, отвечающими высоким идейно-художественным требованиям советского зрителя. Театры и общественные организации недостаточно мобилизуют свои возможности на выпуск спектаклей на современную тему» [8. Оп. 5. Д. 1. Л. 31].

Существовали проблемы и с режиссерскими кадрами. В 1950 г. весьма конкретно высказался об этом начальник Управления по делам искусств Ленгорисполкома Б.И. Загурский: «Состояние же этих кадров (режиссеров. – Ф.Я.) у нас не только не на высоте, но грозит нам серьезными неприятностями и неожиданностями, если мы сейчас не примем ряд мер. Прежде всего, у нас просто мало этих кадров и нам надо сейчас ознакомиться с подготовкой их в Театральном институте и с выделением новых режиссерских сил. Нужно составить себе резервы из числа талантливых актеров, могущих ставить спектакли, взять на учет свободных режиссеров. Затем нужно заняться очень серьезно их подготовкой. Конечно, следует расширить уже зарекомендовавших себя, политически зрелых режиссеров. От этого будет, главным образом, зависеть и содержание наших спектаклей, самый репертуарный новый план, который нас пока не удовлетворяет» [8. Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Низкие заработные платы и вообще система поощрения работников культурной сферы не способствовали созданию хороших произведений искусства. И это осознавали представители партийных структур: «Не имея денег, постоянно в них нуждаясь, композиторы вряд ли смогут и учиться с пользой, и писать оперы. Мне кажется, это и централизация заказов, и система их организации не соответствует, устарела, а главное не дала благоприятных, результатов. Кроме того, она совершенно убивает и самостоятельность, и ответственность ленинградских оперных театров, Управления по делам искусств и Союза композиторов» [9. Оп. 25. Д. 4. Л. 22]. Эту проблему центральные власти пытались решить, повысив зарплаты.

Более того, было разрешено «в виде исключения, директору Ленинградского дворца пионеров имени А.А. Жданова, его заместителю, художественному руководителю, заведующим отделов, их заместителям, заведующим секторами и секций, а также методистам вести занятия с кружками и методическую работу за дополнительную плату к основному окладу до 12 часов в неделю из расчета

ставки заработной платы руководителя кружка соответствующей группы» [10. Д. 7. Л. 87].

В решении досуговых задач ленинградские власти шли и по пути дифференцированного подхода при создании условий отдыха для конкретных категорий горожан. Архивные источники позволяют проследить, как партийные и советские органы стремились организовать свободное время, например, студентов и рабочих.

Студенческое сообщество относится к одной из уникальных социальных категорий с точки зрения использования свободного времени. Как известно, у прилежных и добросовестных студентов в период обучения свободного времени практически нет, но оно резко возрастает в период каникул. В силу этих обстоятельств власти стремились максимально заполнить каникулярное время студента культурно-массовыми мероприятиями.

В период зимних каникул (с 24 января по 6 февраля) 1954 г. театрам, концертным организациям, цирку, художественным и другим музеям настоятельно рекомендовалось создавать наилучшие условия по обслуживанию учащихся вузов Ленинграда. В планах работы театрально-зрелищных и культурно-просветительных организаций, разработанных накануне зимних каникул комсомолом и профсоюзами, предусматривались: «показ лучших спектаклей современной, а также русской и западной классической драматургии; проведение дополнительных дневных спектаклей, цирковых представлений в рабочие дни по расценкам утренников; устройство в концертных залах, дворцах культуры, студенческих и рабочих клубах тематических концертов по программам, составленным из лучших произведений советских композиторов и писателей, а также произведений русской и зарубежной классики; организация творческих встреч студенческой общественности с ведущими артистами, музыкантами, режиссерами, композиторами; оформление в фойе театрально-зрелищных организаций и клубов выставок, посвященных достижениям советского искусства и успехам местных коллективов и работников искусств» [10, Д.1. Л. 58–59].

В свою очередь директора картинных галерей, художественных, краеведческих и других музеев обязаны были выделить на время зимних каникул специальных экскурсоводов для обслуживания студенческих экскурсий; организовать по заявкам высших учебных заведений, театров, клубов передвижные выставки [10. Д. 1. Л. 58–59].

Поскольку длительность зимних каникул относительно невелика, то власти стремились минимизировать временные затраты на покупку билетов и предлагали театрам, циркам и т. д. «организовать широкую предварительную продажу билетов учащимся вузов на индивидуальные и коллективные посещения зрелищных мероприятий, выделив для лучшей организации распространения билетов специ-

альных уполномоченных по каждому вузу; заявки студенческих организаций на билеты в театры, цирки и концертные залы во время зимних каникул удовлетворять в первую очередь» [10, Д.1. Л. 58–59].

Деятельность власти по организации досуга представителей рабочего класса имела свою специфику. На протяжении изучаемого периода партийные и советские органы Ленинграда неоднократно поднимали вопрос о недостаточно высоком качестве проведения культурно-просветительной работы в рабочих общежитиях. Так, проведенное в 1949 г. обследование 36 общежитий строителей, расположенных в Выборгском и Московском районах, показало, что эта работа в них велась неудовлетворительно. Как отмечалось в решении Ленгорисполкома жильцы общежитий были плохо ознакомлены с общественно-политической и культурной жизнью страны и с достижениями советской науки, для них не организовывались экскурсии в музеи, по историческим местам Ленинграда и его пригородам. В большинстве общежитий красные уголки не работали, кружки художественной самодеятельности не были организованы.

Причины сложившейся ситуации власти видели в том, что как руководство строительных организаций, так и городской отдел культурно-просветительной работы не вели. Ленгорисполком потребовал от них обратить особое внимание на культурно-досуговую сферу, в частности, рекомендовалось подобрать соответствующие кадры, систематически в общежитиях проводить лекции на культурно-политические и научно-технические темы, организовать библиотеки-передвижки и т. д. [2, № 15. с. 5].

Однако предпринимаемые партийными и советскими органами меры оказались недостаточно эффективными, поскольку и спустя четыре года ситуация с организацией культурно-досугового времени в общежитиях оставалась довольно сложной. В решении Ленгорисполкома «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового обслуживания рабочих ремонтно-строительных трестов и контор» от 10 августа 1953 г., во-первых, перечислялись те же проблемы, что и в решении 1949 г., во-вторых, указывались и новые факты. Отмечалось, что определенное число рабочих живет в полуподвальных помещениях, и у них практически отсутствовали хоть какие-то условия для нормализации своего быта. В свою очередь, неблагоприятная бытовая обстановка не располагала к культурному проведению досуга и ставила эту категорию граждан в группу риска, когда свободное время заполнялось в основном распитием спиртных напитков и т. д.

Однако в этом же документе отмечаются и улучшения в организации досугового времени рабочих: «в общежитиях Сталинского, Василеостровского, Дзержинского, Куйбышевского, Свердловского районов работают Советы красных уголков и общежитий, избраны старосты комнат, работают кружки художественной самодеятельности, спортивные секции, библиотеки-передвижки, проводятся культ-

походы, организуются просмотры телевизионных передач. В комнатах чисто, постельное белье меняется регулярно, имеется необходимый жесткий и мягкий инвентарь» [10. Д. 6. Л. 43, 44].

Выбранный для анализа период весьма интересен, поскольку содержательно он четко не определен. С одной стороны, его нельзя отнести ко времени, когда происходили качественные изменения, с другой стороны, было бы неверным утверждать, что в 1948–1953 гг. не было никакого движения в сторону качественных преобразований. Более того, изучаемые пять лет также неоднородны. 1948, 1949 и частично 1950 гг. – это период относительного отсутствия поступательного развития досуговой сферы, но в это время определялись пути дальнейшего развития. Не вызывает никакого сомнения, что в 1951, 1952, 1953 гг. организация досуга начинает переходить на другой уровень. И более того, именно в это время отмечается начало довольно уверенного тренда на перераспределение средств в область интеллектуально-эстетического отдыха горожан.

Анализ деятельности органов власти показал, что она стремилась учитывать особенности социальных групп и по возможности решать проблемы, которые мешали отдыху представителей той или иной страты. Такой социально-ориентированный поход позволял привлечь к культурно-массовым мероприятиям гораздо большее количество людей, чем прежде.

Список литературы

1. Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. – 1948.
2. Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. – 1949.
3. Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. – 1950.
4. Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. – 1952.
5. Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. – СПб., 2005.
6. Внеурочное время трудящихся / под ред. Г.А. Пруденского. – Новосибирск, 1961; Байкова В.Г., Дучал А.С., Земцев А.А. Свободное время и всестороннее развитие личности. – М., 1965; Гордон Л.А., Левин Б.М. Пятидневка: культура и быт. – М., 1967, и др. В 1970-е гг. тенденция изучения внеурочного, в том числе и свободного, времени граждан СССР продолжилась.
7. Культурно-досуговая деятельность: учеб. / под ред. А.Д. Жаркова. – М., 1998; Хренов Н.А. Мифология досуга. – М., 1998; Максютин Н.Ф. Очерки истории досуга. – Казань, 2003; Стрельцов Ю.А. Культурология досуга. – М., 2003; Ключко Е.М. Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945–1985 гг.) теоретико-методологический и исторический аспект: учеб. пособие. – М., 2007, и др.
8. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 948.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 24.
10. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(470.316).084.1:352.075

И. А. Тропов

Материалы Ярославского губернского земского собрания как источник по истории местного самоуправления в России (июль 1917 г.)

Публикуемые ниже архивные документы включают в себя протоколы заседаний земского собрания Ярославской губернии 16 и 17 июля 1917 г., а также два приложения, отражающих особое мнение части земских гласных по вопросу о способах демократизации органов местного самоуправления после падения самодержавия в России. Данные документы важны для характеристики особенностей реформирования и специфики функционирования земских органов после победы Февральской революции 1917 г.

Archive documents published below include the journals of Yaroslavl zemstvo meeting of July 16 and 17, 1917 as well as two attachments reflecting peculiar opinion of some town councilors regarding the methods of local governments' democratization after autocracy downfall in Russia. The documents given are important for the characteristics of reformation features and peculiarity of zemstvo bodies functioning after the February revolution of 1917 victory.

Ключевые слова: губернское и уездное земские собрания, гласные, земская управа, демократизация земства, Министерство внутренних дел, Временное правительство.

Key words: provincial and uyezd zemstvo meetings, town councilors, zemstvo board, zemstvo democratization, Ministry of Internal Affairs, interjacent government.

Пришедшее к власти 2 марта 1917 г. Временное правительство практически сразу же заявило о своем стремлении к масштабной реорганизации органов местного самоуправления на основе «всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». Уже 26 марта под руководством товарища министра внутренних дел С.М. Леонтьева началась разработка нормативно-правовой базы для проведения соответствующих преобразований.

Однако на местах, не дожидаясь указаний «сверху», а порой и вопреки распоряжениям правительства, весной – летом 1917 г. происходила демократизация органов самоуправления. Содержанием этого процесса были перевыборы или просто пополнение данных

органов с целью ограничения или вытеснения из них «цензовых» элементов и усиления роли представителей рядового населения.

Публикуемый ниже документ дает весьма яркое представление об особенностях процессов демократизации земских органов в провинции, на примере Ярославской губернии. Из материалов губернского земского собрания, проходившего 16–17 июля 1917 г., видно, что борьба за изменение состава прежнего, «цензового» земства активно велась «снизу», при деятельном участии местного населения. В результате в некоторых уездах проходили не довыборы новых представителей в земства, а «перевыборы всех гласных».

Идея полной смены состава уездных гласных вызвала противоречивую реакцию на губернском уровне. Архивные материалы позволяют проследить за разворачивавшимися по этому поводу дискуссиями. Публикуемые материалы проливают свет на давно дискутируемый в исторической науке вопрос о степени эффективности деятельности обновленных земств. Новые гласные зачастую оказывались чрезмерно политизированными, не признавали указаний Временного правительства и МВД. Их громкие заявления и непоследовательность в практической деятельности в немалой степени затрудняли повседневную работу земских органов.

Данный документ публикуется с сокращениями по рукописному оригиналу протоколов земского собрания Ярославской губернии, обнаруженному нами в фонде 485 Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) [Оп. 1. Д. 1106]. («Доклады об изменении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях и демократизации их за 1917 г.») [Л. 2–26 об.].

Сохранены стиль, орфография и пунктуация источника. Пропущенные буквы и очевидные описки исправлены нами. Необходимые пояснения сделаны мною непосредственно в тексте, в круглых скобках.

Материалы земского собрания Ярославской губернии (16–17 июля 1917 г.)

«Утреннее заседание 16 июля

... в № 102 Вестника Временного Правительства от 12 июля опубликовано постановление ... о применении действующего положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них положения...

... Ярославское уездное земское собрание, которому надлежало лишь доизбрать гласных в губернское собрание, произвело перевыборы всех гласных. На это постановление гласным старого состава кн. П.Д. Урусовым была принесена жалоба в окружной суд.

Суд отменил постановление уездного собрания о переизбрании всех гласных...

Это решение было сообщено уездной управе. Управа полагает, что пока еще не истек срок обжалования постановления суду, его нельзя считать вступившим в законную силу; поэтому состав гласных настоящего собрания от Ярославского уезда должен отражать постановления уездного земского собрания.

Куп[ец] К. Черносвитов полагает, что гласные старого состава не утратили своих полномочий, так как пока постановление окружного суда не обжаловано в высшую инстанцию, его следует считать имеющим законную силу.

Д.Н. Андронов говорит, что уездное земское собрание переизбрало всех гласных, потому что признало, что гласные старого состава не пользуются доверием населения...

Закрытой баллотировкой шарами, большинством 32 голоса против 26 собрание постановило: признать, что в виду создавшегося на последнем Ярославском экстренном уездном земском собрании переизбрания всех гласных в губ. земское собрание, гласные старого состава утратили право на участие в губ. собрании...

Приложение 1

Группа крестьян, гласных Ярославского губернского Земства, а также гласные не крестьяне, примыкающие к этой группе, собравшись 16-го июля 1917 года на первое после падения старого строя экстренное Губернское Земское Собрание, ознакомившись с формой демократизации Губернского Земства, принятой Губернской Земской Управой и одобренной Министерством Вн. Дел, заявляют:

1) (зачёркнуто – прочитать невозможно)

2) Группа признает принципиально основное положение, что Губернское Земское Собрание должно быть созываемо при нормальных условиях исключительно на основе уездного представительства, имея же ввиду переживаемое переходное время, группа гласных считает необходимым, чтобы состав Губ. Земского Собрания, до введения нового Земского положения был пополнен представителями демократических организаций. Группа вполне соглашается с постановлением Губ. Исполнительного Комитета от 12-го июня по вопросу о демократизации Яросл. Губ. Земства.

3) Группа не разделяет точку зрения Министерства Вн. Дел, которое сообщило губернской Земской Управе и губернскому Комиссару, что пополнение состава Губернского Земского Собрания новыми гласными сверх предложений Губернской Земской Управы не представляется вызываемыми обстоятельствами дела.

Группа, разделяя постановление Губ. Исполнительного Комитета от 10-го июня, признающего необходимым учинить вопрос о де-

мократизации земства в Министерстве Вн. Дел, считает нужным возбудить перед Министерством Вн. Дел ходатайство от имени Ярославского Губернского Земского Собрания о пересмотре решения Министерства Внутр. Дел относительно демократизации Яросл. Губернского Земства.

4) На этом основании группа гласных считает необходимым настоявшее собрание отложить до 24 июля.

[Утреннее заседание 16 июля (продолжение)]

А.В. Потехин говорит, что губернская управа всячески стремилась парализовать усилия исполнительного комитета и совета крестьянских депутатов, направленные к тому, чтобы сделать глас трудового крестьянства в собрании мощным. Управа стояла все время на той точке зрения, что в настоящее революционное время, требующее упрочение доверия к земству в низах населения, надо держаться буквы закона и не допускать представителей крестьянских советов в собрание. ... Далее говорят о том, что надо подчиняться распоряжениям Временного Правительства, но не будет никакого неподчинения в том, если собрание пошлет телеграмму о необходимости дальнейшей демократизации в виде делегации от совета крестьянских депутатов... Если собрание хочет действовать в контакте с трудовым крестьянством, оно должно послать за это телеграмму. Конфликта с Временным Правительством в этом случае не будет, потому что министерство считает демократизацию собрания по проекту исполнительного комитета не незаконной, а лишь не вызываемой обстоятельствами дела. Между тем на самом деле обстоятельства власти требуют дальнейшей демократизации собрания. Так как отсрочка собрания на продолжительное время невозможна крестьянская группа предлагает отложить его лишь до 24 июня.

С.А. Скобников указывает на то, что крестьянская группа не имеет ни малейшего права говорить о том, что собрание не будет защищать интересы трудового крестьянства, пока не рассматривался ни один доклад. Точно также нельзя сказать, что настоящее собрание недостаточно демократично, так как оно пополнено представителями от вполне демократизированных уездных собраний.

И.И. Шейн говорит, что присутствующие в собрании крестьяне не могут считаться представителями населения, так как они сами себя выбирали.

Ф.А. Прозоровский говорит, что заявление И.И. Шейна неправильно: в Рыбинском уезде, например, принимали участие в выборах 34 гласных; если же гласный Шейн считает, что он сам себя выбирал, то ему ничего не остается сделать, как только покинуть собрание.

Куп. К. Черносвитов говорит, что крестьянская группа стремится к тому, чтобы предоставить крестьянам перевес в собрании, идет против основных принципов демократизма – свобода, равенство и братство. Лишь в том случае собрание будет истинно демократичным, если голос всех гласных будет одинаково мощен.

Приложение 2

Представив свои соображения о форме демократизации Губернского Земства, обеспечивающих полноту авторитета и доверие к земству трудовых масс и должную защиту интересов трудового крестьянства и приняв во внимание, что большинство экстр. Губ. Зем. Собрания с этими соображениями не согласилось группа крестьянских гласных Ярославского Губернского Земства, а также гласные не крестьяне, примыкающие к этой группе, не могут принимать на себя ответственность за решения настоящего состава Экстр. Губ. Зем. Собрания и за ведение земских дел и покидают зал заседаний.

Ставится на закрытую баллотировку шарами вопрос, следует ли откладывать настоящее земское собрание и возбуждать ходатайство о дальнейшей демократизации его по проекту, возбужденному губ. исполнительным комитетом.

Большинством 32 голоса против 29 постановлено: собрание не откладывать и ходатайство не возбуждать.

Вместе с перечисленными лицами оставляет собрание еще некоторая группа гласных, не делая никаких заявлений о мотивах своего ухода.

В виду того, что в зале заседания остается только 33 гласных, председатель собрания объявляет заседание за отсутствием кворума закрытым и назначает следующее заседание на 11 час. утра 17 июля.

Дневное заседание 17 июля

Г.Г. Кротов говорит, что группа крестьян, покинувшая вчера зал заседания, поручила ему сделать заявление, что она вернется если собрание пересмотрит свое постановление ... и возбудит ходатайство перед министерством о дальнейшей демократизации собрания по проекту исполнительного комитета.

Собрание постановило: возбудить ходатайство пред министерством внутренних дел о более широкой демократизации губ. земского собрания на основе всеобщего избирательного права.

Н.И. Крылов считает необходимым подчеркнуть, что управа сумела принять все необходимые меры к тому, чтобы революция прошла в Ярославской губернии спокойно. Собрание единогласно постановило: признать действия губ. управы со времени государственного переворота правильными и выразить ей благодарность.

...собрание переходит к рассмотрению ходатайства о займе Пошехонского земства. Г.Г. Крафт поддерживает ходатайство земства, указывая на то, что в уезде полная разруха и отсутствуют необходимые средства; недоимки население не платит, и положение таково, что не хватает денег даже на жалованье служащим.

Собрание постановило: ... ходатайство Пошехонского земства отклонить, предложив управе обратить усиленное внимание на взыскание недоимок.

Приложение: Формула перехода

Выслушав гл. Кротова, заявившего, по его словам, от группы ушедших вчера из собрания гласных, что если зем. собрание отменит свое постановление по вопросу о своем составе, то ушедшие согласны вернуться, собрание, одушевленное искренним желанием примирить ушедших с большинством собрания и привлечь их к деловой земской работе, постановило изменить свое прежнее постановление о возбуждении ходатайства перед правительством, хотя принципиально и продолжало стоять на прежней точки зрения о составе губ. зем. собрания. Из внеочередного заявления гл. Порхина, посланного в собрание группой ушедших гласных, только для того, чтобы категорически и в оскорбительной для гласных форме отвергнуть то примирение, на которое призывало собрание ушедших, вполне выяснилось, что собрание введено было гл. Кротовым в заблуждение.

Выражая свое глубокое сожаление по поводу происшедшего, Губ. Зем. Собрание переходит к обсуждению резолюции редакционной комиссии...».

Сведения об авторах

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный институт народного хозяйства (ДГИНХ); e-mail: vikingpasha@mail.ru

Будашевский Григорий Владленович – соискатель, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: bgv62-mail.ru@mail.ru

Васильев Павел Андреевич – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН; e-mail: p.a.vasilyev@gmail.com

Виноградов Михаил Сергеевич – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: mv-nn@mail.ru

Голубев Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, директор, Петрозаводский филиал ФГБОУ ВПО «Петербургский государственный университет путей сообщения» (ПГУПС); e-mail: kasa-gp@yandex.ru

Данильченко Виталий Иванович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Лобанов Николай Андреевич – кандидат экономических наук, профессор, директор, Научно-исследовательский институт социально-экономических и педагогических проблем непрерывного образования Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина; e-mail: akmevita-lna@ya.ru

Махмудова Кемси Зелимхановна – кандидат исторических наук, доцент, Чеченский государственный университет; e-mail: kemsiz@mail.ru

Надсадный Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: naddim@yandex.ru

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: mokva@aanet.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@yandex.ru

Трошин Дмитрий Юрьевич – аспирант исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: demon-spb2007@yandex.ru

Хеорхе Иван Иванович – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: aksik8686@mail.ru

Шевлякова Валентина Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Ярмолич Федор Кузьмич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН; заведующий учебно-методическим кабинетом кафедры истории отечества факультета теоретических дисциплин, Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова; e-mail: f.k.1985@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Редактор *Т. Г. Захарова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал макет *Н.П. Никитиной*

Подписано в печать 15.06.2012. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ № 776

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а